

Человек с золотым пистолетом

1. Чем я могу вам помочь?

В Секретной службе имеется много такого, чего не дано знать даже самым высшим чинам этой организации. Только М. и его начальник штаба знают абсолютно все, что нужно знать. Последний отвечает за сохранность совершенно секретных отчетов, известных под названием «Книга военных операций». Эти сведения, в случае смерти обоих, как и информация, которой владеют отдельные отделы и посты, становится достоянием их преемников.

Одного не знал Джеймс Бонд, каким образом аппарат штаб-квартиры управляется с общественным мнением, дружественным или каким другим, как общаются с пьяницами, лунатиками, подателями заявлений с просьбой принять на работу в Секретную службу, с вражескими агентами, планирующими внедриться в организацию или, скажем, совершить убийство.

Этим холодным ноябрьским утром Бонд должен был увидеть невидимую работу этой машины в действии.

Девушка на коммутаторе министерства обороны переключила тумблер в положение «ждите».

— Звонит еще один ненормальный, который утверждает, что он Джеймс Бонд, и даже знает его кодовый номер, — сказала она соседке. — Говорит, что хочет лично говорить с М.

Старшая по смене пожала плечами. Уже в течение года подобные звонки были не редкостью, хотя в прессе давно объявили о смерти Джеймса Бонда при выполнении задания в Японии. Была, правда, одна ненормальная, которая каждое полнолуние передавала послания от Бонда с Урана, где, по-видимому, он задержался, ожидая пропуска в рай.

— Соедините его с отделом связи, Пэт, — сказала старшая.

Отдел связи был первым зубцом шестеренки, первым ситом организации. Оператор включилась в линию.

— Минуточку, сэр. Я соединю вас с офицером, который сможет помочь вам.

— Благодарю, — сказал Джеймс Бонд, сидя на краю кровати.

Он ожидал, что будет небольшая задержка, пока ему позволят удостоверить свою личность. Об этом его не раз предупреждал очаровательный полковник Борис, на попечении которого он находился в течение последних нескольких месяцев после того, как закончил курс лечения в роскошном институте на Невском проспекте в Ленинграде.

— Говорит капитан Уолкер, — послышался в трубке мужской голос, — чем я могу вам помочь?

Джеймс Бонд говорил медленно и четко:

— Говорит командер Джеймс Бонд. Номер 007. Не могли бы вы соединить меня с М. или его секретарем мисс Манипенни. Хочу договориться о встрече.

Капитан Уолкер нажал на две кнопки, находящиеся сбоку телефонного аппарата. Одна из них включила магнитофон, которым пользовались в отделе, где он работал, другая подала сигнал дежурному офицеру в отделе операций специального подразделения Скотленд-Ярда — там должны прослушать разговор, выяснить, откуда звонят, и сразу же приставить «хвоста» к звонящему. Теперь капитан Уолкер, бывший военнопленный и чрезвычайно талантливый следователь военной разведки, должен был сделать так, чтобы звонящий говорил не менее пяти минут.

— Боюсь, что не знаю ни одного из названных вами людей. Вы уверены, что

набрали правильный номер?

Джеймс Бонд терпеливо повторил код, который Являлся основным номером Секретной службы для внешних звонков. Вместе со многими другими вещами он забыл этот номер, но полковник Борис, зная об этом, заставил его написать цифры между строчками лицевой стороны его поддельного британского паспорта на имя Фрэнка Уэстмакотта, директора компании.

— Да, — сказал капитан Уолкер сочувственно. — Кажется, вы ошиблись. Здесь таких нет. А кто эти люди, с которыми вы желаете поговорить? Ну, например, вот этот г-н М., кто он? У нас в министерстве таких точно нет.

— Вы что, хотите, чтобы я назвал его имя по буквам? Вы отдаете себе отчет в том, что мы говорим открытым текстом?

Уверенность капитана Уолкера была несколько поколеблена настойчивостью, которая прозвучала в голосе говорящего. Он нажал еще одну кнопку. Раздался телефонный звонок — и Бонд мог его слышать.

— Подождите минуточку. Кто-то звонит по другому телефону. — Капитан Уолкер связался с начальником своего отдела. — Прошу прощения, сэр. У меня на проводе парень, который утверждает, что он Джеймс Бонд, и хочет поговорить с М. Понимаю, что все это бред. Да, я выполнил все необходимые формальности, спецотдел в курсе, но не могли бы и вы уделить ему минуточку? Благодарю вас, сэр.

В кабинете, расположенном через две комнаты от рабочего места капитана Уолкера, старший офицер безопасности Секретной службы, несколько озабоченный этим сообщением, нажал на переключатель.

— Убиться можно. — Стоявший на столе микрофон ожил. Старший офицер безопасности сидел не шелохнувшись. Ему жутко хотелось закурить, но в его кабинете теперь находились капитан Уолкер и этот лунатик, который называл себя Джеймсом Бондом. Голос капитана Уолкера был включен на полную мощность: — Прошу прощения, но этот господин М., с которым вы жаждете поговорить, кто он? Уверен, что секретов никаких мы не разглашаем. Не могли бы вы говорить более конкретно?

Джеймс Бонд нахмурился. Он, кстати, не знал, что он нахмурился, и даже не смог бы объяснить, почему он это сделал. Он понизил голос до шепота, хотя вовсе не отдавал себе в этом отчет:

— Адмирал, сэр Майлз Мессерви. Он руководитель одного из отделов вашего министерства. Раньше он занимал кабинет № 12 на восьмом этаже. У него была секретарша — мисс Манипенни. Симпатичная. Брюнетка. А имя начальника штаба вам назвать? Нет? Хорошо. Ну, что еще? Сегодня среда, может быть, сообщить вам, чем нынче кормят в столовой? Должно быть, подают пудинг с мясом и точками.

Старший офицер безопасности поднял трубку прямого телефона к капитану Уолкеру.

— Черт! Снова звонят. Секунду, — сказал Бонду тот поднял зеленую трубку: — Слушаю, сэр.

— Мне не понравилась его шутка насчет пудинга с мясом и почками. Отправьте его к «серьезному человеку». Впрочем, нет, лучше к «интеллигенту». В гибели 007 было что-то странное. Тела не нашли. И никаких вещественных доказательств. Мне всегда Казалось, что жители этого японского острова работали чересчур чисто. Не выпив, тут не разобраться. Уж больно все гладко. А ведь все может быть. Держите меня в курсе.

Капитан Уолкер вновь соединился с Джеймсом Бондом.

— Извините, что задержал вас. Очень много работы сегодня. Теперь о вашей просьбе. Боюсь, что не смогу вам помочь. Это не по моей части. Вам нужно связаться с майором Таунсендом. Может быть, он найдет человека, который вам нужен. У вас есть карандаш под рукой? Запишите адрес — Кенсингтон Клойстерс, дом № 44.

Записали? Телефон — Кенсингтон, 55—55. Перезвоните мне через десять минут. Я выясню, сможет ли он вам помочь. Хорошо?

— Очень любезно с вашей стороны, — мрачно произнес Джеймс Бонд и положил трубку. Подождав ровно десять минут, он снова ее поднял и попросил соединить его с номером, который ему сообщили.

Джеймс Бонд остановился в отеле «Ритц». Сделать так попросил его полковник Борис. В личном деле Бонда в архиве КГБ содержалось упоминание о том, что он любил пожить на широкую ногу, стало быть, по прибытии в Лондон он должен придерживаться характеристики, выданной ему КГБ. Бонд спустился на лифте ко входу гостиницы со стороны Арлингтон-стрит. Человек, стоявший у газетного киоска, получил хороший кадр, сфотографировав его в профиль при помощи камеры «Минокс», спрятанной в пуговице пиджака. Когда Бонд вышел на улицу, отсчитав несколько низких ступенек, и попросил швейцара вызвать такси, из небольшого автобуса с рекламой прачечной фирмы «Красные розы», того, что стоял рядом со служебным входом, его опять сфотографировали с помощью телевика «Кэнонфлекс». Сам же грузовичок последовал за такси, в которое сел Бонд. Человек, находившийся в автобусе, немедленно информировал отдел операций специального подразделения.

Дом № 44 в Кенсингтон Клойстерс был мрачным особняком, выстроенным в викторианском стиле из темно-красного кирпича. Его подбирали специально, с тайным расчетом: дело в том, что когда-то в нем располагалась штаб-квартира Имперской лиги по борьбе с шумом и на входной двери все еще висела медная вывеска с наименованием этой давно не существующей организации: словом, эта «крыша» была куплена Секретной службой при посредничестве министерства по делам Содружества наций. В здании имелся также просторный старинный подвал, переоборудованный под камеры для содержания подследственных. Из подвала был выход в помещение конюшни.

Из автобуса проследили, как парадная дверь закрылась за Джеймсом Бондом, и после этого неспешно отправились в гараж неподалеку от Скотленд-Ярда. В пути времени в автобусе даром не теряли — проявляли пленку, снятую «Кэнонфлексом».

— У меня назначена встреча с майором Таунсендом, — сказал Бонд.

— Да. Он ждет вас, сэр. Разрешите ваш плащ. — Внушительного вида привратник повесил плащ на вешалку, на один из многочисленных крючков за дверь. Как только Бонд уединится с майором Таунсендом, плащ будет немедленно послан в лабораторию, располагающуюся на первом этаже; там по ткани, из которой он сшит, определят место его производства. Из карманов извлекут пылинки — их также отправят на специальную экспертизу. — Следуйте, пожалуйста, за мной, сэр.

Коридор был узким. Отделан свежеекрашенными досками, с высоким одинарным окном, которое скрывало флюороскоп, срабатывавший автоматически при нажатии ногой на половицу, прикрытую ковром с ужасно пошлым рисунком. Данные, полученные с помощью рентгеновского глазка, поступали в лабораторию, расположенную над коридором. В конце прохода были две двери с табличками "А" и "Б". Привратник постучал в кабинет "Б" и отступил в сторону, пропуская Бонда.

Комната выглядела очень приятно. Была светлой. На стенах кремового цвета в богатых рамах висели гравюры на военную тему. Пол покрыт сизо-серым уилтонским ковром. В камине потрескивали поленья; на полке камина стояло несколько серебряных кубков и две фотографии в кожаных рамках. На одной — приятного вида женщина. На другой были изображены три симпатичных ребенка. В центре комнаты — стол, на котором стояла ваза с цветами. У камина два глубоких кресла. Никакого письменного стола или шкафов с папками. Ничего официального. Высокий человек, такой же симпатичный, как и обстановка комнаты, поднялся с дальнего кресла. Уронив «Таймс» на пол, на ковер рядом с собой, он шагнул вперед и приветливо

улыбнулся. Протянул твердую, сухую руку.

Это и был «интеллигент».

— Проходите, проходите. Садитесь. Сигарету? Правда, это, кажется, не те, что вы любите. У меня — старые добрые «Синьор сервис».

Майор Таунсенд намеренно играл на привязанности Бонда к определенному сорту сигарет — Бонд любил «Морленд специалс». Сигареты с тремя золотыми кольцами. Он отметил, что Бонд на его замечания явно не прореагировал. Бонд взял сигарету и прикурил от протянутой зажигалки. Они сели друг против друга. Майор Таунсенд расслабился, закинул ногу на ногу. Бонд сидел прямо.

— Итак, — произнес майор, — чем же я могу быть вам полезен?

В кабинете "А", расположенном по другую сторону коридора, в холодной камере для интенсивной обработки, оборудованной только шипящей газовой горелкой, уродливым письменным столом под неоновой лампой без абажура и двумя стульями, Бонда приняли бы совсем по-другому. Там работал «серьезный человек», бывший полицейский надзиратель (бывший, потому что за ним числился случай жестокого обращения с заключенным в Глазго, за что и был наказан). В этом кабинете «серьезный человек», проходивший по картотеке под кличкой господин Робсон, провел бы с Бондом полный курс устрашающего лечения — грубый бандитский допрос, угрозы посадить в тюрьму за то, что он выдает себя за другого, и бог знает что еще. А если бы проявил враждебность, если бы стал брыкаться. Бонда сразу бы привели «в чувство» в подвале.

Таково обязательное сито, в котором зерна отделяли от плевел. Работали здесь, впрочем, только с теми гражданами, которые возжелали получить доступ к Секретной службе. В этом же здании трудились специалисты, которые занимались корреспонденцией. Письма, написанные карандашом или разноцветными чернилами, а также те, в которые были вложены фотографии, оставались безответными. Письма угрожающего характера или сутяжнические послания передавались в спецподразделение. Надежные, серьезные письма, снабженные комментариями лучших графологов Службы, передавались в отдел связи штаб-квартиры для «дальнейших действий». Посылки автоматически и незамедлительно направлялись во взвод по уничтожению взрывных устройств, который располагался в казармах Кенсингтон-бриджа. Ушко иголки было очень узким. В целом вся сортировка шла надлежащим образом. Обходилось это, конечно, в копейчку, но первой обязанностью любой секретной службы является не только сохранение секретности, но и обеспечение собственной безопасности.

Не было никаких причин, в силу которых Джеймс Бонд, всегда занимавшийся лишь оперативной работой, должен был бы знать о подноготной Службы больше, чем о загадках водо- и электроснабжения его квартиры в Челси или о работе своих собственных почек. Полковник Борис, однако, имел представление о всей структуре данной организации. Секретные службы всех великих держав осведомлены об общественном статусе своих оппонентов, и полковник Борис довольно точно описал всю процедуру, через которую должен был пройти Джеймс Бонд, прежде чем после тщательной проверки он получит доступ в кабинет своего бывшего шефа.

Соответственно Джеймс Бонд помедлил, прежде чем ответить на вопрос майора Таунсенда относительно того, чем тот может быть ему полезен. Он посмотрел сначала на «интеллигента», потом на огонь в камине. Он отметил точность, с которой ему описали внешность майора Таунсенда, и, прежде чем сказал то, что ему ведено было сказать, признал компетентность полковника Бориса — тот выбил девяносто девять из ста. Крупное, приятное лицо, широко посаженные светло-коричневые глаза, окруженные множеством морщинок, — что поделаешь, улыбаться приходится постоянно, — военного типа усы, монокль без оправы, висящий на тонком черном шнурке, зачесанные назад редкие рыжеватые волосы,

безукоризненный двубортный синий костюм, тугий белый воротничок и галстук военного образца — все совпадало в точности. Единственное, что забыл сказать полковник Борис, так это то, что вполне располагающие к себе глаза были такими же холодными и твердыми, как два ствола, а губы — очень тонкими, что, кажется, свойственно людям умственного труда.

— На самом деле все очень просто, — сказал Джеймс Бонд абсолютно спокойно. — Я действительно тот, за кого себя выдаю. Я делаю то, что совершенно естественно должен был бы сделать, а именно — доложить о своем прибытии М.

— Безусловно. Но вы должны понять, — в этом месте улыбка сочувствия, — что не давали о себе знать почти целый год. О вас официально было заявлено как о «пропавшем без вести и, вероятно, убитом». Некролог был напечатан в «Таймс». У вас есть какие-либо документы, удостоверяющие вашу личность? Признаю, бы очень похожи на свои фотографии, но, надеюсь, понимаете, что, прежде чем отправить наверх, вас должны просветить со всех сторон.

— Некая мисс Мэри Гуднайт была моей секретаршей. Она бы обязательно меня узнала. Да и десятки других людей в штаб-квартире.

— Мисс Гуднайт отправлена на работу за границу. Не могли бы вы вкратце описать штаб-квартиру, ну хотя бы основное расположение.

Бонд выполнил его просьбу.

— Хорошо. А кем была некая мисс Мария Фруденштадт?

— Была?

— Да, она умерла.

— Я так и думал, что долго не протянет. Она была двойным агентом, работала и на КГБ. Ею занимался отдел 100. Дальше распространяться, видимо, не следует.

Майор Таунсенд был заранее проинструктирован относительно этого крайне секретного дела. И ответ на вопрос, как он был дан майору Таунсенду, более или менее совпадал с тем, что сказал Бонд. Чего же больше — этот человек не кто иной, как Джеймс Бонд.

— Ну, ладно. Пока все идет хорошо. Теперь остается только выяснить, откуда вы явились и где были все эти месяцы, засим не смею вас задерживать.

— Простите. Это я могу сказать только лично М.

— Понимаю. — Лицо майора Таунсенда приняло озабоченное выражение. — Хорошо. Позвольте мне сделать пару телефонных звонков, и все, надеюсь, разъяснится. — Он встал. — Читали сегодняшний номер «Таймс»? — Он взял со стола газету и протянул ее Бонду. Газета была специальным образом обработана, чтобы получить хорошие отпечатки пальцев. Бонд взял газету. — Я скоро буду.

Майор Таунсенд закрыл за собой дверь и вошел в кабинет "А" напротив, он знал, что кроме г-на Робсона здесь никого не может быть.

— Извини, что беспокою тебя, Фред. Могу я воспользоваться твоим телефоном с блокировкой?

Коротышка, который сидел за столом, не вынимая трубки изо рта, пробурчал что-то в ответ, он не собирался прерывать чтение «Ивнинг стандарт» — его всецело занимали результаты скачек.

Майор Таунсенд поднял зеленую трубку, и его соединили с лабораторией.

— Говорит майор Таунсенд. Что там у вас? — Он внимательно выслушал ответ, поблагодарил и позвонил старшему офицеру безопасности в штаб-квартиру. — По-моему, сэр, это не кто иной, как 007. Правда, несколько похудел по сравнению с фотографиями. Я передам вам его отпечатки пальцев, как только уйдет. Одет обычно — темно-синий однобортный пиджак, белая рубашка, узкий шелковый черный вязаный галстук, черные ботинки — но все как с иголочки. Плащ куплен вчера у «Бурберри». На вопрос о Фруденштадт ответил правильно, но о себе ничего не сообщил — требует встречи лично с М. Но, кем бы он ни был, мне это не нравится. С

любимыми сигаретами он, пожалуй, дал промах. У него какой-то странный тусклый, рассеянный взгляд, и «рентген» показал, что у него пистолет в правом кармане пиджака — довольно любопытная вещь, кажется, без рукоятки. Я бы сказал, что он болен. Лично я не рекомендовал бы М. встречаться с ним, однако понятия не имею, как иначе удастся заставить его говорить. — Он замолчал. — Хорошо, сэр. Я буду у телефона. Говорю из кабинета господина Робсона.

В комнате повисла тишина. Эти двое не очень ладили. Майор Таунсенд уставился на огонек газовой горелки, он сосредоточенно думал о человеке, находившемся в соседней комнате. Зазвонил телефон.

— Да, сэр? Очень хорошо, сэр. Ваш секретарь распорядится насчет машины? Благодарю вас, сэр.

Бонд не сменил позу, он так и сидел прямо, держа в руках «Таймс», даже не развернув газету.

— Ну вот, все и это устроено, — беспечно произнес майор Таунсенд. — М. передает, что он бесконечно рад найти вас в полном здравии. Он освободится через полчаса. Машина будет здесь минут через десять. И начальник штаба спрашивает, не сможете ли вы после встречи с М. отобедать с ним.

Джеймс Бонд впервые улыбнулся. Улыбка вышла жалкой, глаза оставались пустыми.

— Очень мило с его стороны. Передайте, пожалуйста, что я вряд ли скоро освобожусь.

2. Внимание!

Начальник штаба стоял перед столом М.

— Я бы этого не делал, сэр, — твердо сказал он. — С ним могу встретиться я или кто-нибудь еще. Что-то мне во всем этом не нравится. Я думаю, 007 — сумасшедший. Без сомнения это он. Начальник отдела безопасности подтвердил, что отпечатки пальцев точно совпали с картотечными. И все фотографии абсолютно идентичны, и записи голоса. Но слишком много такого, что не сходится. Этот поддельный паспорт, что мы нашли в его номере в «Ритце», например. Ну, хорошо. Он хотел вернуться в страну без шума. Но сработано чересчур аккуратно. Типичный образчик, сделанный в КГБ. И последняя въездная виза в Западную Германию — позавчерашняя. А почему бы не явиться там на пост «Би» или «Дабл-ю». Ведь тамошние резиденты — его друзья, особенно 016 в Берлине. И отчего это он не отправился сразу взглянуть на свою квартиру? У него там кто-то вроде экономки, шотландка по имени Мэй, которая все время клялась, что он жив, и содержала квартиру на свои сбережения. Гостиница «Ритц» — это что-то уж очень искусственное, это не по-бондовски. А новая одежда. Чего ему было беспокоиться? Какое имеет значение, во что он был одет, когда прибыл в Дувр? Было бы естественно оказаться в старье, позвонить мне — у него был мой домашний телефон — и попросить все устроить. Выпили бы вместе, рассказал бы свою историю, а потом явился с докладом сюда. Ан нет — вместо этого мы имеем типичный случай попытки «проникновения», и отдел безопасности просто в панике.

Начальник штаба замолчал. Он знал, что ему не удалось переубедить М. Как только он начал говорить, М. повернулся на своем вращающемся кресле к нему боком и так и застыл, посасывая время от времени свою незажженную трубку, задумчиво глядя в окно на зигзагообразные очертания Лондона.

— Пожалуйста, сэр, — упрямо повторял начальник штаба, — отдайте его мне, я с ним разберусь. Свяжусь с сэром Джеймсом Молони, много времени это не займет, и попрошу положить 007 на обследование, пусть пройдет курс лечения в «Парке». В госпитале с ним будут деликатно обращаться. Примут по высшему разряду и все

такое. А ему скажем, что вы отправились на заседание кабинета или что-нибудь в этом роде. В отделе безопасности говорят, что 007 выглядит несколько похудевшим. В госпитале он окрепнет. Соответствующий уход и прочее. Это удобно со всех сторон. Если будет возмущаться, мы всегда можем дать ему успокоительное. Он мой хороший приятель. Он не будет на нас в обиде. Очевидно, ему нужно войти в колею — если, конечно, мы ее для него проложим.

М. медленно повернул кресло вокруг оси. Он посмотрел на уставшее, озабоченное лицо, на котором отразилась напряженная работа в должности второго лица в Секретной службе в течение десятка лет, а то и больше. М. улыбнулся:

— Благодарю вас, начальник штаба. Но боюсь, все не так просто. Когда я отправлял 007 на последнее задание, полагал, что это поможет ему забыть личное горе, утешиться. Ведь вы помните, как все это случилось. И мне и в голову не приходило, что то, что казалось вполне безобидным поручением, может закончиться решительным сражением с Блофелдом. Или того лучше — я и не предполагал, что 007 собирается исчезнуть неизвестно куда на целый год. И теперь очень нужно выяснить, что же произошло за этот год. И 007 совершенно прав. Я отправил его с этим заданием, и у него есть право отчитаться лично передо мной. Я знаю 007. Он упрямый малый. Если говорит, что никому больше ничего не скажет, так и будет. Конечно, я хочу услышать, что с ним случилось. Вы будете рядом. Имейте под рукой пару надежных парней. Если он поведет себя не так, как надо, возьмете его. Что касается его пистолета, — М. неопределенно махнул рукой в потолок, — то и здесь можно кое-что предусмотреть. Эта чертова штука уже прошла испытания?

— Да, сэр. Работает нормально. Но...

М. поднял руку.

— Извините, начальник штаба, это приказ. — На селекторе зажглась лампочка. — Вот и он. Пусть сразу заходит, скажете ему?

— Слушаюсь, сэр. — Начальник штаба вышел и закрыл за собой дверь.

Джеймс Бонд стоял, нерешительно улыбаясь, у стола мисс Манипенни. Она была в смятении. Не меняя своей странной улыбки, Бонд перевел взгляд на начальника штаба и произнес: «Привет Билл». Руки не протянул. Билл Тапнер ответил, пожалуй, чересчур поспешно и с притворной сердечностью, которая даже ему самому показалась явно фальшивой.

— Привет, Джеймс. Давно тебя не было видно.

В то же время боковым зрением он увидел, как мисс Манипенни довольно выразительно кивает ему головой. Он посмотрел ей прямо в глаза.

— М. хотел бы видеть 007 немедленно.

Мисс Манипенни решила на отчаянный шаг.

— Вы же знаете, что у М. встреча начальников штабов, через пять минут он должен быть в зале заседаний кабинета министров, — солгала она.

— Да, я знаю. Но он хочет отвертеться от этого, попросил вас придумать что-нибудь. — Начальник штаба повернулся к Джеймсу Бонду. — Все в порядке, Джеймс. Иди. Жаль, что ты не сможешь пообедать со мной. Заходи поболтать после того, как поговоришь с М.

— С удовольствием, — произнес Бонд. Он расправил плечи и прошел через дверь, над которой уже загорелся красный свет.

Мисс Манипенни закрыла лицо руками.

— О, Билл, — сказала она с отчаянием, — с ним что-то случилось. Мне страшно.

— Успокойся, Пенни, — сказал Билл Таннер, — не принимай все так близко к сердцу. Я сделаю все, что могу. — Он быстро пошел в свой кабинет и закрыл дверь. Подошел к столу и нажал кнопку. В комнате раздался голос М.: «Здравствуйте, Джеймс. Как чудесно, что вы вернулись. Присаживайтесь и рассказывайте все по порядку.»

Билл Таннер поднял трубку телефона и попросил начальника отдела безопасности.

Джеймс Бонд сел на свое обычное место за столом напротив М. Буря воспоминаний закружилась в его сознании, подобно плохо сработанному фильму, демонстрируемому с помощью проектора, который обезумел. Бонд сделал усилие над собой, и «буря» прекратилась. Он должен сконцентрироваться только на том, что ему надо сказать и сделать, — и ни на чем другом.

— Боюсь, что еще многого не могу вспомнить. Меня ударили по голове, — он дотронулся до правого виска, — это случилось во время выполнения того задания, с которым вы послали меня в Японию. Потом в памяти полный провал, подобрали меня недалеко от берега, рядом с Владивостоком. Понятия не имею, как я там очутился. Меня изрядно поколотили, и тогда же должно быть, я получил еще один удар по голове, потому что вдруг вспомнил, кто я, вспомнил, что я вовсе не японский рыбак, как считал раньше. Соответственно дальше милиция сдала меня в местное отделение КГБ — знаете, большое серое здание на Морской улице, прямо против порта и рядом с железнодорожной станцией; да, так вот — когда они передали отпечатки моих пальцев в Москву, там страшно засуетились, и меня тут же самолетом отправили туда с военного аэродрома, находящегося к северу от города Вторая Речка; в Москве меня допрашивали неделями — или, вернее, пытались допрашивать, — потому что я не мог ничего вспомнить, кроме тех вещей, что они сами же мне подсказывали из того, что и так было известно, и тогда я позволял себе добавит к их сведениям кое-какие, весьма противоречивые данные. Это их очень огорчало.

— Очень, — повторил М. На переносице появилась маленькая складка, выражение явного недовольства. — И вы рассказали им все, что знали? Не слишком ли щедро с вашей стороны?

— Они обходились со мной очень хорошо, сэр, во всех отношениях. Должен же я был как-то отблагодарить их за это. Потом я оказался в ленинградском институте. Они лечили меня, обращаясь как с очень важной персоной. Лучшие специалисты по мозговым травмам и прочее. Казалось, они вовсе не собирались мстить мне за то, что я работаю против них большую часть своей жизни. Были и другие люди, которые навещали меня, они весьма обстоятельно беседовали со мной о политической ситуации и так далее. О необходимости для Запада и Востока работать вместе на благо мира. Они разъяснили мне многое из того, о чем я раньше и не догадывался. Они совершенно убедили меня. — Бонд посмотрел через стол на отставного моряка, он взглянул в чистые голубые глаза М., в которых появились красные искорки гнева. — Думаю, сэр, что вы не понимаете, о чем я говорю. Ведь вы были в состоянии войны то с одними, то с другими всю свою жизнь. Вы и сейчас воюете. И большую часть моей сознательной жизни вы использовали меня в качестве слепого орудия. К счастью, это все позади.

— Ах, вот как, — жестко произнес М. — Полагаю, что среди прочего вы забыли также и о сообщениях, касающихся наших военнопленных во время войны в Корее, которых китайцы пытались распропагандировать. Если русские так хотят мира, зачем им нужна эта организация — КГБ? По последним подсчетам, около 100 тысяч мужчин и женщин «ведут войну», как вы выражаетесь, против нас и других стран. Вот что представляет собой организация, что так мило обошлась с вами в Ленинграде. Они, кстати, не забыли вам сообщить об убийстве в Мюнхене месяц назад Хорчера и Шутца.

— Это вполне понятно, — терпеливо объяснял Бонд, не подвышая голоса, — им приходится защищать себя от секретных служб Запада. Если бы вы все это распустили, — Бонд махнул рукой, — и они бы были только счастливы избавиться от КГБ. Кстати, совершенно откровенно заявили мне об этом.

— И это также относится, полагаю, к их двумстам дивизиям и флотилиям подводных лодок, к их межконтинентальным баллистическим ракетам? — в голосе М. звенел металл.

— Конечно, сэр.

— Ну что ж, если вы считаете этих людей столь разумными и очаровательными, почему же вы не остались там? С другими ведь это случалось. Правда, Берджесс уже умер, но вы могли бы подружиться с Маклином.

— Мы подумали и решили, сэр, что будет полезнее, если я вернусь и буду бороться за мир здесь. Вы и ваши агенты преподали мне уроки тайной войны, вы научили меня кое-чему, теперь эти знания могут пригодиться. Мне объяснили, как применить эти навыки на благо мира.

Рука Джеймса Бонда бесстрастно потянулась к правому карману пиджака. М. почти так же спокойно отодвинул свое кресло от стола. Левой рукой он нащупал кнопку под подлокотником кресла.

— Ну и как например? — спокойно спросил М., осознавая, что в комнату к нему вошла смерть, она стояла теперь рядом с ним, его вопрос был как бы приглашением ей занять его место в кресле.

Джеймс Бонд напрягся. Губы его побелели. Серо-голубые глаза продолжали тупо смотреть на М., почти не видя его. Слова, которые он произносил, звучали резко, он как бы выдавливал их из себя по принуждению.

— Для начала, сэр, следует уничтожить всех поджигателей войны. И вот это — для того, кто стоит в списке первым.

Бонд мгновенно выхватил руку из кармана, в ней мелькнуло черное металлическое дуло, но, прежде чем яд со свистом вырвался из ствола пистолета с шарообразным глушителем, прямо с потолка, из замаскированной щели, вниз, издав характерное гидравлическое шипение, стремительно обрушилось огромное пуленепробиваемое стекло. Струя густой коричневой жидкости бессильно ударилась об этот щит и стала медленно стекать вниз, искажая отражение лица М. и его рук, которыми он автоматически закрыл лицо, защищаясь от выстрела.

Начальник штаба ворвался в комнату вместе с главой отдела безопасности. Они бросились на Бонда. Уже когда они схватили его за руки, голова Бонда упала на грудь и, если бы они не поддержали его, он упал бы со стула на пол. Они поставили его на ноги. Он был в глубоком обмороке. Глава отдела безопасности потянул носом.

— Цианид, — произнес он кратко. — Нам всем надо выйти отсюда. И немедленно. (Чрезвычайная ситуация заставила забыть о манерах, соблюдаемых в штаб-квартире.)

Пистолет лежал на ковре, там, куда упал. Он ногой отбросил его в сторону и сказал М., который уже вышел из-за стеклянного щита:

— Следует немедленно покинуть комнату, сэр. Немедленно. Я прикажу, чтобы здесь навели порядок во время обеденного перерыва.

Это был приказ. М. направился к открытой двери. Мисс Манипенни стояла, прикрыв ладошкой рот. Она с ужасом наблюдала, как лежащего навзничь Бонда тащили в комнату начальника штаба, каблуки его ботинок оставляли след на ковре.

— Закройте ту дверь, мисс Манипенни, — резко сказал М. — Пусть немедленно придет дежурный офицер медицинской службы. Пошли, пошли, девочка. Не стойте здесь, разинув рот. И никому ни слова об этом. Понятно?

Мисс Манипенни, которая была на грани истерики, автоматически произнесла: «Слушаюсь, сэр», закрыла дверь и сняла трубку внутреннего телефона.

М. прошел через приемную в комнату начальника штаба и притворил дверь. Глава отдела безопасности стоял на коленях около Бонда. Он ослабил ему галстук и расстегнул воротник, щупал пульс. Лицо Бонда было почти белым, на лбу выступила испарина. Дышал он прерывисто и тяжело, как будто только что пробежал большую

дистанцию. М. бросил взгляд на Бонда, а затем — выражение лица его было не разглядеть — посмотрел на стену, перед которой он лежал. Повернулся к начальнику штаба.

— Ну вот что, — жестко сказал он, — мой предшественник умер в этом кресле. Тогда это была обычная пуля, но выпущенная таким же безумным офицером. От сумасшедшего нет защиты. Но в Управлении общественных работ неплохо придумали с этим приспособлением. Послушайте-ка, начальник штаба, об этом, конечно, никому ни слова. Свяжитесь с сэром Джеймсом Молони как можно скорее, и пусть 007 заберут в «Парк». Машине «скорой помощи» — строжайшая охрана. Я все объясню сэру Джеймсу сегодня вечером. Вкратце, как вы слышали, в КГБ его одурманили. Промыли ему мозги. Он и так был болен. Что-то вроде амнезии, потери памяти. Я потом расскажу вам о том, что узнал. Прикажите забрать его вещи из гостиницы «Ритц» и оплатить счета. И придумайте что-нибудь для «Пресс ассошиэйшн». Что-нибудь в таком роде: «Министерство обороны радо... нет, скажем, с удовлетворением сообщает, что командер Джеймс Бонд и т.д., который, как сообщалось, пропал без вести и считался погибшим при исполнении служебного задания в Японии в ноябре прошлого года, вернулся в Англию после опасного путешествия по Советскому Союзу, в результате этой миссии собрана ценная информация. Естественно, что здоровье командера Бонда после всего, что ему пришлось пережить, оставляет желать лучшего, и в настоящий момент он находится под медицинским наблюдением и поправляется». М. холодно улыбнулся. — Эта информация не очень понравится товарищу Семичастному и его подчиненным. И добавьте следующее в сопроводилке, адресованной редакторам: «Исходя из соображений безопасности, убедительно просим воздержаться от комментирования или различного рода домыслов в связи с настоящим сообщением. Настойчиво рекомендуем также не пытаться выяснить местонахождение командера Бонда». Ну как, пойдет?

Билл Таннер строчил исправно, боясь не поспеть за М. Потом, озабоченный, поднял глаза от блокнота.

— Но, сэр, разве вы не собираетесь выдвигать против него обвинения? В конце концов, предательство и покушение на жизнь... Что, даже под трибунал не отдадите?

— Конечно нет, — резко бросил М. — 007 был болен. Он не отвечал за свои действия. Но если можно так обработать человека, значит, можно и вывести его из этого состояния. А сэр Джеймс как раз мастер по подобным делам. Поставьте его опять на половинное довольствие, пусть числится там же, где и раньше. И проследите, чтобы ему были выплачены все полагающиеся за прошлый год гонорары и прибавки. Если у КГБ хватило духу натравить на меня одного из моих же людей, у меня достаточно смелости, чтобы вновь использовать его против них. Когда-то 007 был хорошим агентом. Не вижу никаких причин, почему бы он опять не мог стать им. В определенных пределах конечно. После обеда принесите мне досье на Скарамангу. Если мы сумеем поставить 007 на ноги, этот тип как раз в его вкусе.

— Но это самоубийство, сэр! — Запротестовал полковник штаба. — Даже 007 никогда с ним не справится.

— Что бы 007 получил за его сегодняшнюю выходку? — спросил М. холодно. — 20 лет? Как минимум. Так не лучше ли погибнуть на поле боя? Если он успешно справится с заданием, то вернет себе былую репутацию, и мы сможем забыть все, что было. Словом, решение я уже принял.

В дверь постучали, и в комнату вошел дежурный офицер медицинской службы. М. поздоровался с ним, повернулся на каблуках и вышел через открытую дверь.

Начальник штаба посмотрел ему вслед.

— Бессердечный сукин сын! — шепотом произнес он. Потом с присущей ему скрупулезностью и чувством долга принялся за выполнение заданий, которые были

ему даны. «Нам — совсем не рассуждать, нам — идти и умирать!»

3. Скараманга по кличке «Пистолетик»

В клубе «Блейдз» М. съел свой обычный постный обед — зажаренную дуврскую камбалу, а за ней — преотличнейший кусок полутвердого белого сыра «Стилтон», выдержанного, настоящего, с синими прожилками плесени. Как обычно, он сидел один, за столиком у окна, отгородившись от зала газетой «Таймс», время от времени переворачивая страницы, демонстрируя окружающим, что он читает, чего на самом деле не делал. Но Портерфилд все-таки не преминул заметить старшей официантке Лили, всеми любимой миловидной женщине, считавшейся украшением клуба, что «со стариком сегодня что-то неладно»: «Ну, может, с ним ничего такого и не случилось, но он явно не в своей тарелке». Портерфилд считал себя психологом-любителем и гордился этим. Будучи метрдотелем и отцом-духовником для многих членов клуба, он знал немало обо всех них, и ему нравилось думать, что он знает все. Как и подобает всем безупречным слугам, он мог предвидеть желания клиентов и угадывать их настроения. Так что, стоя рядом с Лили в эту выдавшуюся ему свободную минутку, уютно обосновавшись у буфетной стойки, ломившейся от превосходных холодных закусок — такого выбора, пожалуй, в целом свете не найти, — он не спеша вел вполне философскую беседу с самим собой. «Ты же знаешь это ужасное вино, которое постоянно пьет сэра Майлз. Это алжирское красное вино, которое официальный комитет по винам даже не разрешает заносить в карту вин. Его держат в клубе, только чтобы ублажить сэра Майлза. Ну так вот, он однажды объяснил мне, что, когда служил на флоте, они называли этот напиток „ярозным“, потому что если его выпить много, то тебя начинает заносить, так и хочется учудить, выкинуть что-нибудь эдакое. Словом, за десять лет, которые я знаю сэра Майлза, он ни разу не заказывал больше половины графина этого вина».

Лицо Портерфилда, кроткое, почти как у служителя храма, приняло выражение показной торжественности, как будто он действительно прочитал что-то ужасное, погадав на кофейной гуще.

— Так что же такое случилось? — Лили в ответ сцепила руки и наклонила голову чуть-чуть ближе, чтобы не упустить ни слова. — Старик велел мне принести целую бутылку «ярозной» бурды, — продолжал Портерфилд. — Ты понимаешь? Целую бутылку! Конечно, я и вида не подал, просто пошел и принес ему эту бутылку. Но попомни мои слова, Лили, — он заметил, что кто-то поднял руку в другом конце огромного зала и тут же направился туда, закончив фразу на ходу, — что-то сильно потрясло сэра Майлза сегодня утром, в том нет сомнения.

М. попросил счет. Как обычно, независимо от величины счета, он расплатился пятифунтовой купюрой, просто ради удовольствия получить сдачу новенькими хрустящими однофунтовыми бумажками, а также только что отчеканенными серебряными и блестящими медными монетками, ибо в «Блейдз» свято соблюдали традицию, в соответствии с которой все члены клуба получали сдачу только новыми, только что отпечатанными и отчеканенными денежными знаками. Портерфилд отодвинул стул, и М. быстро направился к двери, отвечая на случайные приветствия озабоченным кивком или поднятием руки. Было два часа. Старый черный «Фантом-Роллс» повез его легко и быстро в северном направлении мимо Баркли-сквер, по Оксфорд-стрит и Уигмор-стрит, в Риджентс-Парк. М. не смотрел в окно машины. Он сидел, не шевелясь, на заднем сиденье — котелок ровно по центру головы — и смотрел сквозь затылок водителя, не замечая ничего вокруг, погруженный в свои мысли.

В сотый раз с тех пор, как уехал из штаб-квартиры сегодня утром, он уверял себя, что принял правильное решение. Если есть шанс привести Бонда в порядок —

а М. был уверен, что этот сэр Джеймс Молони — невропатолог высшего класса и сможет добиться успеха, — было бы просто смешно вновь использовать 007 при выполнении стандартных заданий, которые он всегда выполнял, работая в отделе 00. Прошое можно простить, но нельзя его забывать — ведь только время лечит. Что подумают сотрудники штаб-квартиры, увидев, что Бонд как ни в чем не бывало расхаживает по коридорам? А как сам он будет себя чувствовать каждый раз, когда окажется с этим агентом лицом к лицу в своем кабинете? Нет — это бред. Но тот же Джеймс Бонд, коли поставить перед ним конкретную боевую задачу, — М. любил лаконичный язык военных, — мог бы сделать очень много, мог бы стать хорошим тараном. Стена, которую он должен был сокрушить, давно мешала продвижению, стояла на пути — ее необходимо было разрушить. Ведь Бонд и сам только что обвинял М. в том, что тот использует его как слепое оружие. Естественно, каждый офицер Секретной службы — тайное оружие, с помощью которого решаются те или иные задачи. На сей раз, дабы сокрушить стену, необходимо было решиться на убийство, других вариантов не было. Ну а Джеймс Бонд не числился бы агентом с двумя нулями перед личным номером, если бы не обладал соответствующими талантами, если бы не показал себя в деле настоящим профессионалом. Итак, решено! Во искупление того, что произошло сегодня утром, дабы замолотить грехи, Бонд должен доказать, что он не растерял своего бывшего боевого пыла, что помнит, как убивать. И в случае успеха — он опять на коне, все будет, как прежде. Ну а коли потерпит поражение, что ж — славная смерть и последние почести. Выиграет Бонд или проиграет, так или иначе он решит целый ряд вопросов, поможет делу. М. больше не сомневался, решение было бесповоротным. Он вышел из машины, поднялся в лифте на восьмой этаж, пошел по коридору, пахнущему черт-те каким дезинфицирующим средством, причем этот запах усиливался по мере того, как он приближался к своему кабинету.

Вместо того чтобы своим ключом открыть отдельную входную дверь в конце коридора, М. повернул направо, прошел через комнату, где сидела мисс Манипенни. Она была на рабочем месте, печатала на машинке очередные материалы. Увидев М., поднялась из-за стола.

— Чем это так ужасно пахнет, мисс Манипенни?

— Я не знаю, как это называется, сэр. Начальник отдела безопасности привел целый взвод химической защиты. Он утверждает, что в кабинет уже можно заходить, однако следует держать пока окна открытыми. Поэтому я включила отопление. Начальник штаба еще не вернулся с обеда, но он просил меня передать вам, что по вашим указаниям уже ведется работа. Сэр Джеймс на операции, освободится после четырех, он будет ждать вашего звонка. И вот досье, которое вы просили, сэр.

М. взял коричневую папку, в правом верхнем углу которой была красная звездочка и гриф «совершенно секретно». — А что с 007? Он пришел в себя?

Мисс Манипенни и глазом не моргнула.

— Полагаю, что да, сэр. Офицер медицинской службы дал ему что-то успокаивающее, его унесли на носилках во время обеденного перерыва. Чем-то накрыли и спустили на служебном лифте в гараж. Я не наводила никаких справок.

— Ну, хорошо. Давайте текущую корреспонденцию, все донесения. И так потеряли кучу времени из-за этого скандала в благородном семействе. — Взяв коричневую папку, М. прошел в свой кабинет. Мисс Манипенни принесла сводки и почтительно встала у стула. Он просматривал документы, она стенографировала его указания, время от времени поглядывая на склоненную седую голову с лысиной, отполированной годами ношения морских фуражек; она размышляла — и за последние десять лет делала это уже не раз — о своих чувствах к этому человеку; так что же, любит она его или ненавидит? Одно было ясно. Она уважала его больше, чем какого-либо другого мужчину из тех, что знала лично и о которых читала.

М. вернул ей бумаги.

— Спасибо. А теперь дайте мне 15 минут, потом я приму всех, кто хочет меня видеть. Разговор с сэром Джеймсом, конечно, прежде всего.

М. раскрыл коричневую папку, взял трубку и начал рассеянно набивать ее, одновременно просматривая материалы для справок, — быть может, выудит что-то сразу из описи документов этого дела. Через некоторое время он раскурил трубку, поудобнее расположился в кресле и начал внимательно читать лежавшее перед ним досье.

ФРАНСИСКО (ПАКО) СКАРАМАНГА, КЛИЧКА ПИСТОЛЕТИК

и ниже мелким шрифтом: "Наемный убийца, в основном работает на КГБ, хотя непосредственный контакт поддерживает с кубинской службой безопасности через штаб-квартиру в Гаване. Работает и на другие организации, по найму. Проводит самостоятельные операции в государствах Карибского бассейна и Центральной Америки. Нанес огромный ущерб, особенно Секретной службе, а также ЦРУ и другим дружественным службам: жестокие убийства, нанесение страшных увечий. Активно работает начиная с 1959 года, с момента прихода к власти Кастро, именно тогда развернул кипучую деятельность. На указанной территории хорошо известен, внушает страх и почтение. Появляется повсюду внезапно, когда захочет. Несмотря на надзор, действует весьма эффективно. Латиноамериканская полиция перед ним бессильна. Он — живая легенда. На своей «территории» известен как «человек с золотым пистолетом» — имеется в виду его личное оружие, позолоченный длинноствольный несамовзводный «Кольт» 45-го калибра. Пользуется специальными пулями с тяжелым мягким (24 карата) золотым сердечником, покрытым серебром, на головке пуль — насечка, по принципу разрывных пуль «дум-дум» с надпиленной оболочкой, наносят очень тяжелые ранения. Усовершенствует свой «рабочий инструмент» постоянно. Повинен в смерти агента 267 (Британская Гвиана), агента 398 (Тринидад), 943 (Ямайка) и агентов 768 и 742 (Гавана). Кроме того, нанес увечья, прострелив оба колена, агенту СС (Секретной службы) 098, офицеру-инспектору, который вынужден был выйти на пенсию. (См. также центральный архив, материалы о жертвах Скараманги на Мартинике, Гаити и в Панаме.)

ОПИСАНИЕ: возраст — около 35 лет, рост — 6 футов 3 дюйма, стройный, подтянутый. Глаза светло-карие. Волосы рыжеватые, коротко подстриженные. Длинные баки. Худое, смуглое лицо с тонкими, словно нарисованными усиками; смуглый. Уши прижаты к голове. Одинаково владеет обеими руками. Руки очень большие и сильные, с безукоризненным маникюром. Отличительные черты: на два дюйма ниже левого соска расположен еще один — третий. Примечание: согласно местным колдовским поверьям («вуду»), а также родственным магическим культам, такая физическая особенность считается признаком неуязвимости и говорит о больших сексуальных возможностях. Ненасытный, неразборчивый женолюб, который неизменно, прежде чем убить свою жертву, совершает половой акт, исходя из того, что «глаз» при этом становится верным, зрение не подведет. (Примечание: в эту примету верят многие профессиональные теннисисты, игроки в гольф, мастера стрелкового спорта и другие категории спортсменов.)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: находится в родстве с каталанской семьей цирковых менеджеров, носящих ту же фамилию. Воспитывался в этой семье. Образование — самоучка. В возрасте 16 лет (после случая, описанного ниже под рубрикой «Изложение мотивов») незаконно пересек границу Соединенных Штатов Америки, где вел преступный образ жизни, занимаясь поначалу мелким воровством; затем переходил из банды в банду, пока не стал полноправным «солдатом», членом гангстерской «семьи звездочек», оперировавшей в штате Невада, числился «вышибалой» отеля «Тиара» в Лас-Вегасе, на самом деле — наемный убийца,

отправлявший на тот свет мошенников, картежных шулеров и других неугодных мафии людей: как профессионал выполнял и заказы со стороны. В 1958 году был вынужден бежать из Штатов в результате известной «дуэли» со своим коллегой, неким Рамоном Родригесом по кличке Прутик, выполнявшим аналогичную работу наемного убийцы в детройтской гангстерской группировке «Кардиналы». Дуэль происходила ночью при свете луны на третьей площадке для игры в гольф клуба «Сандерберд» в Лас-Вегасе. (Скараманга всадил своему противнику две пули в сердце с расстояния 20 шагов, тот не успел сделать ни выстрела. Есть данные, что мафия выплатила ему за это 100 тысяч долларов).

Объездил все государства Карибского бассейна, вкладывая «грязные» деньги дельцов из Лас-Вегаса в «чистые» дела, «отмывая» полученные незаконным путем капиталы; позднее, когда стал известен как ловкий и удачливый предприниматель, специалист по купле-продаже недвижимости, долгое время работал на Трухильо в Доминиканской Республике и на Батисту на Кубе, проворачивая всевозможные финансовые аферы. В 1959 году обосновался в Гаване и, вовремя сориентировавшись, оставаясь человеком Батисты, начал тайно работать на партию Кастро; после революции получил солидное назначение в кубинской секретной службе, стал заниматься зарубежными операциями носящими насильственный характер. В этом качестве, по заданию этой службы, совершил убийства, упомянутые выше.

ПАСПОРТ: разные паспорта, в том числе кубинский дипломатический.

«КРЫША»: такой не требуется. Легенда, которой окружено имя этого человека, — миф, сравнимый лишь со славой известнейшей кинозвезды, и тот факт, что он ни по одному делу к уголовной ответственности никогда не привлекался, обеспечивает ему полную свободу передвижения, дает гарантию невмешательства в дела «его территории». В большинстве республик, расположенных на островах и материке и составляющих эту «территорию», у него есть группы поклонников (например, группа «растафари» на Ямайке), он осуществляет контроль над мощными силовыми группировками, рэкетирами, наемниками, к услугам которых прибегает в случае необходимости. Более того, являясь подставным покупателем, официальным юридическим лицом при операциях с «грязными» капиталами, о чем говорилось выше, часто получает на вполне законных основаниях дипломатический статус и под прикрытием такого совершает поездки по странам данного региона.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА: значительные, но точными цифрами не располагаем. Во время разъездов пользуется различными кредитными карточками типа «Дайнес клуб». Имеет цифровой счет на предъявителя в Цюрихском кредитном банке; по-видимому, имеет доступ к источникам иностранной валюты, в случае необходимости пользуется также весьма ограниченными в этом отношении ресурсами Кубы.

ИЗЛОЖЕНИЕ МОТИВОВ: (комментарий С.С.)..."

Трубка в зубах М. уже погасла, он вновь набил ее и закурил. Все прочитанное им, было обычной информацией, которая ничего не добавила к тому, что он знал об этом человеке. А вот дальше будет интереснее. Под инициалами С.С. скрывался бывший профессор королевской кафедры истории в Оксфорде, который работал в штаб-квартире — как казалось М. — спустя рукава, занимая небольшой и — по мнению М. — слишком удобный кабинет. В промежутках между — опять-таки по мнению М. — слишком роскошными и чересчур продолжительными обедами в «Гаррике», лондонском клубе актеров, писателей и журналистов, он являлся, когда заблагорассудится, в штаб-квартиру, почитывая подобные дела, ставил на полях массу вопросительных знаков и навел справки, а затем излагал свое суждение. Но, несмотря на свое предубеждение к этому человеку, к его прическе, манере небрежно одеваться, к тому, какой он вел образ жизни, ко всему процессу осмысления им

нестандартных ситуаций, в результате которого он приходил к своим неожиданным выводам, М. высоко ценил острый ум профессора, его прикладные знания, ибо, используя свой богатый опыт, С.С. не раз поражал его точностью своих заключений. Короче, М, всегда очень внимательно читал все, написанное С.С., и теперь с удовольствием вновь углубился в досье.

"Меня заинтересовал этот человек (писал С.С.). и я решил навести справки по более широкому, чем обычно, кругу вопросов, принимая во внимание исключительность данного случая, ибо здесь мы имеем дело с тайным агентом, который одновременно в определенном смысле является и общественным деятелем, успешно сочетая эти качества с такой трудной и опасной профессией, добровольно им выбранной, каковой является профессия наемника, в просторечье именуемая «убийца напрокат». Мне кажется, что я нашел истоки этого пристрастия к хладнокровному убийству своих коллег, а также людей, к которым он лично не испытывает вражды, людей, которые не вызывают у него симпатии просто потому, что они чем-то досадили тем, кто его нанял; я нашел эти истоки в одном любопытном смешном эпизоде из его юности. В бродячем цирке своего отца, Энрико Скараманги, мальчик исполнял несколько ролей. Он был одним из самых искусных стрелков-трюкачей, был дублером «силача» в акробатической труппе, часто занимая место «нижнего» в основании «человеческой пирамиды», и он же был погонщиком слонов, выходившим на арену в роскошном тюрбане, в индийских одеждах и т.д., он ехал на головном слоне в группе из трех гигантов. Этот слон по кличке Макс был мужского пола. А слоны-самцы, оказывается, как я узнал не без интереса, проверив эту информацию у известных зоологов, несколько раз в течение года бывают сексуально озабочены, у них это своего рода период «течки». Во время таких периодов за ушами животного собирается слизь, и ее нужно соскребать, ибо в противном случае она вызывает у слона сильное раздражение. Когда однажды цирк выступал в Триесте, у Макса появились соответствующие признаки, но из-за недосмотра это не было вовремя замечено, никаких мер не приняли. Огромный шатер цирка был сооружен на окраине города, примыкавшей к железнодорожной ветке, идущей вдоль побережья. В тот вечер, который, по моему мнению, предопределил будущий образ жизни молодого Скараманги. Макс впал в ярость, скинул с себя юношу и со страшным трубным ревом бросился, сокрушая все на своем пути, прямо через зрительный зал, в результате чего многие пострадали. Слон вырвался на ярмарочную площадь, потом на железнодорожные пути и помчался по ним во весь опор (это было чудовищное зрелище, если верить газетному сообщению того времени: луна светила ярко, слон шел напролом). Были подняты по тревоге местные карабинеры, которые стали преследовать слона на автомашине по шоссе, идущему параллельно железной дороге. Через некоторое время они настигли несчастное животное, у которого к тому времени приступ безумия уже прошел, монстр спокойно стоял на рельсах, повернувшись в ту сторону, откуда пришел. Не понимая, что теперь укротитель мог спокойно отвести слона «домой», полиция открыла беспорядочную стрельбу. Ружейные и пистолетные пули, поразившие слона, большого вреда ему, однако, не причинили, только опять разъярили. И вновь это несчастное животное, опять преследуемое полицейской машиной, из которой вели непрерывный огонь, двинулось вдоль железнодорожного полотна. Когда слон добежал до территории ярмарки, он, видимо, узнал свой «дом», увидел большой купол и потому, сойдя с рельсов, стал неуклюже пробираться через разбегающуюся толпу к центру опустевшей арены. Там, ослабев от потери крови, он тем не менее стал трогательно продолжать прерванный номер. Грозно трубя, в агонии, Макс вновь и вновь отчаянно пытался подняться и встать на одну ногу. Тем временем молодой Скараманга — пистолетки по бокам — пытался набросить аркан на голову животного, одновременно успокаивая его, разговаривая с ним на «слоновьем языке»,

как делал обычно на тренировках. Макс, казалось, узнал юношу — печальнее и драматичнее зрелища, наверное, и представить нельзя, — опустив хобот, попытался поднять Скарамангу, чтобы он смог занять свое обычное место у него на спине. Но именно в этот момент в цирк ворвались полицейские, они бросились на усыпанную опилками арену, и их капитан, подойдя к животному, в упор разрядил всю обойму в правый глаз слона — Макс грохнулся замертво. Увидев это, молодой Скараманга, который, если верить газетам, был очень привязан к своему подопечному, выхватил один из своих пистолетиков и выстрелом в сердце убил полицейского. И тут же скрылся в толпе, воспользовавшись тем, что другие полицейские не могли открывать стрельбу при таком стечении народа. Словом, Скараманге удалось скрыться, он бежал сначала на юг, в Неаполь, а затем, как уже было сказано, зайцем добрался на пароходе до Америки.

Так вот, в этом ужасном эпизоде я вижу причину трансформации Скараманги, его превращения в самого жестокого профессионального убийцу, которого можно себе вообразить. Именно в тот день, полагаю, и родилось у него хладнокровное желание отомстить за себя всему человечеству. Тот факт, что слон действительно взбесился и затоптал многих невинных людей, тот факт, что человеком, который действительно во всем виноват, был он сам, его укротитель, то, что полиция при этом лишь выполняла свой долг, все это — психопатологически — горячий юнец либо забыл, либо намеренно выбросил из головы, подавил в себе — ведь его подсознанию нанесли такой ошеломляющий удар. Во всяком случае, вся последующая деятельность Скараманги требует какого-то объяснения, и я полагаю, что не столь уж фантазирую, выдвигая на основании известных фактов собственные прогнозы".

М. задумчиво повертел мундштук трубки. Ну что ж, все правильно, все справедливо. И он принялся читать дальше.

«В связи с профессией этого человека мне хотелось бы сказать несколько слов (писал С.С.) о наличии у него необычайной, как утверждают, сексуальной потенции. Один из постулатов Фрейда, с которым я склонен согласиться, гласит, что любой пистолет, будь он в руках любителя или профессионала, имеет для его владельца особое значение, являясь как бы символом принадлежности к мужскому полу — продолжением мужских достоинств; по Фрейду, повышенный интерес к оружию (т.е. коллекционирование оружия, охотничьи клубы) есть одна из форм фетишизма. Пристрастие Скараманги к определенному необычному виду стрелкового оружия и тот факт, что он пользуется серебряными и золотыми пулями, совершенно ясно указывают на то, что он, как я думаю, является рабом этого фетиша. Рискну также высказать предположение и усомниться в его необычных сексуальных возможностях, ибо все как раз наоборот, именно недостаток сексуальности он заменяет или компенсирует фетишем оружия. Кроме того, я обратил внимание, прочтя в журнале „Тайм“ его своего рода словесный портрет, еще на один факт, подтверждающий мое предположение о том, что Скараманга, должно быть, в сексуальном плане человек ненормальный. Перечисляя его достоинства, „Тайм“ отмечает, но никак не комментирует интересную особенность этого человека — он совсем не умеет свистеть. Так вот, возможно, это только выдумка, и уж, во всяком случае, медицинская наука об этом умалчивает, но широкое распространение получила теория, согласно которой мужчина, который не умеет свистеть, склонен к гомосексуализму. (Узнав это, читатель, может сам провести эксперимент и, исходя из собственного опыта, внести свой вклад в то, чтобы подтвердить или опровергнуть это народное поверье! — С.С.)».

М. не пробовал свистеть с тех пор, как был мальчишкой. Непроизвольно он вытянул губы трубочкой и издал чистый звук, засвистел. Потом хмыкнул и продолжал чтение, не терпелось узнать, к каким еще экстравагантным заключениям пришел профессор.

"Таким образом, я не удивлюсь, если узнаю, что Скараманга совсем никакой не Казанова, как разносит молва. Если же посмотреть шире на сам факт принадлежности того или иного лица к «клану стрелков», то нельзя не учитывать неистребимое желание компенсировать каким-либо образом комплекс неполноценности (так называемый синдром Адлера); и здесь самое время процитировать — очень к месту — некоторые высказывания г-на Гарольда Л.Петерсона, автора предисловия к великолепно иллюстрированной «Книге об оружии» (издательство Поля Хэмлина). Петерсон, в частности, пишет:

"Среди множества вещей, которые человек изобрел для того, чтобы украсить свою жизнь, лишь немногие восхищают его больше, чем оружие. Его функции просты; как сказал еще Оливер Винчестер — заявление это самодовольное, что типично для прошлого века, — «оружие есть приспособление для бросания боеприпасов», своего рода игра в мяч. Но любое оружие обладает такой необыкновенной психологической привлекательностью не только в силу того, что постоянно совершенствуется как забава, как бездумное бросание чего-то, но также в силу того, что обладает внушающей страх способностью поразить любую цель с большого расстояния.

Ибо владение оружием и умение им пользоваться безгранично увеличивает личную власть стрелка и расширяет радиус его влияния и воздействия на расстояние в тысячу раз больше, чем длина его руки. И так как сила — в оружии, человек, который держит его в руках, не обязательно должен быть сильным, оружие само по себе дает ему определенные преимущества. Взметнувшийся меч, копье наперевес, изогнутый большой лук безгранично расширяют возможности человека, держащего их в руках. Сила стрелкового оружия заключена в нем самом, она — от природы, остается лишь выпустить джина из бутылки. Твердый глаз и хороший прицел — вот и все, что нужно. Куда бы ни смотрело дуло, туда и полетит пуля, неся желание или намерение стрелка к цели.

... Возможно, что стрелковое оружие больше, нежели любое другое изобретение, определило развитие мира и судьбы людей".

Согласно учению Фрейда, «длина его руки» становится длиной мужского члена. Но нам не следует задерживаться на этих понятиях, говорящих нечто лишь лицам посвященным, причастным. В своей посылке я опираюсь на достаточно серьезный источник — писания г-на Петерсона; хотя сам бы я в заключительном абзаце его труда отдал пальму первенства не оружию, а печатному слову, его точка зрения тем не менее вполне понятна. Предмет нашего исследования — Скараманга, по моему мнению, параноик, подсознательно восстающий против любых представителей власти (против любых авторитетов), и сексуальный фетишист с возможными гомосексуальными наклонностями. У него есть и другие качества, что явствует из приведенных выше данных. В заключение хотел бы особо подчеркнуть, что, принимая во внимание тот урон, который он уже нанес личному составу Секретной службы, очевидно одно — с ним должно быть покончено, и как можно скорее — если необходимо, то любым, пусть негуманным способом, одним из тех, к которым он сам так часто прибегает; дело за малым: хотя это маловероятно, но должно найти человека, не уступающего ему ни в чем, агента смелого и находчивого. (Подпись: С.С.)"

Еще ниже, в конце приложения, начальник Сектора государств Карибского бассейна и Центральной Америки коротко написал: «Согласен», подпись: «К. Ц. А.», а начальник штаба добавил к этому красными чернилами: «Ознакомился. Нач. шт.».

М. сидел, уставившись в пространство, минут пять. Затем протянул руку за пером и зелеными чернилами нацарапал морское выражение: «Место по боевому расписанию» — и поставил весьма солидно выглядящую заглавную букву "М".

Потом он еще минут пять сидел, не двигаясь, думая о том, что, скорее всего, только что подписал смертный приговор Джеймсу Бонду.

4. Звезды предсказывают

Вряд ли найдется менее приятное место в такой жаркий день, чем Кингстонский международный аэропорт на Ямайке. При строительстве все деньги были потрачены на то, чтобы увеличить длину взлетной полосы и довести ее до самого порта, дабы появилась возможность принимать большие реактивные самолеты; денег совсем не осталось, чтобы обеспечить хоть какой-то комфорт транзитным пассажирам. Джеймс Бонд прибыл сюда из Тринидада рейсом компании «Бритиш Уэст Индис эрлайн» еще час назад, пересадку на самолет, следующий окружными путями в Гавану, предстояло ждать еще целых два часа. Он снял пиджак, развязал галстук и сидел теперь на жесткой скамье с мрачным видом, осматривая витрины магазина, где пассажиры могли приобрести дорогие духи, спиртные напитки и много разных ярких товаров местного производства. Он слегка позавтракал еще в самолете, выпирать вроде не хотелось — рановато; ехать в Кингстон, даже если бы было желание, — жарковато и далековато. Он промокнул вспотевшее лицо и шею уже мокрым от пота носовым платком, кратко и тихо выругался.

Человек, убиравший мусор, делал это не спеша, апатично, с невозмутимым для жителей стран Карибского бассейна спокойствием; он подбирал каждый обрывок бумаги, каждый оказавшийся не к месту предмет, время от времени опуская гибкую, как бы без костей, руку в ведро, чтобы побрызгать водой на пыльный цементный пол. Через щели жалюзи влетел легкий ветерок, принесший запах мангровых деревьев, растущих на болотах, едва всколыхнул неподвижный воздух и затих. В зале ожидания было лишь два пассажира, возможно кубинцы, с багажом в сумках местного производства, сделанных из волокон листьев тропических растений. Мужчина и женщина. Они сидели рядом у противоположной стены, уставившись на Джеймса Бонда, что еще больше усугубляло и без того гнетущую атмосферу. Бонд встал и пошел в магазин. Он купил газету «Дейли Глинер» и вернулся на свое место. Бонду нравилась эта газета, она была непоследовательна, набор новостей самый престранный. Почти вся первая полоса номера была посвящена новым законам, запрещающим употребление, продажу и выращивание местной разновидности марихуаны. Сенсационное сообщение о том, что де Голль только что объявил о признании Францией красного Китая, было расположено где-то в самом низу. Бонд прочитал тщательно всю газету — краткие «Сообщения по стране» и все остальное, — сделал это намеренно, от отчаяния.

В помещенном в том же издании гороскопе ему говорилось следующее: «Не унывать! Сегодняшний день принесет сюрприз и исполнение заветного желания. Но удачу надо заработать, стараясь не упустить свой шанс, как только он, золотенький, бриллиантовый, возникнет, и тогда надо хватать жар-птицу обеими руками». Бонд мрачно улыбнулся. Маловероятно, чтобы он напал на след Скараманги в свой первый же вечер в Гаване. Не было никакой уверенности, что Скараманга вообще был там. Гавана — одно из последних его пристанищ. В течение полутора месяцев Бонд гонялся за этим человеком по странам Карибского бассейна и Центральной Америки. Он опоздал всего лишь на день и не застал его в Тринидаде, на несколько часов разминутся с ним в Каракасе. И вот теперь, без большого, правда, энтузиазма, он принял решение попытаться провести разведку на родной для Скараманги территории, на почве для Бонда неблагоприятной, почти незнакомой, а потому враждебной. Хорошо еще, что, находясь в Британской Гвиане, он как-то укрепил свои позиции и выправил дипломатический паспорт: теперь он был «курьером» Бондом, направлявшимся в Гавану, чтобы, согласно официально данным ему полномочиям, надлежащим образом оформленным в министерстве иностранных дел правительства Ее Величества, забрать для Ямайки дипломатическую почту и

вернуться обратно. Бонду даже дали на время знаменитую «серебряную борзую» эмблему английских курьеров, существующую уже триста лет. Если он сумеет выполнить свою работу и вовремя дать деру, это, по крайней мере, хоть какая-то надежда на то, что в английском посольстве можно найти временное пристанище. В таком случае МИД должен будет похлопотать за него, поторговаться. Если он только сможет найти этого человека. Если сможет выполнить все инструкции. Если ему удастся благополучно выйти из перестрелки. Если, если, если... Бонд перевернул последнюю страницу газеты, дошел до различного рода рекламных объявлений, и сразу же одно из них бросилось ему в глаза. Такой типичный для старой Ямайки случай. Вот что он прочитал:

"Продается с аукциона 27 мая в среду в 10:30 по адресу: Кингстон, Харбор-стрит, 77 согласно акту о купле-продаже, содержащемуся в закладной Корнелиуса Брауна и иже с ним, частная собственность — Саванна-Ла-Мар, Лав-лейн, № 3 1/2

Собственность включает в себя крепкий жилой дом, а также участок земли размером — по северной границе владения 3 чейна и 5 перчей; по южной границе — 5 чейнов и 1 перч; по восточной границе — ровно 2 чейна; по западной границе — 4 чейна и 2 перча; с северной стороны примыкает к владению № 4 по Лав-лейн, имеющему примерно такие же размеры.

Обращаться — К.Д.Александр

Компания с ограниченным капиталом

Кингстон, Харбор-стрит, 77. Тел. 4897".

Джеймс Бонд был доволен. На Ямайке он бывал не раз, выполняя различные задания, — сколько приключений пережил он на этом острове! Так мило — на старинный манер — звучащий адрес чьих-то владений, все эти чейны и перчи, давно вышедшие из употребления меры длины, лишь в справочнике можно найти, чему они равняются в футах или метрах, вся эта старомодная абракадабра забавного объявления напомнила ему о бывших истинно английских колониальных владениях, милых и романтических. Несмотря на не так давно обретенную островом «независимость». Бонд мог биться об заклад, поставив свой последний шиллинг, что статуя королевы Виктории в центре Кингстона не была разрушена или перемещена в музей, как это произошло с подобными реликвиями исторического младенчества в поднявшихся на борьбу с колониализмом африканских государствах. Он посмотрел на часы. Чтение «Глинера» заняло у него целый час. Он взял пиджак и атташе-кейс. Скоро посадка. Ну подождет немного — ничего страшного. В жизни всякое бывает, и нужно забывать плохое и помнить только хорошее. Что такое два часа жары и скуки на этом острове по сравнению с воспоминаниями о Бо-Дезерт и Ханичил Уайлдер и о том, как он вышел живым после встречи с безумным доктором Ноу? Бонд улыбнулся про себя, в то время как подернутые туманом времени эпизоды этих событий, словно калейдоскоп, замелькали у него в голове. Как давно это было! А что случилось с ней? Она так ни разу и не написала. Последнее, что он слышал о ней, — двое детей от врача из Филадельфии, за которого она вышла замуж. Бонд не спеша прошел в помещение с важным названием «Главный зал», где располагались пустующие киоски различных авиакомпаний, а их рекламные проспекты и личные штандарты, разбросанные в беспорядке, лишь собирали пыль, задуваемую легким ветром из мангровых зарослей.

В зале была обычная центральная стойка с ячейками для писем и извещений прибывающих и отбывающих пассажиров. Бонд не преминул поинтересоваться, нет ли и для него чего-нибудь интересного. За всю жизнь ему никто не написал ни строчки. И все-таки он бегло просмотрел немногочисленные конверты, расставленные по алфавиту. Ничего в ячейке с буквой "Б". И ничего в ячейке "Х", на вымышленное его имя — Хэзард, Марк Хэзард из консорциума «Трансуолд», консорциум сменил компанию Юниверсал экспорт", прежнюю «крышу», от

использования которой Секретная служба отказалась совсем недавно. Скучающим взглядом он скользнул по другим конвертам и вдруг похолодел. Он оглянулся как ни в чем не бывало. Кубинской пары видно не было. Никто не смотрел в его сторону. Он быстро протянул руку, завернутую в носовой платок, и положил в карман светло-желтый конверт, на котором было написано: «Скараманге, пассажиру авиакомпании „Боак“ из Лимы». Он еще несколько минут постоял на месте и потом медленно направился к двери туалета с традиционной табличкой "М". Он запер дверь кабинки и сел. Конверт не был запечатан. В нем лежал стандартный бланк «Бритиш Уэст Индис эрлайн». Аккуратными буквами там было написано:

«СООБЩЕНИЕ ИЗ КИНГСТОНА, ПОЛУЧЕННОЕ В 12:15. ОБРАЗЦЫ БУДУТ В НАЛИЧИИ ЗАВТРА ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ ПО АДРЕСУ САВАННА-ЛА-МАР № 3 1/2»

Никакой подписи не было. Бонд хмыкнул торжествующе. Саванна-Ла-Мар. Ну и совпадение. Так не бывает — нет, все бывает! Наконец-то в этом игральном автомате вся комбинация выстроилась в один ряд. Зазвенел звоночек, и монеты посыпались с серебряным переливом. Что там было написано у него на роду, если верить гороскопу в «Глинере»? Ну что ж, он спикирует на это сообщение без тени сомнения, он схватит удачу «обеими руками», точно следуя рекомендациям газеты «Глинер». Он еще раз прочитал записку и аккуратно положил ее назад в конверт. От его носового платка на светло-желтой поверхности бумаг остались влажные следы. В такой жаре они высохнут через несколько минут. Он вышел из зала и не спеша направился к стойке. Поблизости никого не было. Он поставил конверт на прежнее место в ячейку, обозначенную буквой "С", и направился к киоску компании «Аэронавес де Мехико», чтобы аннулировать предварительный заказ на билет. Затем он подошел к стойке «Боак» и стал просматривать расписание. Так и есть, рейс из Лимы в Кингстон, Нью-Йорк и Лондон отправляется в 13:15 на следующий день. Ему понадобится помощь. Он вспомнил имя главы поста «Джей». Прошел к телефонной будке и позвонил в канцелярию Верховного комиссара. Он попросил командера Росса. Через минуту в трубке раздался молодой женский голос:

— Помощник командера Росса. Чем я могу вам помочь?

Было что-то знакомое в мелодичном тембре этого голоса.

— Я хотел бы поговорить с командером Россом, — сказал Бонд. — Это его друг из Лондона.

В голосе девушки вдруг зазвучали настороженные нотки:

— К сожалению, командера Росса сейчас нет на Ямайке. А что ему передать? — Последовала пауза. — Как вы сказали, ваше имя?

— Я не назвал никакого имени. Но, в общем, это говорит...

Она не дала ему договорить.

— Можешь не называться. Джеймс, это ты?

Бонд засмеялся.

— Будь я проклят! Гуднайт! А ты как сюда попала?

— Работаю, все примерно то же самое, что и раньше, когда была твоим секретарем. Слышала, что ты вернулся, но, если не ошибаюсь, ты был болен или что-то в этом роде. Но как это замечательно! А откуда ты звонишь?

— Из Кингстонского аэропорта. Теперь слушай, дорогая. Мне нужна помощь. Поболтаем потом. Ты готова настроичить то, что я продиктую?

— Конечно. Подожди, я возьму карандаш. Слушаю.

— Прежде всего мне нужна машина. Подойдет любая. Затем мне нужна фамилия директора компании «УИСКО», которая располагается в местечке Фроум рядом с Саванна-Ла-Мар. Затем крупномасштабная топографическая карта этого района. Сто футов в ямайской валюте. И еще, будь так добра, позвони организаторам аукционов фирмы «Александр» и выясни все, что сможешь, о владении, которое пойдет с молотка, объявление о продаже найдешь в сегодняшнем номере «Глинера».

Скажи, что ты потенциальный покупатель. Адрес — Ла-лейн, номер три с половиной. В объявлении все написано. Далее, мы встретимся в гостинице «Морганс Харбор», куда я отправлюсь через минуту, ночью там, там же мы и поужинаем и пошепчемся до рассвета, пока солнце не покажется над Синими горами. Согласна?

— Конечно. Но пошептаться есть о чем, на это уйдет уйма времени. Что мне надеть?

— Что-нибудь легкое и в обтяжку там, где надо. И чтоб не слитком много пуговиц.

Она засмеялась.

— Ты нисколько не изменился. Ну хорошо, сейчас займусь твоими делами. До встречи в семь. Пока.

Задыхаясь от жары, Джеймс Бонд выскочил из телефонной будки, этого маленького карцера. Он вытер лицо и шею носовым платком. Кто бы мог подумать! Мэри Гуднайт, его милая секретарша, коллега по работе в бытность его сотрудником отдела 00. В штаб-квартире говорили, что она за границей. Он не спрашивал, в какой стране. Наверное, захотела поменять место работы после его исчезновения, пропал без вести — не шутка. В любом случае — какая удача! Теперь у него есть союзник, человек, которого он знает. Молодчина, газета «Глинер»! Он забрал свой чемодан у стойки компании «Аэронавес де Мехико», вышел из здания аэропорта, остановил такси, назвал адрес гостиницы, сел сзади и открыл окно, так чтобы ветер остудил его.

Романтического вида небольшая гостиница располагалась неподалеку от Порт-Ройала в конце Палисейдос. Владелец гостиницы, англичанин, который сам когда-то служил в разведке и который догадывался, чем занимается Бонд, встретил его радушно. Он провел Бонда в удобную комнату с кондиционером, с видом на бассейн и широкую водную гладь Кингстонской бухты.

— Что на этот раз? — спросил он. — Кубинцы или контрабанда? В наши дни только этим и можно заниматься.

— Да нет, проездом. Омары есть?

— Конечно.

— Пожалуйста, оставьте мне парочку на ужин, поджарьте на открытом огне в топленом масле. И горшочек этой возмутительно дорогой у вас гусиной печени. Хорошо?

— Будет исполнено. Что-нибудь отмечаете? Шампанское во льду?

— Неплохая идея. Теперь в душ и спать. Этот Кингстонский аэропорт может уморить кого угодно.

Джеймс Бонд проснулся в шесть. Сначала он не мог понять где находится. Лежал, стараясь вспомнить. Сэр Джеймс Молони сказал, что память иногда будет его подводить, но это временное явление. Курс лечения, который он прошел в «Парке», в так называемом госпитальном домике для выздоравливающих, расположенном в огромном особняке в Кенте, был чрезвычайно сложным. Электрошок — двадцать четыре разряда за тридцать дней: чертов черный ящик не давал пощады. После того как все было закончено, сэр Джеймс признался, что, если бы он лечился в Америке, больше 18 разрядов никто бы не решился прописать. Сначала Бонд приходил в ужас при виде этого ящика и двух катодов, которые накладывали на виски. Он где-то слышал, что людей, подвергающихся шоковой терапии, надо привязывать к креслу, а то подпрыгивают и корчатся под током, нередко переворачивают рабочий столик. Но все это оказалось рассказами. Сэр Джеймс объяснил, что после успокоительного укола пентафола тело его будет совершенно неподвижно даже в момент получения разряда тока, только веки слегка дрогнут. И результаты терапии оказались потрясающими. После того как приятный во всех отношениях, обходительный психиатр спокойно объяснил ему, какой обработке он подвергся в России, после того, как он чуть не сошел с ума, когда узнал, что собирался сделать с М., старая

ненависть к КГБ, ко всей деятельности этой организации возродилась в нем и через полтора месяца после поступления в «Парк» он уже желал лишь одного — добраться до тех людей, которые, преследуя свои безумные страшные цели, так бесцеремонно вторглись в его сознание, иссушили мозг. Потом началось физическое восстановление организма и непрерывные тренировки на полицейском стрельбище в Мейдстоуне. И наконец наступил день, когда прибыл начальник штаба и целый день инструктировал Бонда относительно его нового задания. Необходимость в столь интенсивной стрелковой подготовке стала понятна. Настроение подняли и нацарапанные зелеными чернилами пожелания удачи, подписанные М. Через два дня он с удовольствием отправился в Лондонский аэропорт, откуда начиналось его путешествие по миру.

Бонд еще раз принял душ, надел рубашку, легкие брюки и туфли и отправился в небольшой бар на берегу. Он заказал двойную порцию бурбона — «Уолкер де люкс» — со льдом и долго наблюдал за тем, как пеликаны ныряли в воду, добывая пищу. Потом он выпил еще, запил стаканом воды, чтоб разбавить виски, и стал размышлять о том, что это за адрес такой — 3 1/2, Лав-лейн, что это за образцы, о которых говорилось в записке, и как он будет «брать» Скарамангу. Последнее беспокоило его с тех самых пор, как получил соответствующий приказ. Легко сказать — «ликвидировать» человека, но Джеймс Бонд всегда с предубеждением относился к убийствам из разряда совершенно хладнокровных, а спровоцировать человека, который, возможно, был самым ловким стрелком в мире, чтобы он первым выхватил пистолет, было равносильно самоубийству. Ну что ж, сначала он посмотрит, как лягут карты, будет действовать по обстановке. Первое, что надо сделать, — обеспечить себе прикрытие, «крышу». Свой дипломатический паспорт он оставит у Гуднайта, станет Марком Хэзардом из «Трансуолд консорциум», организации, название которой настолько туманно, что может означать фактически любой вид деятельности. Он должен будет вести дела с «Шугер Уэст Индис компани», потому что это единственный бизнес, кроме операций, которые ведет фирма «Кайзер боксит», существовавший в относительно безлюдных западных районах Ямайки. И еще в Негриле начинали разрабатывать проект создания одного из лучших пляжей в мире и уже приступили к строительству гостиницы «Сандерберд». Он мог бы играть роль весьма состоятельного человека, который решил присмотреть на острове земельный участок для строительства туристского комплекса. Если его предчувствия и наивные предсказания гороскопа правильны и он настигнет Скарамангу в этом месте под романтическим названием Лав-лейн, тогда остальное будет делом техники и интуиции.

Пожар заходящего солнца мгновенно вспыхнул где-то там, на западе, и золотистое море, остывая, окрасилось в лунный серый цвет с красноватым отливом.

Обнаженная рука, пахнущая духами «Шанель № 5», обвилась вокруг его шеи, и теплые губы коснулись его губ.

— О, Джеймс, извини, — услышал он прерывающийся от волнения голос, когда ответил на пожатие руки и попытался задержать ее. — Я просто не могла не поцеловать тебя. Как хорошо, что ты вернулся.

Бонд дотронулся до мягкого подбородка, притянул ее к себе и поцеловал прямо в полуоткрытые губы.

— Почему мы не делали этого раньше, Гуднайт? — сказал он. — Три года нас разделяла всего лишь одна дверь! О чем же мы думали?

Она отстранилась. Пряди золотистых волос упали на плечи. Она совсем не изменилась. Косметикой, как и раньше, почти не пользовалась, лицо теперь стало бронзовым от загара, из-за чего широко расставленные голубые глаза, отражающие лунный свет, блестели с той бросающей вызов прямоотой, которая приводила его в замешательство в те моменты, когда они обсуждали какие-нибудь вопросы,

связанные с их работой. Все тот же здоровый цвет кожи, упругое тело и широкая открытая улыбка на полных губах, которые не могли не волновать, даже когда были крепко сжаты. Но одеваться стала совсем по-другому. Вместо строгой юбки и блузки, которые носила, когда работала в штаб-квартире, сейчас на ней была нитка жемчуга и короткое платье цвета розоватого джина или оранжево-розового цвета внутренней поверхности раковины. Платье облегло грудь и бедра. Она улыбнулась, видя, как он внимательно ее рассматривает.

— Все пуговицы на спине. Это обычная форма одежды для тех постов, которые расположены в тропиках.

— Могу себе представить, как долго работали в секторе «Кью» над этим изобретением. Не ошибусь, наверное, если скажу, что в одной из жемчужин — яд.

— Конечно, но я не помню в какой. Мне придется проглотить всю нитку. А пока закажи-ка лучше «Дайкири» — ром с соком лайма.

Бонд сделал заказ.

— Извини, Гуднайт. Я так ослеплен, что забыл все на свете. Как здорово, что ты оказалась здесь. И я тебя в такой рабочей одежде никогда не видел. А теперь выкладывай новости. Где Росс? Сколько ты уже здесь? Удалось ли сделать все, о чем я просил?

Принесли коктейль. Она стала пить его маленькими глотками. Бонд вспомнил, что Гуднайт почти не пьет и совсем не курит. Он заказал себе еще один бурбон, хотя понимал, что, наверное, не прав, ведь это был уже третий стакан двойной порции виски, а она этого не знает, да и, когда принесут напиток, не догадается, что порция двойная. Он закурил. Старался выкуривать не больше двадцати сигарет в день, но каждый раз перебирал штук пять. Он загасил сигарету. Теперь уже приблизился к цели, и строгие правила, вбитые ему в голову во время лечения в госпитале, необходимо тщательно соблюдать. Шампанское не в счет. Его позабавило то, что эта девушка пробудила в нем совесть. Он был и удивлен, и поражен этим фактом.

Мэри Гуднайт знала, что последний вопрос, заданный Бондом, был как раз тем, на который он хотел получить ответ прежде всего. Она полезла в сумочку из соломки на металлической желтой цепочке, достала из нее толстый конверт и отдала его Бонду.

— Здесь в основном однофунтовые банкноты, и довольно потрепанные. Несколько купюр по пять фунтов. Записать это на твой счет или списать на текущие расходы?

— Запиши на мой счет.

— Во Фроуме всем заправляет Тони Хьюджил. Симпатичный человек. Хорошая жена. Прекрасные дети. Нам уже не раз приходилось иметь с ним дело, так что он не откажет в помощи. Он служил в морской разведке во время войны, кое-какие десантно-диверсионные операции, так что понимает, что к чему. Дела у него идут хорошо — во Фроуме производят около четверти всего сахара Ямайки, — но ураган «Флора» и страшные ливни, которые у нас здесь были, сказались на урожае. Кроме того, у него много неприятностей из-за поджогов сахарного тростника и других мелких диверсий — это все термитные бомбы, которые доставляют с Кубы. Видишь ли, ямайский сахар конкурирует с тем, который выращивает Кастро. А из-за этого урагана и дождей в этом году кубинцы произведут лишь около 3 миллионов тонн сахара, тогда как во времена Батисты урожай составлял 7 миллионов тонн, к тому же со сбором урожая придется подождать — дожди резко снизили содержание сахарозы. — Она улыбнулась своей открытой улыбкой. — Никаких секретных данных. Все это написано в «Глинер». Я в этом ничего не понимаю, но очевидно, что в мире разыгрываются какие-то невероятные сахарные шахматные партии, особенно когда речь идет о срочных сделках, это что-то вроде закупок сахара в самом конце года, ближе к датам поставок. Вашингтон старается удержать низкие цены, чтобы нанести

урон кубинской экономике, а Кастро делает все, чтобы мировые цены были высокими, чтобы он мог поторговаться с Россией. Так что в интересах Кастро постараться нанести как можно больший урон урожаю своих конкурентов. Ему нечего продавать, кроме сахара, а покупать надо самые разнообразные продукты. Это пшеница, которую американцы продают русским, большая часть ее будет направлена на Кубу в обмен на сахар. Надо же чем-то кормить кубинских крестьян, выращивающих сахарный тростник. — Она опять улыбнулась. — Довольно бессмысленное дело, правда? Не думаю, что Кастро долго продержится. Эта история с ракетами на Кубе, должно быть, обошлась русским в миллиард фунтов. А теперь им приходится помогать Кубе, давать и деньги, и золото, чтобы Куба могла устоять. Мне, правда, кажется, что им это скоро надоест, и Кастро придется повторить путь Батисты. На Кубе очень много верующих — католиков, они считают, что ураган «Флора» — это возмездие божие. Ураган метался по острову целых пять дней — непрерывно. Раньше такого никогда не было. Верующие, конечно, посчитали это грозным предзнаменованием. Это прямое обвинение, предъявленное новому режиму.

— Гуднайт, да ты просто клад, — сказал Бонд восхищенно. — Вижу, что времени даром не теряешь.

Голубые глаза посмотрели на него в упор, комплимент она игнорировала.

— Это то, с чем я здесь живу. Это моя работа, пост для этого и существует. Но я подумала, что тебе может понадобиться дополнительная информация о Фроуме, а то, что я рассказала, объясняет, почему у компании «УИСКО» все время горит тростник. По крайней мере, мы это объясняем таким образом. — Он сделала еще один глоток. — Ну, вот и все, что касается сахара. Машина на улице. Ты помнишь Стренджуэйза? Так это его старенькая «Санбим элпайн». Пост купил эту машину, и теперь я ею пользуюсь. Она, конечно, не новая, но бегаёт хорошо, не подведет тебя. Немного побита, так что не будет бросаться в глаза. Бензобак полон, а в бардачок я положила карту острова.

— Прекрасно. Теперь последний вопрос — и пойдем обедать, поговорим о нас. Между прочим, что случилось с твоим боссом Россом?

Мэрри Гуднайт нахмурилась.

— По правде говоря, я точно не знаю. На прошлой неделе он отправился по делам в Тринидад. Ему надо было попытаться найти человека по имени Скараманга. Он здесь считается настоящим профессионалом-убийцей. Я мало что знаю о нем. Видимо, в штаб-квартире он кому-то понадобился. — Она печально улыбнулась. — Никто никогда не расскажет мне что-нибудь интересное. Я просто выполняю тяжелую нудную работу. Словом, командер Росс должен был вернуться два дня назад, а его все нет. Я должна была подать «красный сигнал», но мне сказали, что нечего раньше времени поднимать тревогу, просили подождать недельку.

— Ну что ж, я рад, что он не будет мешать. Предпочитаю иметь дело с его вторым номером. Последний вопрос: как насчет того адреса — три с половиной, Лав-лейн? Что-нибудь разузнала?

Мэри Гуднайт покраснела.

— Неужто нет! Ну и вопросыки ты задаешь. В фирме «Александр» мне толком ничего не объяснили, в конце концов мне пришлось обратиться в спецотдел. Я теперь долго не смогу показаться им на глаза. Бог знает, что они там обо мне подумали. Понимаешь, по этому адресу оказался, э-э, — она сморщила нос, — ну, в общем, это известный в Саванна-Ла-Мар дом терпимости.

Бонд громко рассмеялся, видя ее смущение. Он поддразнил ее умышленно, но шутливо:

— Ты хочешь сказать, что там бордель?

— Джеймс! Ради бога! Не будь таким грубым!

5. Лав-лейн, 3 1/2

Южное побережье Ямайки не так красиво, как северное, оно представляет собой длинную стодвадцатимильную узкую полосу земли, пересеченную многочисленными дорожками, идущими из Кингстона в Саванна-Ла-Мар. Мэри Гуднайт настояла на том, чтобы они поехали вместе, она хотела «показать дорогу и помочь в случае прокола шины». Бонд не возражал.

Спэниш Таун, Мей Пен, Аллигатор Понд, Блэк-Ривер, мотель «Уайт Хаус», где они остановились на обед, они долго ехали под палящим солнцем до тех пор, пока к вечеру последний отрезок прямой хорошей дороги не привел их в городок Саванна-Ла-Мар, выстроившийся рядами вилл: перед каждым домом небольшая коричневатая лужайка с яркими тропическими растениями и непременно — клумбами крокусов и лилий с желтыми, красными или оранжевыми цветами и декоративными листьями, в общем «нарядное» местечко, все скромно и со вкусом.

За исключением старого района, примыкающего к порту, городок не был похож на типичные ямайские поселения, привлекательного в нем было мало. Виллы, построенные для старшего звена сотрудников сахарной компании из Фроума, владеющей плантациями тростника, отличались унылой респектабельностью, и в планировке небольших прямых улочек угадывались совсем не типичные для Ямайки приемы градостроения 20-х годов. Бонд остановился на первой же бензоколонке, заправился и нашел для Мэри Гуднайт машину, чтобы отвезти ее назад. Он ни слова не сказал ей о своем задании, она тоже не задавала вопросов, после того как Бонд туманно намекнул ей, что дело это «имеет некоторое отношение к Кубе». Бонд сказал, что свяжется с ней, как только освободится, назад вернется, когда закончит работу; словом, выглядело все довольно буднично, она отправилась в обратном направлении по пыльной дороге, а Бонд медленно поехал в район порта. Он определил, где находится Лав-лейн, узенькая улочка покосившихся домов и закрытых магазинов, которая, извиваясь, шла от пирса к центру города. Он сделал большой круг, чтобы запомнить расположение близлежащих к Лав-лейн улиц, и остановил машину в безлюдном месте около песчаной косы, где стояли привязанные к сваям рыбацкие лодки. Закрыл машину и не спеша направился назад к Лав-лейн. Навстречу ему попались всего несколько человек, скорее всего бедных рыбаков. В небольшой лавке, пропахшей специями, Бонд купил пачку сигарет «Ройал-бленд». Он спросил, где дом № 3 1/2? На него посмотрели с вежливым любопытством: «Это дальше по улице, может, 1 чейн. Большой дом с правой стороны». Бонд перешел на теневую сторону и пошел дальше. Он разорвал пачку большим пальцем, закурил сигарету, чтобы больше походить на праздного туриста, изучающего один из уголков старой Ямайки. С правой стороны был только один большой дом. Пока раскуривал сигарету, внимательно оглядел его.

Должно быть, когда-то дом выглядел весьма внушительно, может, был частичным владением какого-нибудь торговца. В нем два этажа, балконы опоясывали его со всех сторон; дом деревянный, крытый серебристой кровельной дранкой, но резной свес крыши, венчающий карниз, был поломан во многих местах, и на ставнях почти не осталось краски — вся слезла. Ставнями были закрыты все окна наверху и большая часть нижних окон. Во дворике, граничащем с улицей, разгуливал выводок цыплят с тонкими Минными шеями, которым нечего было клевать. Здесь же находились и три тощие, черные с коричневыми подпалинами ямайские дворняжки. Они лениво смотрели на Бонда, который находился на другой стороне улицы, чесались и кусали невидимых блох. В глубине участка росло очень красивое гваяковое дерево с роскошными голубыми цветами. Бонд подумал, что дереву, должно быть, столько же, сколько и дому, — не меньше полвека. Дерево сразу бросалось в глаза, оно доминировало на этой территории, служило ее украшением. В

густой прохладной тени в кресле-качалке сидела девушка и читала журнал. С расстояния в почти 30 ярдов она казалась очень привлекательной. Бонд прошел по противоположной стороне улицы до тех пор, пока девушки не стало видно. Там он остановился и рассмотрел дом получше.

Деревянные ступеньки вели к открытой нарядной двери, над которой висела металлическая табличка, где белой краской на голубом фоне были выведены цифры «3 1/2»; на других домах на этой улице таблички с номерами отсутствовали. Из двух широких окон, расположенных по обе стороны двери, одно — то, что слева, было закрыто ставнями, а другое, справа, — без ставень. Через запыленное стекло виднелись столы, стулья и стойка. Над дверью на слегка покачивающейся вывеске выцветшими буквами было начертано — "Кафе «Царство грез»; вокруг окна висели рекламы пива «Ред страйп», сигарет «Ройал-бленд» и «Фор эйсез», а также «Кока-колы». Написанные от руки объявление гласило: «Закуски», и под этим словом: «Горячий куриный бульон. Ежедневно».

Бонд перешел улицу, поднялся по ступенькам и раздвинул штору из нанизанных бусин, закрывающую вход. Он прошел к стойке, посмотрел, что там, — тарелка с черствыми имбирными пирогами, кучка пакетов с сушеными бананами и несколько стеклянных банок, — в тот же момент он услышал за дверью торопливые шаги. Вошла девушка, которую он видел в саду. Бусины тихо зазвенели за ее спиной. Девушка была негритянкой всего на 1/8, хорошенькая, впрочем, ровно настолько, насколько могли быть по предположению Бонда, девушки-негритянки на 1/8. У нее были дерзкие карие глаза, слегка приподнятые у висков и полускрытые челкой шелковистых черных волос. (Бонд отметил про себя, что была в ней и китайская кровь.) Короткое ярко-розовое платье хорошо гармонировало с цветом кожи — кофе с молоком. Ручки и ножки совсем миниатюрные. Она вежливо улыбалась. Строила глазки.

— Добрый вечер.

— Добрый вечер. Можно бутылочку пива?

— Конечно. — Она прошла за стойку. Когда наклонилась к дверце холодильника, он обратил внимание на ее точеную грудь, она словно специально выставила ее напоказ, может быть, здесь было так принято. Девушка закрыла дверь холодильника, толкнув ее коленом, ловко откупорила бутылку и поставила на стойку рядом с почти чистым стаканом. — С вас один и шесть.

Бонд расплатился. Она бросила деньги в кассу. Бонд подвинул стул к стойке и сел. Она положила руки на деревянный верх стойки и взглянула на него.

— Вы здесь проездом?

— Да вроде. Во вчерашнем «Глинере» я прочитал, что этот дом продается. И вот решил взглянуть. Хороший, большой дом. Вы его владельца?

Она засмеялась. И зря — сама очень симпатичная, а зубы стерты почти до основания — результат пережевывания сахарного тростника.

— Разве похожа? Нет, я здесь что-то вроде распорядителя. Здесь кафе, — некоторые слова она немного коверкала, — и, может, слышали, есть и кое-какие другие развлечения.

Бонд изобразил удивление.

— Что за развлечения?

— Девочки. Шесть спален наверху. Очень чисто. И стоит всего фунт. Сейчас там наверху Сара. Хотите с ней встретиться?

— Не сегодня, спасибо. Сегодня слишком жарко. А они что, работают не каждый день, других сегодня нет?

— Нет, есть еще Линди, но она занята. Крупная девушка. Если вам нравятся крупные, подождите, она освободится через полчаса. — Взгляд на кухонные часы, висящие на стене за ее спиной. — Около шести часов. Тогда будет попрохладнее.

— Я предпочитаю девушек, похожих на вас. Как вас зовут?

Она хихикнула.

— Я занимаюсь этим только по любви. Я ведь сказала, что здесь вроде распорядительницы. Зовут меня Тиффи.

— Необычное имя. Откуда оно у вас?

— У моей мамы было шесть дочерей. Она всех их называла, как цветочки: Виолетта, Роза, Черри, Пэнси и Лилия. Когда появилась на свет я, фантазии у нее больше не хватило, вот и назвала меня Артифициал, то есть «Искусственная». — Тиффи подождала, когда он засмеется. Он не засмеялся, и она продолжила свой рассказ: — Когда я пошла в школу, все там говорили, что такого имени не может быть, смеялись надо мной и — сократили Артифициал до Тиффи, так меня и стали называть.

— Ну что ж, мне нравится это имя. А я — Марк.

Она решила пококетничать.

— Вы что же, святой?

— В этом меня трудно обвинить. У меня во Фроуме кое-какие дела, бизнес. Мне нравится эта часть острова, и вот решил снять где-нибудь здесь домишко. Но хочется поближе к морю, отсюда все-таки далеко. Придется походить, поискать. Вы сдаете комнаты на ночь?

Она задумалась, прежде чем ответить.

— Конечно. Почему нет. Но вам здесь может показаться очень шумно. Иногда у нас бывают клиенты, которые могут перебрать лишнего. И с водопроводом не все в порядке. — Она наклонилась к нему и понизила голос. — Но я бы не советовала вам арендовать этот дом. Крыша в плохом состоянии. Только крышу починить встанет вам в пятьсот, а может, и в тысячу фунтов.

— Спасибо за предупреждение. Но почему этот дом продается? Неприятности с полицией?

— Да вроде нет. Заведение наше вполне уважаемое. Вы в объявлении заметили слова «и иже с ним», как раз после имени господина Брауна, это и есть мой хозяин?

— Да, заметил.

— Ну вот, прочесть можно было и так — «и его жена». Г-жа Браун, миссис Агата Браун, она принадлежала к английской церкви, а потом вдруг приняла католичество. А католики, вероятно, не могут себе позволить, чтобы их имя ассоциировалось с такими заведениями, как «Три с половиной», даже когда это вполне приличное место. Церковь их здесь неподалеку, по этой же улице, крыша примерно в таком же плачевном состоянии. Вот миссис Браун и решила сразу убить двух зайцев. Она заставляет г-на Брауна закрыть заведение и продать дом и свою долю отдает на ремонт крыши для католиков.

— Жалко. Здесь так тихо, спокойно. А вы все куда денетесь?

— Я, наверное, перееду в Кингстон. Буду жить с одной из своих сестер, может, устроюсь на работу в какой-нибудь большой магазин — может, в фирму «Исса» или в «Натан». В Саванна-Ла-Мар немного скучновато. — В глазах ее появилась грустинка. — Но я наверняка буду скучать по этому месту. Люди здесь веселые, и Лав-лейн приятная улица. Мы здесь все дружно живем. Здесь такая своя, своя...

— Атмосфера.

— Ну да. Это точно. Здесь уголок старой Ямайки. Почти в точности все, как раньше было. Все знакомы и дружат друг с другом. Все готовы помочь, если надо. Вы не поверите, очень часто девушки работают бесплатно, ну, если это хороший парень и постоянный клиент, если вдруг он оказался без денег. — Карие глаза изучающе посмотрели на Бонда, чтобы убедиться, что он понял всю важность приведенного свидетельства добрых старых нравов.

— Очень мило с их стороны. Только ведь это для бизнеса плохо.

Она засмеялась.

— А это никакой и не бизнес, г-н Марк. Это не бизнес, пока я здесь распорядитель. Это один из видов коммунальных услуг, ну как вода, электричество или как здравоохранении, образование и... — Она вдруг замолчала и посмотрела через плечо на часы, которые показывали 5:45. — Черт возьми! Я совсем с вами заболталась. Совсем забыла покормить Джо и Мей. Они еще не ужинали.

Она подошла к окну и опустила раму. Сразу же оттуда, где росло гваяковое дерево, появились две большие черные птицы чуть поменьше ворон; они влетели в окно, покружились по кафе, издавая резкий металлический звук — другого такого пения нигде в мире не услышите, — и с шумом приземлились на стойку на расстоянии вытянутой руки от Бонда. Потом стали важно, по-хозяйски, прохаживаться взад и вперед, не проявляя и тени страха, поглядывая на Бонда дерзкими золотистого цвета глазами. Птицы продолжали издавать те же пронзительные металлические звуки, при некоторых, из которых распускали перья и увеличивались почти вдвое в объеме.

Тиффи опять зашла за стойку, вытащила два пенса из своего кошелька, бросила их в кассу и взяла два имбирных пирожка из засиженной мухами застекленной витрины. Она раскрошила пироги и стала кормить птиц, сначала ту, что поменьше, самочку. Птицы жадно хватили куски пирога из ее рук, придерживая их когтями, расклевывали на более мелкие части и заглатывали. Когда с пирогами было покончено, Тиффи пожурив их за то, что больно ущипнули ее за палец; птички же сделали на стойке по маленькой аккуратной кучке и теперь выглядели очень довольными собой. Тиффи взяла тряпку и вытерла прилавок.

— У нас их называют птицы клинг-клинг, а по-ученому это ямайские вороны. Они очень дружелюбные. Национальная птица Ямайки — птица-доктор, колибри с длинным узким хвостом, но клинг-клинг нравятся больше. Они не такие красивые, но очень быстро привязываются к человеку, а какие смешные! И они догадываются о своих достоинствах, эти проказливые черные воришки.

Птицы клинг-клинг смотрели на витрину с пирогами, жаловались друг другу, издавая скрипучие звуки, на то, что их ужин уже закончился. Джеймс Бонд вынул двухпенсовую монетку и передал ее Тиффи.

— Очень симпатичные. Похожи на заводные игрушки. Покормите их еще раз за мой счет.

Тиффи бросила в кассу монетку и вытащила еще два пирога.

— Послушайте-ка, Джо и Мей. Этот приятный джентльмен был очень добр с Тиффи, а теперь он и вас заметил. Так что не клюйте его за пальцы и не пачкайте тут, а то он не придет к нам больше.

Она уже скормила птицам половину пирога, когда вдруг к чему-то прислушалась. Где-то над головой заскрипели половицы, потом на лестнице послышались чьи-то шаги. Только что оживленное лицо Тиффи стало неподвижным и напряженным.

— Это клиент Линди, — прошептала она Бонду. — Важная персона. Он здесь часто бывает. Но меня не любит, потому что не захотела пойти с ним. Поэтому он иногда грубо разговаривает. И терпеть не может Джо и Мей, так как считает, что от них много шума. — Она, шикая, стала гнать птиц к открытому окну, но они, видя, что осталась еще половина пирога, только взлетели и опять вернулись на стойку. — Будьте так добры, — попросила Тиффи Бонда, — сидите спокойно и не обращайтесь внимания, что бы он ни сказал. Ему нравится доводить людей до бешенства. А потом... — Она замолчала. — Вам еще одно пиво?

Занавеска из бусин зашуршала в затененной задней части комнаты.

До этого Бонд сидел, подперев подбородок правой рукой. Теперь он резко опустил руку на стойку и откинулся назад. «Вальтер ППК» в кобуре на поясе брюк с

левой стороны его плоского живота дал о себе знать. Пальцы правой руки слегка согнулись, готовые сватать рукоять пистолета. Он опустил ногу с нижней перекладины стула на пол.

— Пожалуй. — Левой рукой он расстегнул пиджак, той же рукой достал носовой платок и вытер им лицо. — Около шести всегда становится так жарко, как раз перед тем, как задует этот тихий, печальный ветерок.

— Печальный ветерок уже задул, господин хороший. И пахнет он мертвечиной. Хотите понюхать.

Джеймс Бонд медленно повернул голову. В комнату уже прокрались сумерки. Бонд мог различить только неясный высокий силуэт. В руках мужчины был чемоданчик. Он поставил его на пол и шагнул вперед. Должно быть, туфли у него на резиновой подошве, так как звука шагов слышно не было. Тиффи, заметно нервничая, прошла за стойку, щелкнула выключателем. Загорелись штук шесть неярких ламп в заржавевших держателях, расположенных по стенам.

— Вы меня до смерти напугали, — произнес Бонд беспечно.

Скараманга подошел и облокотился о стойку. Внешность его в картотеке описали точно, но там ничего не было сказано о кошачьих повадках этого крупного мужчины, о его широченных плечах и узкой талии, о его холодных неподвижных глазах. Все это теперь изучал Бонд с выражением полного равнодушия. На Скараманге был хорошо сшитый однобортный костюм коричневого цвета и подходящие по цвету коричневые с белым туфли. Вместо галстука он носил широкий шарф из белого шелка, сколотый на шее золотой булавкой в виде миниатюрного пистолета. Во всем его внешнем виде было что-то наигранное, театральное, но великолепная фигура сглаживала это впечатление.

— Иногда я делаю так, чтобы клиенты немного поплясали. А уж потом отстреливаю им напрочь и сами ноги, — сказал он. В его американском английском не было и намека на акцент.

— Сказано очень сильно, — произнес Бонд. — А за что вы их так?

— В последний раз — за пять тысяч долларов. Вы, кажется, не знаете, кто я такой. Разве эта холодная кошка не успела рассказать?

Бонд бросил взгляд на Тиффи. Она стояла не шелохнувшись, уронив руки. Костяшки пальцев побелели.

— А что она должна рассказать? И почему это может меня интересовать? — спросил Бонд как ни в чем не бывало.

В воздухе сверкнуло золото. Маленькое черное отверстие было направлено прямо в живот Бонда.

— А вот почему. Что вы здесь делаете? Кто такой? С какой это стати городской щеголь вдруг оказался в «Три с половиной»? Как вообще вы очутились в Саванна-Ла-Мар? Не из полиции ли, случаем? Или помогаете им как любитель?

— Сдаюсь, сдаюсь! — Бонд поднял руки в шутливом жесте, обозначающем, что он сдается. Он опустил руки и повернулся к Тиффи.

— Кто этот человек? Он что, держит в страхе всю Ямайку, правит островом? Или просто сбежал из цирка? Спроси его, что он хочет выпить. Кто бы он ни был, сыграл великолепно. — Джеймс Бонд знал, что курок уже почти спущен. Он оскорбил профессионала, унизил его.

... Мгновенно перед мысленным взором Бонда промелькнула немая сцена: он корчится на полу, не в силах дотянуться правой рукой до собственного оружия. Маленькое личико Тиффи потеряло свою привлекательность. Это была неподвижная маска. Она уставилась на Джеймса Бонда. Она открыла рот, но ни единого звука не сорвалось с ее раскрытых губ. Он ей понравился, но она знала, что он уже мертв. Птицы клинг-клинг, Джо и Мей, тоже почувствовали, что в воздухе витает опасность. С громким металлическим клекотом они полетели к открытому окну, пытаясь

скрыться в темноте, как самые обыкновенные воришки.

Оглушительно рывкнул «Кольт» 45-го калибра. Тела двух птиц разлетелись клочьями на фоне фиолетовых сумерек, комки перьев и розового мяса, как шрапнель, брызнули в разные стороны из освещенного желтым светом окна кафе и сгнули в пространстве безлюдной улицы.

На минуту воцарилась звенящая тишина. Джеймс Бонд не двигался. Он сидел на том же месте, ожидая, когда напряжение, вызванное происшедшим, спадет. Напряжение не спадало. Нечленораздельно выкрикнув нечто похожее на оборванное на полуслове грязное ругательство, Тиффи схватила бутылку «Ред страйпа», которую до этого поставила перед Бондом, и неловко запустила ее в Скарамангу. Из глубины комнаты раздался звук разбивающегося стекла. Потом, совершив этот акт отчаяния, Тиффи опустилась на колени за стойкой и истерически разрыдалась.

Джеймс Бонд допил свое пиво и медленно поднялся. Он пошел в сторону Скараманги и почти миновал его, когда тот словно нехотя схватил его левой рукой за бицепсы. Он приставил дуло пистолета к носу Бонда, тяжело дыша, раздувая ноздри.

— Эй, господинчик, — сказал он, — смерть пахнет по-особенному. Хочешь попробовать? — Он протянул сверкающий пистолет, как будто предлагал Бонду розу.

Бонд стоял совершенно неподвижно.

— Не забываетесь. И уберите руки.

Скараманга поднял брови. Он тупо уставился своими свинцовыми глазами на Бонда. Будто видел его впервые.

Он опустил руку.

Джеймс Бонд зашел за стойку. Когда он оказался напротив Скараманги, то увидел, что теперь тот смотрел на него с едва заметным любопытством, в котором сквозило презрение. Бонд остановился. Рыдания девушки были похожи на скулеж собаки. Где-то на улице раздались громкие звуки музыки, кто-то включил проигрыватель с усилителем на полную мощь — гремел популярный танец калипсо.

Бонд взглянул на Скарамангу.

— Благодарю покорно, — сказал он. — Как пахнет смерть, я уже знаю. Рекомендую попробовать берлинское вино урожая 1945 года. — Он улыбнулся дружеской, немного иронической улыбкой. — Однако, полагаю, вы тогда были еще слишком молоды, вино распробовали без вас.

6. Тысяча — на пустом месте

Бонд склонился к Тиффи и два раза резко ударил ее сначала по правой щеке, потом по левой. В полных слез глазах зажглись искорки сознания. Она коснулась руками щек и с удивлением посмотрела на Бонда. Бонд поднялся. Он взял салфетку, намочил ее под краном, затем наклонился, обнял ее одной рукой и осторожно провел мокрой салфеткой по лицу. Потом поставил девушку на ноги, подал ей сумочку, которая лежала на полке за стойкой.

— Успокойся, Тиффи, — сказал он. — Приведи в порядок свое милое личико. Скоро опять будет много работы. А главное — дама всегда должна хорошо выглядеть.

Тиффи взяла сумочку и открыла ее. Она посмотрела мимо Бонда и впервые после стрельбы увидела Скарамангу. Красивые губы опять искривились.

— Ну я покажу ему, я до него доберусь, — горячо зашептала она так, что только Бонд мог слышать, — тут живет в горах Орэндж-хилл мать Эдна. Она самая настоящая колдунья. Завтра же отправлюсь к ней. Пройдет несколько дней, и он даже понять не успеет, что с ним случилось.

Она достала зеркальце и стала приводить себя в порядок. Бонд вытащил из заднего кармана брюк деньги, отсчитал пять однофунтовых бумажек и сунул их ей в

открытую сумочку.

— Ты и думать об этом забудь. А на эти деньги купи себе канарейку в клетке, все веселее. А может быть, если прикормить, появится здесь и другая пара клингов. — Он похлопал ее по плечу и пошел. — В цирке из этого получился бы хороший номер, — произнес он, поравнявшись со Скарамангой, он опять нарочно употребил слово «цирк», — но поступать так с девушкой, это, пожалуй, чересчур. Дайте же ей немного денег.

— Еще чего, — ответил Скараманга, почти не разжимая губ. — И что это за шуточки насчет цирка? — спросил он подозрительно, повернувшись лицом к Бонду. — Стойте там, где стояли, господинчик, вам придется ответить мне на несколько вопросов. Я уже спрашивал, вы часом не из полиции? Запашок точно как у легавых. А если нет, то что привело вас в эти места?

— Обычно мне не приказывают, — сказал Бонд, — приказываю я. — Он прошел на середину комнаты и сел за стол. — Идите сюда и садитесь, — продолжал он, — и перестаньте давить на меня. На меня где сядешь, там и слезешь.

Скараманга пожал плечами. Двумя большими шагами он приблизился к столу, взял один из металлических стульев, повернул его вокруг оси и броском поставил между ног, сел верхом, положил левую руку на спинку стула. Правую держал на бедре, в нескольких дюймах от рукоятки пистолета, который торчал из-за пояса брюк. Бонд знал, что это самая удобная рабочая поза для стрелка, а металлическая спинка стула защищала почти все тело. Он, конечно, очень осторожен, профессионал в своем деле.

Бонд открыто положил обе руки поверх стола.

— Нет. Я не из полиции, — бодро сказал он. — Меня зовут Марк Хэзард. Я работаю в компании, которая называется «Трансуолд консорциум». У меня здесь дела во Фроуме, там, где фирма «УИСКО» производит сахар. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Конечно. А кем вы там работаете?

— Не так быстро, приятель. Прежде всего, кто вы сами и чем занимаетесь?

— Скараманга. Франсиско Скараманга. Вопросы трудоустройства. Слышали когда-нибудь обо мне?

Бонд нахмурился.

— Не могу сказать, что слышал. А что, следовало бы?

— Некоторые, которые тоже не слышали, давно мертвы.

— Многие, кто не слышал обо мне, тоже умерли. — Бонд откинулся назад. Он положил ногу на ногу выше колена и взялся за лодыжку, застыв в позе светского человека. — Мне бы очень хотелось, чтобы вы перестали так высокопарно выражаться. Приведу один пример, 700 миллионов китайцев наверняка ничего о нас с вами не слышали. Всяк кулик на своем болоте.

Скараманга не отреагировал на колкость.

— Да-а, — произнес он задумчиво, — пожалуй, Карибское море действительно можно назвать совсем маленьким болотом. Но там можно взять хороший улов. Я — «человек с золотым пистолетом». Так меня зовут в этих местах.

— Это очень нужный инструмент для решения трудовых вопросов. Там, во Фроуме, можно было бы воспользоваться вашими услугами.

— У вас там неприятности? — спросил Скараманга со скучающим видом.

— Слишком много тростниковых пожаров.

— Так вот чем вы занимаетесь.

— В некотором роде. Среди прочего моя компания занимается проверкой страховых претензий.

— Понятно, подстраховка на всякий случай. Ребят вроде вас встречать приходилось. Вот почему принял сначала за полицейского. — Скараманга был

доволен, что его догадка оказалась почти правильной. — Что-нибудь уже вынюхали?

— Задержали несколько «растафари». Очень бы хотелось избавиться от многих из них. Но они пожаловались в свой профсоюз, их, видите ли, дискриминируют, относятся к ним предвзято по религиозным соображениям, — пришлось временно приостановить кампанию. Так что пожары скоро начнутся снова. Вот почему я говорю, что ничего не имел бы против хорошего подкрепления в лице такого профессионала. — Бонд вежливо улыбнулся. — Я так понимаю, что имею дело с настоящим профессионалом.

И опять Скараманга не услышал легкую издевку в его голосе.

— У тебя есть при себе оружие? — спросил он.

— Конечно. Нельзя же гоняться за «растафари» с пустыми руками.

— Что за оружие?

— "Вальтер ППК". 7,65 мм.

— Неплохая пушка. — Скараманга повернулся к стойке. — Эй, холодная кошка. Два пива, если у тебя открыто. — Он опять повернулся к Бонду, холодные глаза его прощупывали собеседника. — Что собираешься делать дальше?

— Не знаю. Надо связаться с Лондоном и выяснить, нет ли у них еще каких-то проблем в этом районе. Но я не спешу. Работаю в основном как «свободный художник», наемник в некотором роде. А что? Есть предложения?

Скараманга сидел молча, из-за стойки вышла Тиффи. Подойдя к столу, она поставила перед Бондом жестяной поднос с бутылками и стаканами. На Скарамангу даже не взглянула. Скараманга засмеялся, смех его был похож на резкий лай. Он полез во внутренний карман пиджака и вытащил бумажник из крокодиловой кожи. Вынул столонларовую банкноту и бросил ее на стол.

— Не злись, холодная кошка. И с тобой было бы все в порядке, если бы не всегда держала ноги вместе. Вот, купи себе птиц на это. Люблю, когда люди вокруг меня улыбаются.

Тиффи взяла банкноту.

— Спасибо, господин, — сказала она. — Как бы вы удивились, узнав, на что я собираюсь потратить ваши деньги. — Она посмотрела на него долгим тяжелым взглядом и, повернувшись на каблуках, удалилась.

Скараманга пожал плечами. Он протянул руку и взял бутылку и стакан, оба мужчины налили себе пива и выпили. Скараманга вытащил дорогой портсигар, выбрал тонкую манильскую сигару и прикурил от спички. Выпустил дым изо рта и втянул тонкую струйку дыма носом. Прodelал это несколько раз, набирал полный рот дыма, выдыхал, ждал, пока дым рассеется. И все это время он не спускал глаз с Бонда, сидящего напротив за столом, казалось, он мысленно что-то взвешивал.

— Хочешь заработать тыщонку, тысячу долларов?

— Может, и хочу, — ответил Бонд. — Наверное хочу, — помолчав добавил он. А про себя подумал: «Еще бы! Ведь это значит, что я буду рядом с тобой, мой друг».

Некоторое время Скараманга курил молча. На улице остановилась какая-то машина, и двое мужчин, смеясь, быстро поднялись по ступенькам. Когда эти двое, ямайские рабочие, миновали занавеску из бусин — смеяться перестали, тихо подошли к стойке и пошептались с Тиффи. Потом оба они бросили по фунтовой бумажке настойку и, далеко обходя белых людей, исчезли за занавеской в конце комнаты. Там опять засмеялись. Бонд услышал их шаги на лестнице.

Скараманга все еще в упор разглядывал Бонда.

— Есть одна проблема, — сказал он наконец, понизив голос. — Некоторые из моих партнеров вложили немалые средства в тот проект, что осуществляется в Негриле. Это довольно далеко. Местечко называется Блади-бей, хороший кусок земли. Слышал?

— Видел на карте. Это недалеко от пирса на Грин-Айленде.

— Правильно. Так вот, у меня кое-какие акции в этом деле. Мы начали строить гостиницу «Сандерберд», уже закончили первые два этажа и основные жилые помещения, и ресторан, и прочее. А потом туристский бум пошел на спад. Американцы напуганы близостью к Кубе и прочей ерундой. С банком стало трудно иметь дело, денег стало не хватать. Понимаешь, о чем я?

— Оказались на мели?

— Правильно. Поэтому я хочу открыть гостиницу на несколько дней, мне надо принять в ней с полдюжины партнеров, других основных держателей акций, они прилетят сюда, чтобы все обсудить на месте. Чтобы все увидеть своими глазами. Потом решим, что делать дальше. Так вот, я хочу, чтобы эти парни хорошо провели время, приглашаю из Кингстона хороший джазовый оркестр, исполнителей калипсо, танцоров, много девочек — в общем, дело понятное. Потом — купание и одна из достопримечательностей этого места — узкоколейная железная дорога, по ней когда-то перевозили сахарный тростник. Дорога доходит до пирса на Грин-Айленде, где у меня стоит большой моторный катер. Подводная рыбная ловля. Еще один пикник. Ну, словом, пусть веселятся вовсю.

— Понятно. Надо, чтобы они были в восторге от этого места, чтобы приобрели акции компании.

Скараманга сердито нахмурился.

— Я плачу тебе тысячу долларов не за то, чтобы ты умничал. Сообразительных и шустрых мне не надо.

— За что же тогда платите?

Минуту-другую Скараманга молча покуривал, струйки дыма исчезали, втянутые его ноздрями. Казалось, это действовало на него успокаивающе. Хмурится он перестал.

— Некоторые из этих парней, — сказал он, — скажем так, не очень воспитаны, крутые ребята. Мы, конечно, все держатели акций одной компании, но это не означает, что мы закадычные друзья. Ясно? Мне надо будет провести Две-три встречи, конфиденциально, с некоторыми из них, ну, чтобы определить круг взаимных интересов. Словом, кому-то из тех, кто не будет приглашен на такую встречу, может прийти в голову попытаться подслушать, о чем, собственно, идет речь, или еще как-то разузнать, что там происходит. Вот я и подумал, что человек, знакомый с мерами по обеспечению безопасности и тому подобное, мог бы помочь с организацией охраны на этих встречах, проверить, нет ли микрофонов в помещении, постоять за дверью, понаблюдать кое за кем, проследить за тем, чтобы мне никто не мешал, когда надо. Ясна картина?

Бонду пришлось рассмеяться.

— Значит, меня нанимают в качестве личного телохранителя, — спросил он. — Так?

Скараманга опять нахмурился.

— Ну и что в этом смешного, господинчик? Деньги-то неплохие, или нет? Три-четыре дня провести в таком роскошном месте, как «Сандерберд». Да еще штука в придачу. Что же странного в этом предложении, а?

Скараманга раздавил окурочек о край стола. Посыпались искры. Он не обратил на это внимания.

Бонд почесал затылок, как бы раздумывая. Он и на самом деле размышлял, хотя не мог себе этого позволить. Он понимал, что Скараманга кое-что не договаривает. Он также понимал, что ситуация по меньшей мере странная — зачем это вдруг нанимать на работу совершенно незнакомого человека. В самой работе, конечно, ничего странного не было. Логично, что Скараманга не хочет нанимать кого-нибудь из местных, например бывшего полицейского, которого, кстати, надо еще найти. Ведь такой человек мог иметь друзей в гостиничном бизнесе, а те, в свою

очередь, могли быть вовлечены в спекулятивные махинации вокруг проекта в Негриле. Ему, безусловно, повезло — приняв это предложение, он вдруг окажется одним из помощников Скараманги, он окажется в его охране — об этом и мечтать было нельзя. Но так ли все легко и просто! А если это ловушка? Но даже если ему так не повезло и он засветился, хоть убей, не мог понять, что за смысл в ловушке. Пожалуй, нужно рискнуть. Такой шанс — один из миллиона — упускать было нельзя.

Бонд закурил.

— Я засмеялся, — сказал он, — потому что смешной показалась сама мысль о том, что человек ваших способностей нуждается в защите. Но вообще предложение интересное. Я согласен. Когда мы отправляемся? Машину я оставил в конце улицы.

Скараманга отбросил руку тыльной стороной и взглянул на тонкие золотые часы на двухцветном золотом браслете.

— 6:32, — сказал он. — Моя машина на улице. — Он встал. — Пошли. Но запомни одну вещь, господинчик, как тебя там? Меня легко рассердить. Понятно?

— Помню, помню, как осерчали вы на тех бедных пташек, — произнес Бонд поспешно. Он поднялся. — Не вижу причины, из-за которой нам нужно ссориться.

— Тогда все, — бросил Скараманга небрежно. Он прошел в конец комнаты, подхватил свой чемоданчик, новый на вид, но дешевый, направился к выходу и, раздвинув занавеску, спустился по ступенькам.

Бонд быстро подошел к стойке.

— До свидания, Тиффи. Надеюсь, мы еще увидимся. Если меня будут спрашивать, скажи, что я в гостинице «Сандерберд» в Блади-бей.

Тиффи протянула руку и застенчиво коснулась рукава Бонда.

— Поосторожней там, господин Марк. Там все куплено гангстерами. Будьте начеку. — Она кивнула головой в сторону выхода. — Хуже этого человека, опаснее я не встречала.

Тиффи наклонилась к Бонду.

— В чемодане у него марихуана — на тысячи фунтов, — прошептала она, — какой-то «растафари» оставил ее для него сегодня утром. Я и понюхала, чем это пахнет чемоданчик. — Она отпрянула назад.

— Спасибо, Тиффи, — сказал Бонд. — Проследи, чтоб мать Эдна хорошенько его заколдовала. Когда-нибудь я тебе скажу зачем. Надеюсь, что скажу. Ну пока! — Он быстро вышел и заспешил по улице к тому месту, где стояла красная машина с открывающимся верхом, двигатель работал ровно и мощно, как дорогой подвесной мотор на катере. Шофер был местным, хорошо одет, в форменной фуражке. На красном вымпеле, прикрепленном к радиоантенне, было золотом оттиснуто "Отель «Сандерберд». Скараманга сидел рядом с шофером.

— Садись назад, — нетерпеливо сказал он, — мы подвезем до машины. Потом следуй за нами. Через некоторое время выедем на хорошую дорогу.

Джеймс Бонд сел в машину позади Скараманги и подумал, не застрелить ли его сейчас выстрелом в затылок — излюбленная метода гестапо и КГБ. Но целый ряд соображений не дал ему этого сделать — любопытство, предубеждение к хладнокровному убийству, чувство, что решающий момент еще не настал, мысль о том, что тогда придется прикончить и шофера, — в общем; вся эта ерунда, да еще тихий теплый ветер и музыка, доносящаяся откуда-то издалека, — одна из самых любимых его мелодий — «После того, как ты ушла». Цикады стрекотали на гваяковых деревьях — все говорило: не убивай. Но в тот момент, когда машина плавно неслась по Лав-лейн к переливающемуся ртутью морю, Джеймс Бонд прекрасно осознавал, что он не только не выполнил приказ, или, по крайней мере, уклонился от его выполнения, но просто вел себя как последний дурак.

7. Движимое недвижимое

Когда человек приезжает куда-нибудь глухой темной ночью, особенно если дело происходит в незнакомой местности, где он раньше никогда не бывал, если он оказывается вдруг в чужом доме или в неизвестной ему гостинице, — даже самый бодрый, самый беззаботный испытывает смешанные чувства самого несчастного туриста.

Джеймс Бонд более или менее изучил карту Ямайки. Он знал, что море было неподалеку, слева от него, и, когда, следуя за двумя красными огнями идущей впереди машины, въехал в массивные железные ворота и проследовал дальше вдоль аллеи молодых королевских пальм, услышал, как волны набегали на пляж. Плантации сахарного тростника, как он догадывался, совсем близко подходили к новой высокой стене, огораживающей территорию гостиницы «Сандерберд»; в воздухе чувствовался слабый запах мангровых зарослей, доносящийся со стороны высоких гор, очертания которых он случайно заметил при свете стремительно скользившей по небу справа от него луны. Но точного своего местонахождения определить он не мог — где он, куда приехал? Ощущение в целом было не из приятных.

Первейшая обязанность тайного агента — определиться на местности, узнать все подходы и выходы, обеспечить связь с внешним миром. Джеймсу Бонду было неприятно сознавать, что в течение последнего часа он ехал неизвестно куда и что его последний контакт был с девушкой из борделя, находившегося в тридцати милях отсюда. Ситуация не внушала оптимизма.

Впереди, на расстоянии полумили, кто-то, должно, быть, заметил приближающиеся огни первой машины и включил рубильник, так как вдруг между деревьями появился яркий желтый свет и за последним поворотом открылся вид на гостиницу. Подсвеченное, как в театре, на фоне окружающей темноты, которая скрывала вид приостановленных строительных работ, здание выглядело очень красочно. Большая галерея с бледными розовато-белыми колоннами придавала фасаду гостиницы аристократический вид, и, когда Бонд вслед за машиной Скараманги подъехал к парадному входу, сквозь высокие английского ампира окна он увидел анфиладу помещений с полами из черно-белого мрамора под ярко горящими люстрами. Привратник и его команда из местного населения, одетые в красные куртки и черные брюки, поспешили вниз по лестнице и — после того как с большим почтением поприветствовали Скарамангу — подхватили его чемоданы, а заодно и багаж Бонда. Затем вся кавалькада двинулась к вестибюлю. Там в книге регистрации Бонд написал свое имя — Марк Хэзард и адрес — «Трансуолд консорциум» в Кингстоне.

Скараманга разговаривал с человеком, который, как оказалось, был администратор, молодой американец с правильными чертами лица и в аккуратном костюме.

— Ты в номере 24 в западном крыле, — сказал он Бонду. — А я совсем рядом, в номере 20. Заказывай в номер все, что хочешь. Встретимся часов в 10 утра. Парни подъедут из Кингстона около полудня. О'кей?

Холодные глаза на мрачном лице выражали полное безразличие к реакции Бонда. Бонд, однако, подтвердил, что все о'кей. Он последовал за одним из коридорных, несшим его чемодан по скользкому мраморному полу; они оказались в длинном белом коридоре, покрытом от стены до стены ярко-синим шерстяным уилтонским ковром. Пахло свежей краской и ямайским кедром. Двери с номерами на них, освещение — все свидетельствовало о хорошем вкусе. Номер Бонда был почти в конце коридора, с левой стороны. Номер 20 — напротив. Коридорный открыл ключом дверь под номером 24 и придержал ее, пропуская Бонда. В лицо ударил кондиционированный воздух. Комната была приятная, современная, рассчитана на

двоих; ванная комната выдержана в серо-белых тонах. Оставшись один. Бонд подошел к кондиционеру и выключил его. Потом отдернул шторы и открыл два широких окна; впустил в помещение воздух с улицы. За окном что-то тихо нашептывало море, набегая на песок невидимого пляжа; пальмы под лунным светом отбрасывали на ухоженные газоны черные тени. Слева, оттуда, где желтый фонарь у входа освещал угол покрытого гравием поворота, до Бонда донесся шум двигателя его машины, которую отгоняли в сторону, может, на стоянку, находившуюся, как он догадывался, где-то в глубине двора; там машина не будет портить впечатления, производимого фасадом. Он отошел от окна и тщательно осмотрел номер. Единственными подозрительными предметами были большая картина, висевшая на стене над двумя кроватями, и телефон. На картине местный художник изобразил сценку на ямайском рынке. Бонд приподнял картину, но стена за ней выглядела совершенно безобидно. Затем он вытащил перочинный нож, аккуратно, так, чтобы не сдвинулась трубка, перевернул телефон, положил его на кровать и очень осторожно, не спеша отвернул нижнюю крышку. Удовлетворенно улыбнулся. Под крышкой был маленький микрофон, прикрепленный внутри коробки к основному проводу. Он привинтил крышку на место, действуя так же осторожно, и поставил телефон на ночной столик, туда, где он стоял до этого. Он был знаком с подслушивающими устройствами этого типа — на транзисторах: дает возможность слышать каждое слово, произнесенное в номере обычным голосом. Ему пришло в голову, что надо помолиться вслух перед тем, как ложиться спать. Это будет подходящий пролог, на центральном пульте оценят хорошую шутку!

Бонд достал из чемодана свои немногочисленные пожитки и позвонил вниз. Ответил голос, явно принадлежащий местному жителю. Бонд заказал бутылку бурбона — «Уолкер де люкс», три стакана, лед; попросил, чтобы в девять принесли яйца «Бенедикт». «Будет исполнено, сэр», — ответил голос. Бонд разделся, положил пистолет и кобуру под подушку, позвонил, чтобы прислали кого-нибудь забрать его костюм в глажку. К тому времени, когда он принял сначала горячий, а потом ледяной душ, надел свежее хлопчатобумажное нижнее белье, принесли бурбон.

Лучшая рюмка — это та, которую пьешь первой (пиво «Ред страйп» в расчет не принималось). Джеймс Бонд положил в стакан лед и налил на три пальца бурбона, поболтал жидкость в стакане, чтобы охладилась, чтобы начал таять лед. Он подвинул стул к окну, поставил рядом низенький столик, достал из чемодана «Мужественные профили» Джека Кеннеди, наугад открыл на главе об Эдмунде Дж. Россе («Я заглянул в свою раскрытую могилу») и сел; ароматный воздух, смесь запахов моря и тропических деревьев, овеивал его обнаженное по пояс тело. Он выпил бурбон двумя большими глотками, почувствовал его приятное тепло во рту и животе. Налил еще, на этот раз положил больше льда, чтоб сделать напиток послабее, снова сел и стал думать о Скараманге.

Что сейчас делал этот человек? Разговаривал по междугородному телефону с Гаваной или. Штатами? Все организовывал для завтрашнего дня? Интересно будет взглянуть на этих жирных, напуганных акционеров. Он не сомневался — уж в этом толк знает, — что это будет компания отъявленных головорезов, вроде тех, что в старые времена, еще при Батисте, владели в Гаване гостиницами и казино, вроде держателей акционерных капиталов Лас-Вегаса, людей, контролирующих бизнес в Майами. А чьи деньги представляет Скараманга? По странам Карибского бассейна ходило так много «грязных» денег, что это мог быть любой из синдикатов, любой из банановых диктаторов и с островов, и с материка. И сам он? То, как он застрелил двух пташек, вылетающих в окно, там, в 3 1/2, впечатляло. Каким образом он собирается шлепнуть его? Поддавшись порыву, Бонд подошел к кровати и вытащил из-под подушки свой «Вальтер». Разрядил его, обойму и патрон из ствола бросил на одеяло. Проверил пружину пистолетной обоймы и казенную часть, потом стал резко

выбрасывать, руку с пистолетом, наводя его на разные предметы в комнате. Он обнаружил, что целится на дюйм, или около того, выше. Но это оттого, что обойма вынута — пистолет легче. Он вставил обойму назад и снова прицелился несколько раз — навскидку. Да, теперь лучше. Загнал пулю в ствол, поставил на предохранитель и вновь убрал пистолет под подушку. Опять взялся за стакан, потом за книгу и позабыл о всех своих волнениях — так поглощали описания деяний великих людей.

Принесли заказанные им яйца, они были хорошо приготовлены. Было такое впечатление, что соус со взбитыми сливками прямо из знаменитого ресторана «Максим». Когда убрали поднос. Бонд налил себе последний стакан и приготовился лечь спать. У Скараманги наверняка был дубликат ключа. Завтра Бонд вставит в замок какой-нибудь клинышек, чтоб сразу дверь открыть не могли. А сегодня он поставил свой чемодан на попа прямо у двери, а сверху на него — еще три стакана. Прием примитивный, но безотказный, шум мудрено не услышать. Он юркнул в постель и заснул.

Проснулся, весь в поту, около двух часов ночи — кошмар приснился. Будто он защищает какой-то форт. С ним были и другие защитники цитадели, но, казалось, они бесцельно ходили вокруг, только мешая, а когда Бонд кричал, пытаясь организовать их, вроде бы его даже и не слышали. Неподалеку от форта, на открытом месте, сидел Скараманга, верхом на стуле из кафе, рядом с ним стояла огромная золоченая пушка. Время от времени он прикладывал свою сигару к фитилю, и из пушки беззвучно вылетало страшное пламя. Черное пушечное ядро, похожее на футбольный мяч, тяжело взлетело в воздух и падало на форт, с грохотом разрушая деревянные перекрытия. У Бонда не было никакого оружия, кроме большого лука, но и из него он не мог стрелять, потому что каждый раз, когда пытался вставить стрелу и натянуть тетиву, стрела выпадала из рук. Он проклинал свою неловкость. В любой момент огромное пушечное ядро может опуститься на крошечную, открытую всем ветрам площадку, где он стоял! А Скараманга подносит сигару к пушечному стволу. Черный шар взмывает вверх. Он падает прямо на Бонда! Вот уже упал перед ним, медленно катится, становясь больше и больше, запал почти догорел, дымит и сыплет искрами. Бонд поднял руки, защищаясь. Он больно ударился рукой о край ночного столика и проснулся.

Встал с постели, принял холодный душ, выпил стакан воды. Когда опять лег, уже забыл свой страшный сон, быстро уснул и проспал без сновидений до 7:30 утра. Он надел плавки, убрал баррикаду от двери и вышел в коридор. Слева увидел открытую в сад дверь, через нее в коридор вливалось солнце. Он вышел в сад и пошел по росистой траве к пляжу. И в этот момент услышал странные звуки, глухие удары, шедшие справа от группы пальм. Он подошел ближе. Это был Скараманга, в одних спортивных трусах он делал упражнения на батуте, ему прислуживал симпатичный негритенок, который держал в руках цветной махровый халат. Тело Скараманги блестело от пота под лучами солнца, он прыгал высоко, подбрасывая упругое тело вверх и вновь опускаясь на пружинящую поверхность — иногда на колени, потом на ягодицы и даже на голову. Зрелище впечатляющее. Был ясно виден третий сосок под сердцем — прекрасная цель! Бонд в задумчивости пошел к красивому, в форме полумесяца, песчаному пляжу, окруженному пальмами. Он нырнул в воду и, беря пример со Скараманги, проплыл в два раза дальше, чем собирался.

Бонд быстро съел легкий завтрак у себя в номере, оделся неохотно, так как было жарко, в свой темно-синий костюм, не забыл прихватить и пистолет и отправился погулять по территории. Он быстро понял, что к чему. Ночь и освещенный фасад скрыли законченное лишь наполовину здание. К внутренней отделке восточного крыла с другой стороны вестибюля вообще еще не приступали. Основная часть гостиницы — ресторан, ночной клуб и жилые помещения, которые составляли

как бы хвост Т-образного здания, — являлась лишь макетом в натуральную величину, сценой для генеральной репетиции, наспех смонтированной из подпорок, ковров, осветительных приборов и кое-какой беспорядочно раскиданной мебели, все пахло свежей краской и древесной стружкой. Наверное, человек пятьдесят мужчин и женщин были заняты работой: вешали шторы, пылесосили ковры, проводили электропроводку, но никто не суетился на основном участке — у больших бетономешалок, у буров, у металлических конструкций, которые валялись позади гостиницы, как брошенные великаном игрушки. Даже по грубым подсчетам здесь еще на год работы, придется вложить несколько миллионов фунтов, чтобы гостиница была завершена согласно проекту. Бонд понял, чем озабочен Скараманга. Одни сейчас станут плакаться и жаловаться. Другие захотят выйти из дела. Найдутся и такие, что захотят скупить акции, но по низким ценам, чтобы потом списать эту сумму при уплате налогов, взимаемых с более выгодных предприятий, расположенных в другом месте. Лучше иметь основной капитал там, где, как на Ямайке, налоги не столь высоки, нежели платить деньги Дяде Сэму, Дяде Фиделю, Дяде Леони из Венесуэллы. Таким образом, задача Скараманги состоит в том, чтобы заморочить гостям голову, пусть развлекаются вовсю, пусть поедут назад в свои синдикаты полупьяные и довольные. Удастся ли ему это? Бонд знал этих людей и сомневался в успехе Скараманги. Они могли переспать с местными цветными красотками, будучи при этом абсолютно пьяными, но просыпались совершенно трезвыми. Иначе бы их не держали там, где они работали, и не приезжали бы они сюда со своими скромными черными чемоданчиками.

Бонд прошел дальше в конец участка. Он хотел найти свою машину. Она стояла на пустынной стоянке позади западного крыла. Стояла под палящим солнцем, поэтому он переставил ее в тень большого фикусового дерева. Проверил, есть ли бензин, и положил ключ зажигания в карман. Не так уж много мер предосторожности мог он сейчас предпринять.

На стоянке очень чувствовался запах близлежащих болот. Пока было относительно прохладно. Бонд решил пройти еще дальше. Скоро он добрался до конца зарослей молодого кустарника и гвинейского проса, посаженного специально, чтобы, по замыслу проектировщиков, украсить ландшафт. Дальше шла пустошь — большая территория, покрытая полужаросшими заводами и протоками. Точно на такой земле строился весь гостиничный комплекс, пришлось засыпать всю эту болотистую чешую. Взлетали и снова лениво садились на болото белые цапли, сорокопуты и луизианские цапли, слышались шумы и шорохи каких-то странных насекомых, квакали лягушки, шипели гекконы. Там, где, возможно, была граница участка, протекал довольно большой ручей, извиваясь, он бежал к морю, его илистые берега были испещрены норками земляных крабов и водяных крыс. Когда Бонд подошел ближе, услышал тяжелый всплеск воды — небольшой крокодил, размером в человеческий рост, шлепнулся с берега в воду и, прежде чем нырнул, выставил на поверхность огромную морду. Бонд улыбнулся про себя. Как только гостиница станет на ноги, вся эта заброшенная территория, вне всякий сомнений, станет доходным местом. Здесь появятся местные лодочники, наряженные под индейцев-араваков, здесь построят пристань, здесь будут курсировать комфортабельные лодки с тентами, отделанными бахромой, и гости смогут любоваться «тропическими джунглями» — и всего лишь за 10 долларов, в счет все включают.

Бонд посмотрел на часы и пошел назад. Слева, пока еще не скрытые молодыми олеандрами и кротонами, которые были высажены с целью загородить их, виднелись помещения кухонь и прачечных, жилых помещений для обсаживающего персонала, словом, все те подсобные строения, которые обычно располагаются позади гостиниц; оттуда раздавалась музыка, ритмичные звуки ямайского калипсо — возможно, это репетировал джаз-оркестр из Кингстона. Бонд сделал круг, нырнул под галерею и

оказался в вестибюле. Скараманга находился у стойки и разговаривал с администратором. Услышав шаги Бонда по мраморному полу, он повернулся, небрежно посмотрел на него и еле заметно кивнул. Он был одет так же, как и накануне, широкий белый шарф, подпиравший подбородок, очень гармонировал с элегантной обстановкой вестибюля гостиницы.

— Ну что ж, хорошо — сказал он администратору. — Пойдем взглянем на зал заседаний, — тут же обратился он к Бонду.

Бонд пошел за ним следом через ресторанную дверь, потом они миновали еще одну, находившуюся справа, и оказались в зале, одна из стен которого была занята буфетной стойкой со стаканами и тарелками. Дальше была еще одна дверь. Скараманга прошел в помещение, которое когда-нибудь станет залом для игр или большим кабинетом. Сейчас здесь не было ничего, кроме круглого стола в центре, темно-красного ковра и семи кресел, обтянутых белой искусственной кожей, на столе лежали блокноты и карандаши. Перед креслом, обращенным к двери, скорее всего это было кресло Скараманги, стоял белый телефон.

Бонд обошел комнату, осмотрел окна и шторы, взглянул на настенные бра.

— Очень удобны для установления подслушивающих устройств, — сказал он. — И конечно телефон. Хотите, чтобы я проверил?

Скараманга посмотрел на Бонда с холодным безразличием.

— Не надо, — сказал он. — Там есть подслушивающие устройства. Я их установил. Нужно иметь запись всего того, что будет говориться.

— Тогда ладно, — сказал Бонд, — где я должен находиться?

— За дверью. Сидеть и читать журнал или еще что. Сегодня во второй половине дня около четырех будет общая встреча. Завтра, возможно, пройдут одна-две небольшие беседы, наверное — я и кто-нибудь из этих парней. И я не хочу, чтоб что-то или кто-то помешали нам. Понятно?

— Кажется, все просто. А теперь, не пора ли назвать мне имена тех людей, сказать, хотя бы приблизительно, кого они представляют, и указать тех, от которых ждать неприятностей.

— Возьми стул, бумагу и карандаш, — произнес Скараманга и заходил взад-вперед по комнате. — Во-первых, господин Хендрикс, голландец. Представляет европейские деньги, в основном швейцарские. На него не обращай внимания, он не из спорщиков. Затем Сэм Биньон из Детройта.

— "Кардиналы"? Их человек?

Скараманга перестал прохаживаться и тяжело взглянул на Бонда.

— Это все уважаемые люди, господинчик, как тебя там.

— Хэзард, меня зовут Хэзард.

— Ну, хорошо, пусть будет Хэзард. Так вот, это уважаемые люди, тебе понятно? Только не думай, что они только что спустились с гор. Это все солидные бизнесмены. Уяснил? Например, этот Сэм Биньон. Он занимается недвижимым имуществом. Вкупе со своими компаньонами стоит, наверное, миллионов 20 в долларах. Понимаешь, что я имею в виду? Затем Лерой Дженджерелла из Майами, владелец компании «Дженджерелла энтерпрайзис». Большая шишка в индустрии развлечений. С ним придется нелегко. Парни в его бизнесе любят легкие деньги и стремительные операции. Дальше — Руби Роткопф, гостиничный бизнес, Лас-Вегас. Он станет задавать сложные вопросы, потому что Уже знает по собственному опыту большую часть ответов на эти вопросы. Хал Гарфинкел из Чикаго. Он, вроде меня, занимается трудовыми отношениями. Представляет все основные фонды профсоюза водителей грузового транспорта. С ним не должно быть никаких неприятностей. У этих профсоюзов так много денег, что они не знают, куда их вкладывать. Ну вот, уже пять человек. И последний — Луи Пэрадайз из Финикса, штат Аризона. Владелец игровых автоматов «Парадиз». Большие люди вкладывают денежки в «одноруких

бандитов». Кроме того, имеет свою долю с казино. Не знаю, как он себя поведет. Вот и все.

— А кого представляет господин Скараманга?

— Карибские деньги.

— Кубинские?

— Я сказал карибские. Ведь Куба находится в этом регионе, разве не так?

— Кастро или Батиста?

Скараманга опять нахмурился. Его правая рука сжалась в кулак.

— Я же сказал, лучше меня не сердить, господинчик. Так что не лезь не в свои дела, тебе же будет хуже. Уж это точно! — И Скараманга, повернувшись на каблуках, быстро вышел из комнаты, делая вид, что с трудом сдерживает себя.

Джеймс Бонд улыбнулся. Он вернулся к списку, лежавшему на столе. От бумаги за версту разило мафией. Ну и списочек! Однако больше всего его интересовало имя г-на Хендрикса, который представлял «европейские деньги». Если он здесь под своим именем и если точно — голландец, тогда Бонд безошибочно вычислит его.

Он вырвал три странички из блокнота, на которых оставались следы от его карандаша, вышел из комнаты и вернулся в вестибюль. В этот момент от входа к регистрационной стойке направился высокий полный мужчина. С него пот лил градом, так как не по сезону оделся в костюм, похоже шерстяной. Он мог быть кем угодно — продавцом бриллиантов из Антверпена, немецким зубным врачом, швейцарским банковским управляющим. Бледное, с квадратной челюстью лицо ничем не выдавало профессию этого человека. Он поставил на стойку тяжелый чемоданчик и произнес с сильным центральноевропейским акцентом:

— Я — Хендрикс. Надеюсь, у вас найдется для меня номер, правда?

8. Передайте бутерброды

Машины начали съезжаться. Их встречал Скараманга. Он то улыбался, приветствуя прибывшего, то гасил улыбку. Не было никаких рукопожатий. Хозяина приветствовали, называя его либо Пистолетиком, либо господином С.

Лишь господин Хендрикс вообще никак его не называл.

Бонд стоял недалеко от регистрационной стойки, так что мог слышать все, что там говорилось, и старался запомнить, кого как зовут. Внешне эти люди мало чем отличались друг от друга. Смуглые, чисто выбритые, около 5 футов 6 дюймов ростом, с холодными глазами, рты слегка растянуты в улыбке, на вопросы администратора все отвечали очень кратко. Ни один не выпустил из рук свой черный чемоданчик, когда коридорные пытались поместить их вместе с другим багажом на тележки. Они разошлись по своим номерам, расположенным в западном крыле. Бонд вытащил свой список и рядом с каждой фамилией записал приметы, исключение сделал только для Хендрикса, который и так врезался ему в память. Дженджерелла стал «итальянцем с отвратительной рожей, поджатыми губами». Роткопф — «толстая шея, совершенно лысый, еврей»; Биньон — «уши как у летучей мыши, шрам на левой щеке, хромает»; Гарфинкел — «самый крутой, плохие зубы, пистолет справа под мышкой»; и, наконец, Пэрадайз — «представительный, нахальный, фальшивая улыбка, кольцо с бриллиантом».

Подошел Скараманга.

— Что это ты здесь пишешь?

— Заметки для себя, чтоб лучше их запомнить.

— Дай-ка посмотреть. — Скараманга требовательно протянул руку. Бонд дал ему список.

Скараманга пробежал глазами и вернул.

— В общем все правильно. Но не стоило упоминать единственный пистолет,

который ты заметил. Они все на стреме. За исключением Хендрикса, наверное. Эти парни здорово нервничают, когда ездят за границу.

— Что так?

Скараманга пожал плечами.

— Может, боятся местных.

— Раньше местного населения боялись только английские солдаты, но было это, кажется, лет сто пятьдесят назад.

— А, наплевать. Увидимся в баре около двенадцати. Я представлю тебя как своего личного помощника.

— Прекрасно.

Скараманга нахмурился. Бонд удалился в направлении своего номера. Он решил поддразнивать этого человека, поддразнивать его до тех пор, пока дело не дойдет до драки. Некоторое время Скараманга, возможно, будет терпеть, потому что, как кажется, Бонд ему нужен. Но потом наступит момент, может, и при свидетелях, когда его тщеславие будет так сильно задето, что он нанесет ответный удар. Тогда у Бонда будет незначительное преимущество, ибо именно он бросит первым перчатку. Тактика грубая, но ничего другого Бонд придумать не мог.

Бонд убедился в том, что утром его номер обыскали и сделал это специалист своего дела. Бонд всегда пользовался безопасной бритвой «Хоффриц», скопированной со старомодного «Жиллетта». Его американский друг Феликс Лейтер однажды купил ему такую бритву в Нью-Йорке, чтобы доказать ее высокое качество, и с тех пор Бонд пользовался только такой. Ручка безопасной бритвы давно считается хитрым тайником для хранения мелких предметов, необходимых в деле шпионажа, — кодов, проявителей для микроплёнок, цианида и других таблеток. В то утро Бонд оставил крошечную щелочку на том месте, где прикручивалась ручка, на уровне буквы "Z" по имени производителя. Щель была на миллиметр вправо от "Z". Все другие установленные им ловушки — носовые платки с несмываемыми пятнами в определенных местах, образованный определенным образом угол между чемоданом и стенкой гардероба, торчащая из грудного кармана его запасного пиджака подкладка, расположенные в определенной симметрии вмятины на тюбике зубной пасты «Маклинз», — все осталось в том же состоянии. Это мог, конечно, сделать кто-то из обслуживающего персонала. Но ямайские слуги, несмотря на их обаяние и готовность услужить, до такого уровня подняться не могли. Между девятью и десятью утра, когда Бонд прогуливался и был достаточно далеко от гостиницы, в его комнате находился кто-то, хорошо знающий свое дело.

Бонд был доволен. Приятно сознавать, что он вступает в борьбу — суровую, настоящую. Если бы у него появилась возможность проникнуть в номер 20, он сработал бы так же аккуратно, даже лучше. Он принял душ. Причесываясь перед зеркалом, внимательно изучал себя. Чувствовал, что находится в форме, на все 100 процентов, хотя помнил те тусклые, без всякого блеска глаза, которые глядели на него из зеркала, когда он брился сразу после поступления в госпиталь, тогда выражение лица было напряженным, озабоченным. Теперь на него смотрели серо-голубые глаза на загоревшем лице, в глазах, как в добрые старые времена, — блеск и выражение сдерживаемого возбуждения. Он подумал сам себе, немного иронически, гонки начинались, теперь посмотрим, кто кого, проверим себя на дистанции. Отступать было некуда. Только вперед.

В бар вела дверь, обитая кожей и укрепленная латунными гвоздями, бар находился напротив холла перед залом заседаний. Помещение представляло собой — как это было модно — некое подобие английского пивного бара с роскошными аксессуарами. На низеньких деревянных стульях и скамьях лежали толстые, набитые пенорезиной красные кожаные подушки. За баром стояли высокие пивные сосуды из серебра или под серебро, они заменяли обыкновенные оловянные кружки. Гравюры

на охотничьи темы, медные и латунные охотничьи роли, мушкеты и пороховницы, развешанные по стенам, вполне могли быть привезены сюда из какой-нибудь лондонской галереи. Вместо кружек пива на столах стояли бутылки шампанского в старинных ведерках со льдом, а местных жителей сменили некие громилы, одетые соответственно, они словно сошли с «тропических» витрин модных магазинов. Болтались вокруг и потягивали свои напитки. Сам хозяин стоял, облокотившись на полированную, красного дерева, стойку бара и без конца вертел на указательном пальце правой руки свой золотой пистолетик, он был похож на карточного шулера из старых вестернов.

Когда за Бондом с шипеньем закрылась герметическая дверь, пистолетик остановился на очередном витке и нацелился прямо в живот Бонда.

— Эй, парни, — сказал Скараманга нарочито громко, — познакомьтесь с моим личным помощником, господином Марком Хэзардом из Лондона, Англия. Он приехал, чтобы обеспечить в эти дни всем нам полный покой. Марк, познакомьтесь с ребятами и передай по кругу бутерброды. — Он опустил пистолет и сунул его за пояс брюк.

Джеймс Бонд изобразил подобающую личному помощнику улыбку и подошел к бару. Может, из-за того, что он был англичанином, они все пожали ему руку. Бармен в красной куртке спросил его, что он будет пить.

— Немного розового джина. И побольше тоника. Пусть это будет «Бифитерс».

Немного поговорили о достоинствах разных сортов джина. Все остальные, казалось, пили шампанское, за исключением господина Хендрикса, который стоял в стороне от всех и посасывал лимонную водичку. Бонд переходил от одного к другому. Он вел ничего не значащие светские разговоры: спрашивал, как долетели, как погода в Штатах как понравилась Ямайка. Он хотел запомнить, у кого какой голос. Потом, словно магнитом притянутый, пошел к господину Хендриксу.

— Кажется, мы здесь с вами единственные европейцы. Насколько знаю, вы из Голландии. Бывал там проездом. Но недолго. Красивая страна.

Очень бледные голубые глаза посмотрели на Бонда без всякого энтузиазма.

— Спасибо, — сказал он с акцентом.

— Откуда вы родом?

— Из Гааги.

— Долго там жили?

— Много, много лет.

— Красивый город.

— Спасибо.

— А на Ямайке в первый раз?

— Нет.

— Вам здесь нравится?

— Красивое место.

Бонд чуть не сказал «спасибо» с тем же акцентом. Он ободряюще улыбнулся господину Хендриксу:

— Я все время задаю вопросы. Скажите и вы что-нибудь.

Господин Хендрикс посмотрел мимо правого уха Бонда, в никуда. Молчание начинало тяготить. Господин Хендрикс переступил с ноги на ногу и наконец не выдержал, перевел взгляд на Бонда и задумчиво посмотрел него.

— А вы, вы из Лондона, не так ли?

— Да. Вы бывали в Лондоне?

— Да, бывал.

— Где вы обычно останавливаетесь?

Он колебался, прежде чем ответить.

— У друзей.

— Это, должно быть, очень удобно.

— Что вы сказали?

— Я хочу сказать, что приятно иметь друзей в чужом городе. Гостиницы везде одинаковые.

— Не сказал бы. Извините, пожалуйста. — Поклонившись типично по-немецки, господин Хендрикс решительно оставил Бонда и подошел к Скараманге, который все еще находился у бара, где никого не было.

Хендрикс сказал что-то. Словно отдал Скараманге приказ. Скараманга поднялся и пошел за господином Хендриксом в дальний угол помещения. Он стоял и с почтением слушал, господин Хендрикс говорил быстро и тихим голосом.

Бонд, присоединившийся к другим присутствующим, был заинтригован. Он уже догадался, что никто другой из находящихся в этой комнате не мог разговаривать со Скарамангой с таким чувством собственного достоинства. Он заметил, что и другие часто бросали взгляды на эту стоявшую в стороне от всех пару. По мнению Бонда, так мог вести себя либо представитель одной из могущественных «семей» американской мафии, либо резидент КГБ. Другие пятеро наверняка этого не знали, как и он, но думали так же, чувствовали, что дело нечисто, что господин Хендрикс представлял здесь серьезную организацию.

Объявили, что завтрак подан. Старший официант, местный житель, ходил между двумя роскошно-сервированными столами. На столе стояли карточки с именами. Скараманга сидел во главе одного из столов. Бонд должен был сидеть во главе другого, между господином Пэрадайзом и господином Роткопфом. Как он и ожидал, Пэрадайз был лицом более значительным, и пока они поглощали закуску и мясо, бифштексы и фрукты, все, что обычно подают в американизированных гостиницах за рубежом. Бонд вел легковесный разговор о шансах в рулетке, когда подряд ставишь только на «зеро». Роткопф, не переставая жевать мясо и жаренный картофель, заметил проходя, что в казино «Черный кот» в Майами он лично поставил на «зеро» три раза подряд, но толку никакого не было. Господин Пэрадайз сказал, что иначе и быть не могло.

— Надо иногда давать выиграть этим простофилям, Руби, а то они больше не сядут играть. Уверен, что ты можешь выжать из них весь сок, но надо же и оставить им какие-то крохи. Я так и делал со своими игральными автоматами. Я всегда говорил: «Не будьте слишком жадными. Никогда не программируйте автоматы на 30-процентную прибыль. Достаточно и 20 процентов. Даже сам Моргай никогда не отказывался от чистой прибыли в 20 процентов. А почему, черт возьми, мы должны быть умнее».

— Тебе легко говорить, — сказал с кислым выражением лица господин Роткопф, — на тебя железки работают. — Он махнул рукой. — А здесь мы здорово влипли. Я думаю, — он подцепил на вилку кусок мяса, — что, кроме жратвы вроде этой, больше нам здесь ничего не обломится.

Господин Пэрадайз перегнулся через стол.

— Тебе что-нибудь известно? — спросил он шепотом.

— Я всегда говорил, что плакали наши денежки, — продолжал господин Роткопф. — Но никто и слушать не хотел. И посмотрите, где мы оказались через три года? Срок второй закладной уже кончается, а здесь всего лишь один этаж построили. Я имею в виду...

Разговор перешел в специальную сферу, говорили о крупных финансовых операциях, сыпали терминами. За соседним столом больше молчали. Скараманга болтать не любил, вести светские беседы был не расположен. Напротив него сидел господин Хендрикс, того вообще расшевелить было трудно. А три гангстера мрачно произносили время от времени одно-два предложения, обращаясь к любому, кто их слушал. Джеймс Бонд никак не мог взять в толк, каким образом собирается Скараманга развеселить эту компанию, завести их, дать гульнуть.

Завтрак закончился, и все разбрелись по своим номерам. Джеймс Бонд вышел прогуляться, сзади гостиницы он набрел на галечник, вокруг не было ни души. Галька раскалилась, каждый камешек блестел под полуденным солнцем. С моря дул прохладный ветерок. Здесь было лучше, чем в номере с его мрачноватыми грязно-белыми стенами; несмотря на кондиционер, возвращаться туда не хотелось. Бонд пошел вдоль берега, снял пиджак и галстук, потом сел в тени кустарника и стал наблюдать за крабами, которые оставляли на песке похожие на детские каракули следы. Затем он подобрал толстую ветку ямайского кедра и стал выстругивать из нее клинышки. Закончив, закрыл глаза и подумал о Мэри Гуднайт. Она сейчас, наверное, отдыхает на какой-нибудь вилле на окраине Кингстона. Должно быть — где-нибудь в Синих горах, там прохладнее. Бонд представил себе ее лежащей на кровати под москитной сеткой. Жарко — и она совсем раздета, но через сетку виден лишь силуэт цвета слоновой кости и золота. Можно, однако, догадаться, что на верхней губе у нее проступили капельки пота, такие же — в ложбинке на груди, и челка ее золотистых волос чуть влажная. Бонд разделся и приподнял краешек москитной сетки, не желая будить Мэри, пока не прижмется к ее бедрам. Но она повернулась к нему в полусне и протянула руки: «Джеймс...»

На расстоянии 120 миль от того места, где он находился в своих грезах, под кустом, Бонд вдруг пришел в себя. Быстро, с виноватым видом взглянул на часы. 3:30. Он отправился в свой номер, принял холодный душ, осмотрел кедровые клинышки, чтобы убедиться, что они сгодятся при случае, и, пройдя по коридору, вышел в холл.

Администратор с холеным лицом и в опрятном костюме поднялся из-за стола.

— Э-э, господин Хэзард.

— Да.

— Мне кажется, вы еще не знакомы с моим помощником господином Трависом.

— Да, мы не знакомы.

— Не зайдете ли в офис на минутку, я вас представлю.

— Может быть, позже. У нас совещание начинается через несколько минут.

Аккуратный человечек подошел на шаг ближе.

— Но ему очень хочется познакомиться, — сказал он спокойно, — господин, э-э, Бонд.

Бонд выругался. Такое нередко случается в его необычной работе. Ты ищешь в темноте жука с красными крылышками, и глаз настроен именно на это, ведь надо различить жука на коре дерева. И совсем не замечаешь какую-нибудь загадочную мошку, притаившуюся совсем рядом, замаскировавшуюся под цвет коры. А если ты настоящий коллекционер — зоолог, заметил бы, был бы рад такой удаче. Но поле твоего зрения весьма ограничено — ты уже сосредоточился на одном. Различаешь все в масштабе 1:100, а на 1:10 не сфокусирован. Бонд понимающе взглянул на администратора, так смотрят друг на друга авантюристы, гомосексуалисты и тайные агенты. Именно эти категории людей связаны друг с другом некой общей тайной, у них одни и те же проблемы.

— Поторопитесь, у вас не так много времени.

Аккуратный человек вышел из-за стола и открыл дверь. Бонд вошел, и дверь за ним тут же закрыли. У шкафа с выдвижными ящичками стоял высокий худой человек. Он обернулся. Узкое, бронзовое от загара лицо техасца, надо лбом копна непослушных прямых светлых волос, а вместо правой руки блестящий стальной крюк. Бонд остолбенел. Потом лицо его растянулось в широкой улыбке, он давно так не улыбался. Сколько же они не виделись — года четыре?

— Будь я проклят, ну и встреча! Какого черта ты здесь делаешь? — Он подошел к техасцу и ударил его по бицепсам левой руки.

Техасец улыбнулся, при этом вокруг рта образовались складки, их стало больше, как показалось Бонду, но все равно ухмылка была такой же дружеской и ироничной.

Так называемый «господин Травис» представился.

— Меня зовут Лейтер, Феликс Лейтер. Временно работаю здесь бухгалтером, направлен в отель «Сандерберд» компанией «Морган гаранти траст». Мы как раз проверяем вашу кредитную способность, господин Хэзард. Будьте так добры, выражаясь вашим изысканным языком, подайте мне руку и предоставьте какие-либо доказательства того, что вы тот, за кого себя выдаете.

9. Протокол совещания

Джеймс Бонд, у которого голова пошла кругом — еще бы, такая приятная неожиданность, — подхватил со стойки яркие рекламные проспекты бюро путешествий, весело сказал «привет» господину Джэнджерелле, который ему не ответил, и пошел за ним следом в зал заседаний. Они появились там последними. Скараманга, стоя у открытой двери, ведущей в зал, подчеркнуто посмотрел на часы.

— Вот что, приятель, — сказал он, — запри-ка дверь, когда мы усядемся, и никого не пускай сюда, даже если в гостинице начнется пожар. — Он повернулся к бармену, стоящему за буфетной стойкой. — Исчезни. Джо. Я позову тебя позже. — Он обвел присутствующих взглядом. — Все в сборе, можно начинать. — И пошел в зал, шестеро мужчин последовали за ним.

Бонд стоял у двери и обратил внимание на тот порядок, в котором они рассаживались вокруг стола. Он закрыл дверь, запер ее на ключ, потом быстро запер и выход из холла. Взял с буфетной стойки большой бокал и приставил стул к самой двери в зал. Прислонил бокал верхней частью к дверной петле, приложил к донышку левое ухо. При помощи этого самодельного усилителя нечленораздельные звуки чьего-то голоса стали вполне понятной речью господина Хендрикса: «... Именно это я и сообщу своему начальству в Европе...» Последовала пауза, и Бонд услышал другой звук, скрип кресла. Со скоростью молнии он отодвинул свой стул на несколько футов от двери, открыл один из буклетов, лежащих на коленях, и поднес бокал к губам. Дверь резко открылась. Скараманга вертел на цепочке свой ключ-отмычку. Он внимательно посмотрел на сидевшего как ни в чем бывало Бонда.

— О'кей, приятель. Проверка. — И хлопнул дверью.

Бонд, стараясь шуметь, как можно больше, запер ее и опять занял свое место. Говорил Хендрикс.

— У меня есть одно важное сообщение для нашего председателя. Это из достоверных источников. Есть один человек по имени Джеймс Бонд, так вот, этот человек ищет его здесь. Он из английской Секретной службы. У меня нет другой информации, нет описания этого человека, но, кажется, он на очень высоком счету у моего начальства. Господин Скараманга, вы что-нибудь слышали об этом?

Скараманга фыркнул.

— Нет, конечно, черт побери! Да и что мне за дело? Я закусываю время от времени завтраком каким-нибудь из их известных агентов. Только десять дней назад разделался с одним из них, он принялся было выслеживать меня. Его звали Росс. Сейчас его тело медленно опускается на дно битумного озера в Восточном Тринидаде — это некое местечко Ла-Бреа — нефтяная компания, люди фирмы «Тринидад Лейк асфальт» достанут на днях забавное такое полезное ископаемое. Переходите к следующему вопросу, пожалуйста, господин Хендрикс.

— Далее я хотел бы узнать, какова политика Группы в деле саботажа на уборке тростника. На нашем совещании, проходившем полгода назад в Гаване, несмотря на то что я голосовал против и остался в меньшинстве, было решено, в обмен на определенные услуги, прийти на помощь Фиделю Кастро и помочь ему в поддержании и даже увеличении мировых цен на сахар, дабы возместить потери, нанесенные ураганом «Флора». С тех пор на тростниковых плантациях Ямайки и

Тринидада было много пожаров. В этой связи до моего начальства дошли сведения, что отдельные члены Группы, особенно — послышался шорох бумаг — господин Джэнджерелла, Роткопф и Биньон, не говоря уже о нашем председателе, активно занимаются скупкой партий сахара июльского урожая в спекулятивных целях.

За столом поднялся недовольный ропот: «Почему это мы должны?.. Почему они не должны?..» Громче всех звучал голос Джэнджереллы. Он говорил на повышенных тонах.

— Кто это, черт побери, сказал, что нам нельзя делать деньги? Разве это не одна из целей Группы? Я опять задаю этот вопрос вам, господин Хендрикс, как и полгода назад: кто там из вашего так называемого «начальства» непременно хочет удержать цены на сырой сахар на низком уровне? Я так понимаю, что выгодно это только Советской России. Они продают Кубе самые разнообразные товары, включая — не перебивайте! — ракеты, которые могут быть использованы против моей страны. Они обменяли на сахар и то оружие, поставки которого удалось недавно сорвать. Они ловко торгуют, эти красные. Мошенники, каких поискать, готовы отхватить побольше сахара даже у друзей и союзников. Так вот, господин Хендрикс, — в голосе послышалась издевка, — один из ваших начальников случаем не из Кремля?

Раздался голос Скараманги, он перекрыл последовавший за словами Джэнджереллы шум.

— Эй, парни, прекратите. — С трудом восстановилась тишина. — Когда мы организовали этот кооператив, было решено, что самое главное — активно сотрудничать друг с другом. Так вот, господин Хендрикс, позвольте мне ввести вас в курс дела, сказать все как есть. Что касается общего финансового положения нашей Группы, то ситуация меняется к лучшему. Что касается нас, как группы инвеститоров, то мы можем вкладывать деньги в то или иное дело не вкладывать их, мы можем рисковать, выигрывать и проигрывать. Сахар — неплохая ставка в игре, и почему бы нам не поставить на ту или иную лошадку, даже если один из нас на скачки вовсе не ходит. Вы меня понимаете? А теперь слушайте внимательно. Сейчас на якоре в Нью-Йорке и других портах США стоят шесть кораблей, контролируемых Группой. Эти корабли, господин Хендрикс, не будут разгружаться до тех пор, пока цены на сахар июльского урожая не поднимутся еще на 10 центов. И в Вашингтоне, в министерстве сельского хозяйства, и среди членов «сахарного картеля» об этом известно. Они знают, что мы схватили их за горло. А на них тем временем уже нажимает «спиртной картель» не говоря уже о России. Цены на черную патоку возрастают одновременно с ценой на сахар, и крупные производители рома очень нервничают, они хотят, чтобы наши корабли стали на разгрузку до того, как возникнет реальная нехватка сахара и цена пойдет вверх. Но есть и другая сторона этого дела. Мы должны платить своим командам, платить за фрахт и так далее, кроме того, стоящие на приколе суда — это чистые убытки. Так что кто-то должен уступить. В этом бизнесе мы создали ситуацию, которую можно назвать «плавающей ценой на урожай», — наши корабли находятся в открытом море, выстроившись боевым порядком против правительства США. Вот как обстоят дела. Таким образом, четверо из нас за то, чтобы приобрести или потерять десять миллионов долларов или около этого, мы и те, кто нас поддерживает, за это. А тут еще путается под ногами это небольшое предприятие, затянувшееся строительство гостиницы, мы несем убытки. Так что же прикажете делать, господин Хендрикс? Конечно, мы поджигаем тростник где только можно. У меня хороший контакт с «растафари» — это такая секта, они носят бороду и курят марихуану, живут в основном кучно, недалеко от Кингстона, в местечке Дангл, Дангл-хилл. Они считают себя подданными императора Эфиопии — как там его? — а местечко это полагают своим законным домом. У меня есть среди них свой человек, человек, который приобретает марихуану. Я снабжаю их ею, а они устраивают пожары и другие неприятности на тростниковых плантациях. Вот и вся

история, господин Хендрикс. Вы просто скажите своим боссам, что там, где есть удача, есть и невезение. И к ценам на сахар это имеет такое же отношение, как ко всему остальному. О'кей?

— Я передам ваши слова, господин Скараманга, — сказал Хендрикс. — Хотя вряд ли они вызовут восторг. А теперь это дело с гостиницей. Хотелось бы знать, как здесь обстоят дела? Полагаю, что надо обсудить все как есть, без лишних слов, без прикрас. Вы согласны?

По залу пронесся гул одобрения.

Скараманга пустился в длинные рассуждения, которые представляли для Бонда интерес лишь постольку-поскольку. Феликс Лейтер в любом случае все это запишет на магнитофон, находящийся в ящичке картотечного шкафа. Он заверил Бонда в этом. Аккуратный американец, как объяснил Лейтер, снабдивший его всем необходимым, на самом деле был неким Ником Николсоном, господином из ЦРУ. Его особенно интересовал господин Хендрикс, который, как подозревал Бонд, является одним из резидентов КГБ. В КГБ предпочитают косвенное руководство операциями — например, их человек в Женеве является главным резидентом по Италии, а этот господин Хендрикс из Гааги на самом деле — резидент по странам Карибского бассейна и глава Гаванского центра. Лейтер все еще работал на частную сыскную контору «Пинкертон», но одновременно числился в резерве ЦРУ, которое наняло его для выполнения именно этого задания; там учитывали, что он хорошо знает Ямайку, где они в свое время неплохо провели время вместе с Джеймсом Бондом. Перед Лейтером стоит нелегкая задача — внести раскол, посеять рознь среди членов Группы, а также выяснить, что они затевают. Все эти люди хорошо известны в гангстерском мире, и естественно, что ФБР ими занимается; но Дженджерелла был «боссом боссов», главой мафии, и впервые стало известно, что КГБ поддерживает с мафией связи — такой страшный союз необходимо было разорвать любой ценой, вплоть до физического уничтожения. Ник Николсон, работавший под именем Стэнли Джоунса, был специалистом в области электроники. Он обнаружил основной провод, ведущий к записывающему аппарату Скараманги под полом главного коммутационного зала, и сделал отвод; теперь он мог записывать на магнитофон каждое слово. Так что Бонду в общем и дергаться было нечего. Он подслушивал из простого любопытства, а также на всякий случай, если техника не сработает, по какой-либо причине; все, что говорилось в зале совещаний, где в телефоне, стоящем на столе, было вмонтировано подслушивающее устройство, продолжалось и в холле. Бонд объяснил, почему он оказался здесь. Лейтер лишь тихо и протяжно свистнул в знак почтительного понимания. Бонд согласился, что ему надо держаться подальше от этих двоих и действовать самостоятельно, но они договорились о месте встречи в случае крайней необходимости и о месте, где можно оставить записку; «почтовый ящик» решили устроить в мужском туалете, который находился в холле и был закрыт на ремонт. Николсон дал ему ключ, который открывал это помещение и все другие комнаты, только после этого Бонд помчался на совещание. Джеймс Бонд чувствовал себя теперь значительно увереннее, он получил неожиданное подкрепление. Когда-то они уже работали с Лейтером — задания были рискованные. Он был незаменим, когда дело пахло жареным. Хотя у Лейтера вместо правой руки был только стальной крюк — напоминание об одной операции, он стрелял с левой без промаха, другим американским агентам было до него далеко, вместе с тем крюк мог оказаться мощным оружием в рукопашном бою.

Скараманга заканчивал свое выступление.

— Итак, джентльмены, вся штука в том, что нам нужно найти десять миллионов долларов. Те заинтересованные лица, которых я представляю, а они владеют большей частью капиталовложений, предлагают покрыть эту сумму займом, в течение 10 лет владельцы ценных бумаг будут получать 10-процентную прибыль на

свои вложения, причем по этому займу деньги будут выплачиваться в первую очередь.

— Как бы не так, — раздался сердитый голос господина Роткопфа. — Дождешься от вас. Скорее окочуришься. А как насчет 7 процентов второго займа, в котором участвовали я и мои друзья всего лишь год тому назад? Как вы думаете, что со мной станет, когда вернусь к себе в Лас-Вегас с подобным сообщением? В лучшем случае меня пошлют куда подальше. И дай бог, если так.

— Беднякам не приходится выбирать. Руби. Либо все, либо ничего. А как думают другие?

— 10 процентов по первому долговому обязательству, — сказал Хендрикс, — это хороший бизнес. Мои друзья и я дадим миллион долларов. Естественно, при условии надлежащих солидных гарантий, чтобы не случилось, как с господином Роткопфом и его друзьями.

— Конечно. И я, и мои друзья тоже дадим миллион, Сэм?

— Ну хорошо, хорошо, — неохотно сказал Биньон. — Мы тоже в доле, как и другие. Но даем в последний раз, хватит уже, в самом деле.

— Господин Дженджерелла?

— Это по мне. Я даю все остальное.

И тут же раздались взволнованные голоса господина Гарфинкела и господина Пэрадайза. Гарфинкел выскочил чуть раньше.

— Черта с два вам все остальное! Я даю миллион!

— И я тоже, — крикнул господин Пэрадайз. — Делить надо поровну. Но, черт побери, будем же справедливы и по отношению к Руби. Руби, ты, конечно, должен выбирать первым. Сколько ты хочешь? Тебе львиную долю.

— Я не хочу и цента из ваших дутых займов. Как только вернусь, свяжусь с лучшими юристами в Штатах. Вы что думаете, что долги можно не отдавать вот так просто? Это мы еще посмотрим.

Наступила тишина. Голос Скараманги прозвучал вкрадчиво и грозно.

— Ты совершаешь большую ошибку. Руби. Ты только что получил возможность списать все убытки на налоги, а прибыль, что получаешь в Вегасе, положить в карман. И не забывай, что при организации нашей Группы мы все давали клятву. Никто из нас не должен действовать против интересов всех остальных. Это твое последнее слово?

— Да, черт побери.

— Может быть, это убедит тебя? На Кубе вот есть такой лозунг: «Быстро! Надежно! Экономично!» Иначе нельзя, так работает вся система.

Крик ужаса и выстрел раздались одновременно. Упало на пол кресло, и на секунду наступила тишина. Затем кто-то нервно закашлял.

— Я думаю, решение было принято правильное, — спокойно сказал Дженджерелла, — неприятный конфликт исчерпан. Друзьям Руби в Вегасе нравится спокойная жизнь. Уверен, что они возникать не станут. Лучше быть живым владельцем хорошо клишированной бумаги, чем мертвым держателем закладной на миллион. Подпиши их тоже на миллион, Пистолетик. Я считаю, что ты действовал решительно и правильно. Только убери теперь это отсюда.

— Конечно, конечно, — поспешил радостно согласиться Скараманга. — Руби уехал отсюда обратно в Вегас. Никто о нем больше ничего не слышал. Мы ничего не знаем. У меня здесь неподалеку плавают в реке несколько голодных крокодилов. Они переправят его бесплатно туда, куда он хотел, позаботятся и о багаже, если он из хорошей кожи. Мне потребуется кое-какая помощь сегодня вечером. Как насчет тебя, Сэм? И тебя, Луи?

— Только на меня не рассчитывай. Пистолетик, — умоляюще произнес Пэрадайз. — Я человек набожный, католик.

— Я вместо него, — произнес господин Хендрикс, — я не католик.

— Пусть так и будет. Ну, друзья, что у нас еще? Если больше нет вопросов, то прервемся и пропустим по рюмочке.

— Одну минуту, Пистолетик, — сказал нервно Хал Гарфинкел. — А как насчет того парня за дверью? Того англичанина? Что он подумает об этом фейерверке и всем остальном?

Сдавленный смех Скараманги был похож на шипение геккона. — Не стоит беспокоиться об англичанине, Х-ал. Его черед придет сразу, как только закончим нашу встречу. Я подобрал его в борделе в одном городке неподалеку. Есть такое местечко, куда я наведываюсь за марихуаной, к тому же там у меня девчонка. А англичанин — явление временное, взял его в помощники, чтобы уик-энд провели без проблем. Он самый временный из всех. У этих крокодилов прекрасный аппетит. Руби будет у них как основное блюдо, но нужно же что-то и на закуску, я хотел сказать, на десерт. Оставьте его мне. Чем черт не шутит, может быть, это тот самый Джеймс Бонд, о котором нам говорил Хендрикс. Не вижу оснований для волнения. Англичан я не люблю. Как сказал один хороший янки: «Каждый раз, когда умирает англичанин, в моем сердце звучит песня». Помните такого? Это когда они воевали в Израиле. Мне по душе такая точка зрения. Самодовольные ублюдки. Напыщенные ничтожества. Когда придет время, выпущу по капле самодовольство этого англичанина. Словом, это беру на себя. Скажем так, предоставьте это Пистолетику.

Бонд криво усмехнулся. Он представил себе, как Скараманга достал свой золотой пистолет, покрутил его на пальце и снова засунул за пояс. Бонд встал и отодвинул стул от двери. Он налил себе шампанского в оказавшийся под рукой так вовремя стакан и, прислонившись к буфетной стойке, стал изучать самые свежие проспекты туристического бюро Ямайки.

Он слышал, как Скараманга открыл своим ключом дверь. Взглянул на Бонда. Провел пальцем по тоненькой ниточке усов.

— О'кей, приятель, думаю, хватит пить шампанское за казенный счет. Сходи к администратору и скажи, что господин Руби Роткопф уезжает из гостиницы сегодня вечером. Остальное сделаю сам. И скажи, что во время совещания перегорел предохранитель, грохнул, и все тут; комнату я закрою, надо проверить, почему у нас здесь так много недоделок. Хорошо? А потом уже выпивка, и не забудь про танцовщиц, приведи девушек. Картина ясна?

Бонд сказал, что ясно все. Он слегка покачивался, пока шел к двери холла и отпирал ее. «Ошибки и промахи исключаются». Как говорится в финансовых документах; теперь он действительно имел обо всем представление — получил полную картину. И это четкое черно-белое изображение, никаких размытых контуров.

10. Песенка «Белли-Лик» и прочее

В одной из дальних комнат Бонд на скорую руку записал основные моменты совещания. Ник Николсон и Феликс Лейтер согласились, что у них достаточно материала (магнитофонная запись и показания Бонда), чтобы отправить Скарамангу на электрический стул. Этой ночью один из них проследит, как будут избавляться от тела Роткопфа, и постарается заполучить достаточное количество улик против Гарфинкела, а еще лучше против Хендрикса, их можно будет привлечь как сообщников. Но им обоим совершенно не по душе пришлось сообщение о том, что ожидает Джеймса Бонда.

— Ты теперь и шагу не делай без своего пистолета, — приказав Лейтер. — Нам не нравится перспектива опять прочитать твой некролог в «Таймс». Вся эта чушь о том, какой ты отличный малый, чуть не вызвала у меня приступ тошноты, как только новость подхватили наши газеты. Я чуть было не написал статью, в которой хотел

изложить все как есть.

Бонд засмеялся.

— Ты хороший друг, Феликс, — сказал он. — Оказывается, стоило пройти через все передраги, что выпали на мою долю за эти годы, — ведь я служил для тебя хорошим примером.

Он отправился в свой номер, проглотил две довольно солидные порции бурбона, принял холодный душ, лег на кровать и стал смотреть в потолок, так провел время до 8:30, до ужина. На этот раз принятие пищи проходило не так официально, как во время завтрака. Казалось, что все были довольны тем, как прошла деловая часть дня, и все, за исключением Скараманги и г-на Хендрикса, откровенно много пили. Бонд оказался исключенным из общего оживленного разговора. С ним избегали встречаться глазами, а когда он пытался вклиниться в разговор, получал лишь односложные ответы. Он превратился в изгоя. Босс вынес ему смертный приговор. И водить теперь с ним дружбу было просто глупо.

Ужин — традиционный «дорогой» ужин, которым обычно кормят на пароходах во время морских путешествий, — вполне соответствовал случаю. Официанты принесли подсушенную копченую семгу с небольшим количеством мелкозернистой черной икры, филе какой-то неизвестной местной рыбы, нежнейшей на вкус, в сметанном соусе, цыпленка де-люкс (плохо зажаренного, с чересчур густым соусом) и десерт «Сюрприз». Все время, пока шла эта ленивая трапеза, столовая постепенно превращалась в «тропические джунгли», было очень много зелени, возвышались пирамиды апельсинов и кокосовых орехов, лежали грозди бананов, все это служило как бы декорацией для оркестра, участники которого, в темно-красных с золотой отделкой рубашках, собрались в надлежащее время и начали слишком громко исполнять популярную мелодию «Линстед пошла на рынок». Но вот мелодия кончилась. И появилась приятная, но слишком разодетая девушка и начала петь песенку «Белли-Лик» («Полижи животик») с вполне цензурным текстом. Ее головной убор представлял собой искусственный ананас. Бонд понял, что впереди всех ждет обычный вечер, который бывает на морских лайнерах, отправившихся в развлекательный круиз. Он решил, что уже либо слишком стар, либо слишком молод, но ему не вынести это худшее из мучений — скуку, он поднялся и подошел к Скараманге, сидевшему во главе стола.

— У меня разболелась голова. Я иду спать.

Скараманга посмотрел на него глазами ящерицы.

— Нет. Если считаешь, что вечер проходит не так интересно, придумай что-нибудь. Именно за это тебе платят. Так покажи нам настоящую Ямайку. Давай, расшевели-ка эту компанию.

Давно уже Джеймсу Бонду не приходилось принимать вызов. Он почувствовал, что все члены Группы не сводят с него глаз. От выпитого виски он чувствовал себя легко, беззаботно, был похож на того подвыпившего участника вечеринки, который, дождавшись случая показать себя, упорно пытается прорваться к барабану, чтобы постучать палочками. Глупо, конечно, но он хотел доказать, что ничем не хуже этой кучки бандитов, которые ни во что его не ставили. При этом он отдавал себе отчет в легкомысленности такого поведения, лучше бы ему оставаться неудачником-англичанином.

— Хорошо, господин Скараманга, — сказал он. — Дайте мне стодолларовую банкноту и ваш пистолет.

Скараманга не двинулся с места. Он взглянул на Бонда с удивлением и сдерживаемой неуверенностью. Луи Пэрадайз оживился.

— Ну же, Пистолетик. Давай посмотрим, на что он способен. Может быть, у этого парня что и получится.

Скараманга достал из заднего кармана брюк свой бумажник и вытащил одну

банкноту. Затем, не спеша, он вытащил из-за пояса пистолет. На золотом оружии играл зайчик одной из блесок с одежды танцовщицы. Он положил банкноту и пистолет рядом на стол. Джеймс Бонд, стоя спиной к сцене, взял пистолет и взвесил его на ладони. Большим пальцем он отвел боек назад и быстрым движением руки повернул цилиндр, чтобы убедиться, что пистолет заряжен. Потом вдруг повернулся вокруг оси и упал на колено, так чтобы целиться снизу и не задеть сидевших в тени сцены музыкантов. Он стрелял с вытянутой руки, выстрел прогремел оглушительно в этом небольшом зале. Музыка оборвалась. Наступила напряженная тишина. Все, что осталось от искусственного ананаса, упало на что-то там сзади, звук был глухой. Девушка стояла под светом прожектора, она закрыла лицо руками и стала медленно и грациозно опускаться на пол, выглядело это примерно как в балете — настоящее «Лебединое озеро». Беззвучно заметался по углам метрдотель.

Когда члены Группы стали оживленно обмениваться мнениями, Джеймс Бонд взял сто долларовую банкноту и вышел на сцену. Он наклонился и поднял девушку за руку. Сунул ей сотню за корсаж.

— Прекрасно мы исполнили этот номер, дорогая, — произнес он. — Да не бойся. Тебе ничто не угрожало, я целился в верхнюю половину ананаса. А теперь беги и готовься к следующему выходу. — Он развернул ее и смачно шлепнул по попке. Она с ужасом взглянула на него и поспешно убежала.

Бонд подошел к оркестру.

— Кто здесь главный? Кто руководитель шоу?

Нехотя поднялся гитарист, высокий, сухопарый негр. Резко выделялись белки его глаз. Он искоса посмотрел на золотой пистолет в руках Бонда. Говорил неуверенно, боясь, что вот-вот подпишет себе смертный приговор.

— Я, сэр.

— Как тебя зовут?

— Кинг Тайгер, сэр.

— Ладно, Кинг. Теперь слушай меня. Это не ужин со «шведским столом», организованный Армией спасения. Друзья господина Скараманги хотят развлечься. Они хотят погудеть, выступить, гульнуть как следует. Вам сейчас дадут много рома, чтоб не чувствовали себя так скованно. Покурите травку, если хотите. Мы здесь все свои. Никто не собирается доносить на вас. И приведите назад эту хорошенькую девушку, но разденьте ее хотя бы наполовину; скажите ей, чтобы шла сюда и пела. Пела «Белли-лик» четко и ясно, все куплеты, со всеми непристойными словами, все как полагается. И к концу представления и она, и другие девушки должны полностью обнажиться. Стриптиз — понятно? Давай действуй, а то весь вечер будет испорчен — и никаких чаевых. О'кей? Ну пошли, пошли.

Среди шести оркестрантов раздался нервный смех, они пошептались о чем-то с Кингом Тайгером. Кинг Тайгер широко улыбнулся.

— О'кей, босс. Мы и сами ждали, когда все немного разойдутся. — Он повернулся к своим людям. — Сыграйте им «Железятину», и познергичнее. А я пойду разогрею Дейзи и ее подружек. — Он направился к служебному выходу, а оркестр с жаром принялся за свою работу.

Бонд вернулся к столу и положил пистолет перед Скарамангой; Скараманга с любопытством посмотрел на него и сунул пистолет за пояс.

— Неплохо бы нам на днях провести турнир по стрельбе, а, господинчик, — сказал он без обиняков. — Как, не возражаешь? С двадцати шагов и на полном серьезе, без глупостей?

— Благодарю покорно, — сказал Бонд, — но моей маме это не понравится. Отправьте в оркестр немного рома. Эти люди не могут играть всухую.

Он вернулся на свое место. На него практически не обратили внимания. Пятеро мужчин, или, вернее, четверо, так как Хендрикс сидел весь вечер бирюком, не

проявляя интереса к происходящему, напрягали слух, чтобы расслышать все непристойные слова «Железятины», исполнявшей в манере знаменитой певицы Фанни Хилл, — каждое «достойное» слово произносилось почти по слогам. Четыре девушки — такие пухленькие, бюст и все прочее, ну, словом, настоящие маленькие зверушки, — на которых не было ничего, кроме узеньких белых, в блестках, набедренных повязок, выбежали на сцену и, двигаясь в сторону зрителей, с большим энтузиазмом начали исполнять танец живота, да так азартно, что на висках у Луи Пэрадайза и Хала Гарфинкела выступила испарина. Концовка танца проходила под аплодисменты, девушки, раскланявшись, убежали, прожектор высветил на сцене, точно в середине ее, большой яркий круг.

Ударник начал выстукивать на своих инструментах зажигательную дробь, ритм нарастал, он бился как учащенный пульс. Дверь служебного входа открылась и закрылась, в круг света ввезли на колесах какой-то любопытный предмет. Он представлял собой огромную кисть руки, высотой футов в шесть, обтянутую черной кожей. Рука стояла на широкой подставке, пальцы были широко расставлены, как будто пытались схватить кого-то. Ударник увеличил темп. Дверь служебного входа издала звук, подобный вздоху. Блестящая женская фигура проскользнула в дверь и, задержавшись на мгновение в тени, двинулась в круг света вокруг кисти руки; все тело танцовщицы ходило ходуном, по животу пробегали волны экстаза, каждый сустав исполнял свой танец. Девушка была похожа на китаянку, но ее тело, абсолютно нагое и блестящее от пальмового масла, казалось почти белым на фоне черной руки. Дергаясь всем телом, она двигалась во-круг руки, ласково поглаживая растопыренные пальцы, все движения ее были плавными, четко отработанными; без каких-либо видимых усилий она взобралась на ладонь руки и стала играть с каждым пальцем по очереди — это была откровенная, выразительная, искусная томная страсть. Вся эта сцена — черная рука, теперь тоже блестящая от пальмового масла, которым натерлась девушка, казалось, вот-вот сомкнет пальцы, с силой зажмет в кулак это извивающееся белое тело — выглядело просто вызывающе: столько похоти, что Бонд, также не оставшийся равнодушным к происходящему, заметил, с каким восторженным вниманием следил за танцовщицей сам Скараманга, глаза которого превратились при этом в узкие щелки. Ударник достиг звукового пика — крещендо. Девушка, очень достоверно изображая экстаз, взобралась на большой палец и медленно, обвив его ногами скользнула вниз, сделала последнее движение утомленным телом, тихо опустилась на пол и исчезла. Представление закончилось. Включили свет, и все, в том числе и оркестр, громко зааплодировали. Мужчины выходили из своего животного транса. Скараманга хлопнул в ладоши, подзывая руководителя оркестра, он что-то шепнул ему на ухо, что-то вложил в ладонь. Босс, как заподозрил Бонд, выбрал себе невесту на ночь!

После этой вдохновенной эротической пантомимы остальное представление как бы снимало напряжение, шел своим чередом сексуальный парад. Одна из девушек только после того, как руководитель оркестра срезал ее набедренную повязку острым коротким серповидным кинжалом, смогла проползти под бамбуковым шестом, установленным на горлышках двух бутылок из-под пива на высоте всего лишь дюймов 18 от пола. А та девушка, которая невольно выступила в роли ананасового дерева, использованного в стиле Вильгельма Телля, которого сыграл Джеймс Бонд, вышла на сцену снова, она показала вполне приемлемый стриптиз и полностью исполнила песенку «Белли-лик», заставив зрителей опять наострить уши. В заключение все участники представления, за исключением китайской красавицы, вышли к зрителям и пригласили их потанцевать. Скараманга и Хендрикс вежливо отказались, а Бонд поставил двум девушкам, которым не хватало партнеров, по бокалу шампанского и узнал, что их зовут Мейбл и Перл; Бонд видел, что остальные четыре бедняжки просто изнемогают в медвежьих объятьях четырех потных громил,

которые, согнув девушек чуть ли не вдвое, неуклюже исполняли ча-ча-ча, таская партнерш по залу под завывающий аккомпанемент полупьяного оркестра. Кульминация того, что, конечно, можно было назвать оргией, явно приближалась. Бонд сказал своим девушкам, что ему надо пойти в туалет и выскользнул из комнаты, когда Скараманга смотрел в другую сторону, но, уходя, успел заметить взгляд Хендрикса, холодный и пронизывающий, он словно смотрел какой-то неинтересный фильм, но при этом не хотел упустить ни одной детали.

Когда Бонд добрался до своего номера, была полночь. Окна в комнате были закрыты, работал кондиционер. Он выключил его и приоткрыл окна, после чего с искренним облегчением принял душ и лег спать. Его немного беспокоило то, что он устроил это представление с пистолетом, но глупость есть глупость, теперь уже ничего не поделаешь. Вскоре он уснул, и ему приснилось, как трое мужчин в черном, освещаемые луной, тащили бесформенный узел к темной воде, на поверхности которой тут и там вспыхивали красные огоньки глаз. Скрежет белых зубов и треск разгрызаемых костей превратились в неотвязный кошмарный звук, как если бы кто-то скребся или царапался, и этот звук заставил его вдруг проснуться. Он взглянул на светящийся циферблат. Часы показывали 3:30. Царапанье превратилось в тихое постукивание, раздававшееся из-за шторы. Джеймс Бонд тихо встал с постели, вытащил из-под подушки пистолет и прокрался вдоль стены к краю шторы. Он раздвинул ее быстрым движением. Золотистые волосы казались почти серебряными при лунном свете.

— Скорее, Джеймс. Помоги мне взобраться, — шепнула ему Мэри Гуднайт.

Бонд выругался про себя. Что за черт? Он положил пистолет на ковер, схватил протянутые руки и то ли втащил, то ли втянул ее через подоконник. В последний момент каблук зацепился за оконную раму, и окно захлопнулось с оглушительным стуком, похожим на пистолетный выстрел. Бонд опять выругался, на этот раз шепотом.

— Извини, пожалуйста, Джеймс, — прошептала Мэри Гуднайт, признавая свою вину.

Бонд шикнул на нее. Он поднял пистолет и положил его опять под подушку, потом провел ее через всю комнату в ванную. Включил свет, в качестве меры предосторожности пустил душ и одновременно с ее вздохом удивления вспомнил, что был совсем голым.

— Извини, Гуднайт, — произнес он, дотянулся до полотенца, обмотал его вокруг бедер и сел на край ванны. Жестом пригласил ее сесть на унитаз.

— Что ты здесь делаешь, Мэри, черт побери? — спросил он совершенно ледяным тоном.

В ее голосе прозвучало отчаяние.

— Я не могла иначе. Я должна была найти тебя как-нибудь. Я напала на твой след через девушку в этом, э-э, ужасном месте. Я оставила машину среди деревьев на подъезде сюда и просто стала следить за домом. В некоторых номерах горел свет, я прислушалась и, э-э, — она вся покраснела, — поняла, что ты не мог быть ни в одном из них. Потом я Увидела открытое окно, я была уверена, что ты единственный человек, который будет спать с открытым окном. В общем, мне пришлось просто положиться на случай.

— Что ж, придется отправить тебя отсюда как можно-скорее. Ну хорошо, а что случилось?

— Сегодня вечером, то есть я хочу сказать вчера вечером, поступила срочная шифровка — «три X». Ее нужно было передать тебе во что бы то ни стало. В штаб-квартире думают, что ты в Гаване. В шифровке говорится, что один из высокопоставленных представителей КГБ, который работает под именем Хендрикс, находится в этом районе; стало известно, что он в этой гостинице. Ты должен

держаться подальше от него. Они узнали из «надежного, но не пожелавшего открыть себя источника», — Бонд улыбнулся, услышав этот старый эвфемизм, иносказательное выражение, — что среди прочих задач у него есть поручение найти тебя и, э-э, прикончить. Вот я и смекнула, что, так как ты находишься в этих краях и задавал мне соответствующие вопросы, значит, уже напал на его след и теперь, наверное, сам идешь в приготовленную для тебя ловушку. Я хочу сказать, что, не зная еще, что ты преследуешь его, он сам охотится за тобой.

Она протянула ему руку, она хотела, чтобы он сказал ей, что она поступила правильно. Бонд взял руку и рассеянно погладил ее, одновременно соображая, как же ему теперь поступить. Ситуация осложнялась.

— Да, этот человек здесь, — сказал он. — И человек по имени Скараманга тоже здесь. Тебе, пожалуй, следует знать, Мэри, что Скараманга убил Росса. В Тринидаде. — Она прикрыла рот рукой. — Ты можешь сообщить об этом от моего имени, сомнений нет. Сообщи, если, конечно, мне удастся тебя отсюда вызволить. Что касается Хендрикса, да, он таки здесь, но меня, кажется, не опознал. Из штаб-квартиры не сообщали, есть ли у него описание моей внешности?

— Тебя просто называли «пресловутым тайным агентом Джеймсом Бондом». Но Хендриксу, кажется, этого показалось мало, потому что он просил прислать словесный портрет. Это было два дня назад. Он может получить сообщение по телеграфу или телефону в любую минуту. Так что ты понимаешь, почему я должна была найти тебя, Джеймс?

— Да, конечно. И спасибо, Мэри. Теперь мне надо помочь тебе выбраться отсюда через окно, а дальше действуй сама. Не беспокойся обо мне. Пока здесь все идет нормально. Кроме того, у меня есть помощники. — Он рассказал ей о Феликсе Лейтере и Николсоне. — Передай в штаб-квартиру, что сообщение их я получил, что нахожусь здесь, что здесь со мной те двое из ЦРУ. В штаб-квартире могут связаться с ЦРУ, поговорить непосредственно с Вашингтоном. Хорошо? — Он поднялся.

Она встала рядом с ним, посмотрела на него.

— Но ты обещаешь быть осторожным.

— Конечно, конечно. — Он потрепал ее по плечу. Выключил душ и открыл дверь ванной комнаты. — А теперь пошли. Бога надо молить, чтоб нам повезло.

Вкрадчивый голос из темноты, оттуда, где стояла кровать, сказал:

— Да нет, господь бог вам сегодня не помощник, господинчик. Идите вперед оба. Руки за голову.

11. Поплавок и другие неприятности

Скараманга подошел к двери и включил свет. На нем были только шорты и кобура под левой подмышкой. Пока он передвигался по комнате, свой золотой пистолет от Бонда не отводил.

Бонд смотрел на него, не веря своим глазам, взглянул на ковер у двери. Края были на том же месте, нетронутые. Без посторонней помощи он никак не мог проникнуть и через окно. Потом Бонд увидел, что его платяной шкаф был открыт и из соседней комнаты шел свет. Это была самая простая из всех потайных дверей — открывалась задняя стенка шкафа: то, чего совершенно не мог заметить Бонд, с другой стороны, вероятно, было похоже на запертую дверь двух смежных комнат.

Скараманга вышел на середину комнаты и стоял там, глядя на них обоих. На губах играла глумливая ухмылка, глаза выражали презрение.

— Я не видел этой девчонки среди других, — произнес он. — Где ты ее держал, скотина? И зачем тебе понадобилось прятаться в ванной? Ты что, любишь заниматься этим под душем?

— Это моя невеста, — ответил Бонд, — мы обручены. Работает она в Кингстоне

в представительстве Верховного комиссара Великобритании, она — шифровальщица. Вот разузнала, где я, навела справки в том заведении, где мы встретились. Она приехала, чтобы сообщить мне, что моя мать лежит в больнице в Лондоне. Неудачно упала. Ее зовут Мэри Гуднайт. Что здесь такого? И почему надо врываться ко мне в номер среди ночи и размахивать тут пистолетом? Будьте добры, попридержите язык и выбирайте выражения.

Бонд остался доволен тем, как он провел наступление, и тут же решил сделать следующий шаг, чтобы вызволить Мэри Гуднайт. Он опустил руку и повернулся к девушке.

— Опустите руки, Мэри. Должно быть, господин Скараманга решил, что в дом забрались воры, ведь он слышал, как стукнуло окно. Сейчас я оденусь и провожу тебя к машине. Тебе предстоит долгий путь назад в Кингстон. Ты уверена, что не хочешь остаться здесь до утра? Не сомневаюсь, что господин Скараманга сумел бы найти для нас свободную комнату.

Мэри Гуднайт поняла правила игры. Она опустила руки, взяла свою дамскую сумочку с постели, куда ее бросила, достала зеркальце и стала поправлять волосы, совершенно бестолково, как это обычно делают женщины. Она принялась болтать без умолку, стараясь подыграть Бонду, изображая типичную англичанку, которая не понимает, в чем, собственно, дело, что там еще несет ее парень.

— Нет, совершенно честно, дорогой, я действительно считаю, что мне лучше уехать. У меня будут жуткие неприятности, если я опоздаю на работу, а у премьер-министра, сэра Александера Бастаманте, ты знаешь, восьмидесятилетие, и он выйдет к завтраку, а ты знаешь, что его превосходительство любит, чтобы я обязательно украсила все цветами и расставила на столе карточки с именами гостей, и, право слово, — она с очаровательной улыбкой повернулась к Скараманге, — для меня это будет особый день. Всего на завтрак приглашено тридцать человек, поэтому его превосходительство пригласил меня быть четырнадцатой. Как это замечательно, правда? Но бог его знает, как я буду выглядеть после сегодняшней ночи. Дороги в этих местах ужасные, не так ли, господин, э-э, Скрамбл. Но ничего не поделаешь. Я очень прошу извинить меня за то, что причинила вам столько беспокойства, что нарушила ваш сон.

Она направилась к нему, как королева-мать на открытии благотворительного базара, с распростертыми руками.

— Ну а теперь вы можете отправляться спать, а мой жених (слава богу, она не сказала «Джеймс!»). Девушка хорошо понимала, что к чему) позаботится о том, чтобы проводить меня да машины. До свидания, господин, э-э...

Джеймс Бонд гордился ею. Она играла свою роль ничуть не хуже, чем какая-нибудь театральная знаменитость. Но Скараманга не мог допустить, чтобы ему заморочили голову болтовней, будь то англичанка или кто иной. Она почти прикрыла собой Бонда. Скараманга быстро сделал шаг в сторону.

— Не двигаться, мадам, — сказал он. — И ты, господинчик, не вздумай сделать хоть шаг.

Мэри Гуднайт опустила руки. Она с интересом посмотрела на Скарамангу, как будто он только что отказался от предложенных бутербродов с огурцами. Что он себе позволяет! Ох уж эти американцы! Золотой пистолет не подходил для вежливой беседы. Он по-прежнему был обращен дулом в их сторону.

— Ладно, на этот раз вы меня убедили, — сказал Скараманга Бонду. — Приму это за чистую монету. Спусти ее опять через окно. Потом я скажу тебе кое-что. — Он махнул рукой с пистолетом в сторону девушки. — О'кей, красотка, отправляйся. И не вздумай опять появиться здесь без приглашения. Поняла? И можешь рассказать своему старому хрычу, его превосходительству, куда лучше запихнуть все эти именинные карточки. В «Сандерберд» ему соваться нечего. Здесь моя вотчина.

Уяснила? Ну и отлично. Не помни свой корсет, когда будешь вылезать в окно.

Мэри Гуднайт была холодна как лед.

— Прекрасно, прекрасно, господин, э-э... я передам ваши слова. Уверена, что Верховный комиссар обратит, чего раньше не делал, более пристальное внимание на ваше пребывание на острове. И правительство Ямайки тоже.

Бонд взял ее за руку. Она чересчур увлеклась, стала переигрывать.

— Иди, Мэри, — сказал он. — И пожалуйста, скажи маме, что я закончу здесь дела через день-два и позвоню ей из Кингстона.

Он подвел ее к окну, помог выбраться, вернее, спустил, как мешок, вниз через окно. Она махнула рукой и побежала через лужайку. Бонд отошел от окна, у него словно камень с плеч свалился. Он никак не ожидал, что они так безболезненно выпутаются из подобного ужасного, неприятного положения. Бонд подошел к кровати и сел на подушку. Почувствовал себя спокойнее, ощутив под собою твердый металл пистолета. Он посмотрел на Скарамангу, тот уже убрал свой пистолет в кобуру под мышкой, прислонился к платяному шкафу, задумчиво поглаживая пальцем свои черные усики.

— Канцелярия Верховного комиссара, — произнес он. — Помимо него, там работают и местные представители вашей знаменитой Секретной службы. Может быть, господин Хэзард, вы и в самом деле тот Джеймс Бонд? Сегодня вечером вы показали, что оружием владеете сносно. Кажется, я читал где-то, что этот человек, по имени Бонд, довольно высокого мнения о своих способностях в обращении с оружием. У меня также есть данные относительно того, что он находится где-то в карибских странах и ищет меня. Забавные совпадения, а?

Бонд рассмеялся.

— Полагаю, что Секретная служба давно прекратила свое существование еще в конце войны. В любом случае, к сожалению, не могу изменить свою внешность только для того, чтобы подыграть вам. Вам стоит лишь позвонить утром во Фроум, некоему господину Тони Хьюджиу, тамошнему начальству, у него и проверьте все, что я говорю. А как вы, кстати, объясните, что этот парень Бонд сумел-таки разыскать Скарамангу в каком-то борделе в Саванна-Ла-Мар? И что ему в конце концов нужно-то?

Скараманга задумался на мгновение.

— Полагаю, что он хочет взять у меня несколько уроков по стрельбе. Буду рад услужить ему. Но с номером «Три с половиной» ты, пожалуй, прав. Я так и решил, когда нанимал тебя. Но столько совпадений сразу, нет, так не бывает. Может быть, пора уже и задуматься. Я с самого начала сказал, что носом чую легавых. Девушка, может, и на самом деле твоя невеста, а может, и нет — но этот прием с душем. Старый трюк, его знают все мошенники. Может, им пользуются и в Секретной Службе. Если только, конечно, ты там не трахал ее? — Он поднял одну бровь.

— Именно это я и делал. А что здесь такого? А вы-то чем занимались с этой китаянкой? Играли в бирюльки? — Бонд встал с кровати. Он изобразил на лице нетерпение и гнев в равных пропорциях. — Послушайте, господин Скараманга. С меня достаточно. Перестаньте давить на меня. Вы вот все ходите здесь, размахивая этим чертовым пистолетиком, и ведете себя, как сам Всевышний, болтая при этом всякую чушь относительно Секретной службы. Вы что же, ждете, что я упаду перед вами на колени и стану лизать вам ботинки? Если так, тогда вы ошибаетесь. Коли не нравится моя работа, гоните обещанную тысячу долларов, и я пойду себе куда подальше.

Скараманга улыбнулся своей едва заметной жесткой улыбкой.

— Может быть, и пойдешь, и даже раньше, чем думаешь. Тоже мне! — Он дернул плечами. — Ладно, ладно. Но запомни, господинчик. Если окажется, что ты не тот, за кого себя выдаешь, разорву на куски. Понял меня? И рвать буду сначала

маленькими кусочками, а потом — и кусками побольше. Так, чтобы продлить удовольствие. Понял? А теперь можешь валить спать. У меня встреча с господином Хендриком в 10:00 в зале заседаний. И я не хочу, чтобы нам мешали. После этого вся компания отправится на экскурсию по железной дороге, о которой я говорил тебе. И уж твоя забота — организовать все как следует. Прежде всего поговори с одним из администраторов. Понял? Ну все. До скорого.

Скараманга вошел в платяной шкаф, отодвинул рукой костюм Бонда и исчез. С той стороны раздался резкий щелчок замка. Бонд встал. «Ну и ну», — произнес он вслух и направился в ванную, чтобы смыть с себя все, что пережил за последние два часа.

Он проснулся в 6:30, как и наметил: и на этот раз какой-то неведомый будильник, встроенный в его организм (так у многих бывает), не подвел, позвонил вовремя. Он надел плавки, пошел на пляж и опять сделал заплыв на длинную дистанцию. Когда в 7:15 он увидел, как Скараманга выходит из западного крыла гостиницы, а за ним следует слуга с полотенцем. Бонд поплыл к берегу. Он прислушался к резким тяжелым ударам батута и затем, обходя это место стороной, так, чтоб его не видели, вошел в гостиницу через главный вход и быстро направился к своей комнате. В комнате он постоял у окна, прислушиваясь, хотел убедиться, что Скараманга все еще делает упражнения, затем достал отмычку, которую ему дал Ник Николсон, и проскользнул через коридор в номер 20, прикрыв за собой дверь. Он закрыл дверь на задвижку. Да, здесь было то, за чем он пришел, пистолет лежал на туалетном столике. Он пересек комнату, взял оружие и вытащил пулю из барабана, это та самая пуля, которая должна была вылететь, если бы из пистолета стреляли. Он положил пистолет точно так, как тот лежал раньше, вернулся к двери, прислушался, вышел, пересек коридор и вошел в свой номер. Подошел к окну, послушал. Да. Скараманга продолжал заниматься. То, что сделал Бонд, походило на детскую забаву, но это могло подарить ему как раз ту долю секунды, которая — он чувствовал это всем своим существом — будет означать жизнь или смерть для него в ближайшие 24 часа. Мысленно он чувствовал легкий запах дыма, обозначавший, что его «крыша» уже тлела по краям. В любую минуту Марк Хэзард и «Трансуолд консорциум» мог сгореть дотла, подобно какому-нибудь Дурацкому пугалу в День Гая Фокса: может быть, до праздничного фейерверка в честь раскрытия Порохового заговора дело и не дойдет, но, по всей видимости, Джеймс Бонд может вскоре оказаться один против шести вооруженных громил, профессионалов, и вот тогда все будет зависеть только от его собственной быстроты и ловкости и его «Вальтера ППК». И именно тогда любое, даже самое крошечное преимущество может оказаться решающим. Решив не падать духом, даже воодушевленный подобной рискованной ситуацией, Бонд заказал себе плотный завтрак, съел его с удовольствием и, выдернув по пути соединительную ось поплавка в туалете, пошел в кабинет администратора.

Феликс Лейтер находился при исполнении своих служебных обязанностей. Он слегка улыбнулся, вежливо и сдержанно, как настоящий администратор.

— Доброе утро, господин Хэзард. Чем я могу быть вам полезен?

Лейтер смотрел поверх правого плеча Бонда, его интересовало то, что происходило у Бонда за спиной. Раньше, чем Бонд успел ответить, у стойки появился господин Хендрикс.

— Доброе утро, — сказал Бонд.

Господин Хендрикс ответил легким типично немецким кивком головы.

— Мне передали, что звонят из Гаваны, но по междугородному, это из моей конторы. Откуда лучше всего говорить, так чтобы не мешали?

— Разве нельзя говорить из вашего номера, сэр?

— Там мне не вполне удобно.

Бонд догадался, что Хендрикс тоже обнаружил у себя микрофон. Лейтер был

готов помочь. Он вышел из-за своего стола.

— Тогда здесь, сэр. Телефон в холле. Кабина звуконепроницаемая.

Господин Хендрикс холодно посмотрел на него.

— А аппарат? Он тоже звуконепроницаемый?

Лейтер изобразил вежливое недоумение.

— Боюсь, я не понимаю вас, сэр. Аппарат соединен напрямую с оператором.

— Ну хорошо. Проводите меня, пожалуйста.

Господин Хендрикс пошел за Лейтером в дальний угол холла, где находилась телефонная будка. Он тщательно закрыл за собой обитую дверь, взял трубку. Затем он подождал, пока Лейтер не прошел через холл по мраморному полу и не начал почтительно разговаривать с Бондом.

— Так что вы говорили, сэр?

— У меня что-то с туалетом не в порядке. Что-то случилось с поплавком. Где-нибудь еще есть туалет?

— Извините, сэр. Я попрошу слесаря немедленно посмотреть, в чем там дело. Да, конечно. Туалет в холле. Там еще не закончили внутреннюю отделку, и пока им не пользуются, но все оборудование в прекрасном рабочем состоянии. — Он понизил голос. — Дверь оттуда ведет в мой кабинет. Подожди десять минут, пока я прослушаю магнитофонную запись того, что говорит этот негодяй. Я слышал, что его уже соединили. Мне все это не нравится. Кажется, у тебя прибавляется хлопот. — Он слегка поклонился и показал Бонду на столик в центре холла, где лежали журналы. — Если вы посидите немного, сэр, через минуту я буду к вашим услугам.

Бонд кивком головы выразил благодарность и отвернулся. Хендрикс разговаривал по телефону. Он стоял в стеклянной будке и напряженно, не отрывая глаз, смотрел на Бонда. Бонд почувствовал, как по телу побежали мурашки. Так и есть! Он сел и взял старый номер «Уолл-стрит джорнэл». Незаметно оторвал маленький кусочек из середины первой страницы, как будто на сгибе был разрыв. Он поднял журнал, открыл его на второй странице и наблюдал за Хендриксом через маленькую дырочку.

Хендрикс смотрел на тот же журнал, только с обратной стороны, он продолжал говорить и слушать. Вдруг он положил трубку и вышел из кабины. Его лицо блестело от пота. Он вытащил чистый белый носовой платок, вытер им лицо и шею. И быстро направился куда-то по коридору.

Ник Николсон, чистенький и аккуратненький, прошел через холл, вежливо улыбнулся и кивнул Бонду, потом занял свое место за столом. Было 8:30. Через пять минут из кабинета появился Феликс Лейтер. Он что-то сказал Николсону и подошел к Бонду. Его бледные губы были сжаты.

— Пройдите, пожалуйста, со мной, сэр, — произнес он и пошел впереди, через холл, открыл ключом дверь мужского туалета, пропустил Бонда и запер за собой дверь. Они встали у умывальников, вокруг валялись доски и другие деревяшки. — По-моему, ты влип, Джеймс, — сказал Лейтер, весь напрягшись. — Они говорили по-русски, но то и дело произносили твое имя и номер. Думаю, тебе надо убираться отсюда подобру-поздорову, уноси ноги немедленно, садись в свой драндулет и дуй.

Бонд слегка улыбнулся.

— Заранее предупрежденный — заранее вооруженный, Феликс. Мне это уже было известно. Хендриксу приказали уничтожить меня. Наш старый друг из КГБ, Семичастный, имеет против меня зуб. Как-нибудь расскажу, в чем тут дело. — Затем он поведал Лейтеру о том, что произошло сегодня ночью с ним и Мэри Гуднайт. Лейтер слушал, нахмурившись. — Так что теперь нет смысла уходить отсюда, — заявил Бонд в заключение. — В десять у них совещание, так что всю секретную информацию и, возможно, их планы относительно меня мы и так узнаем. Лично я думаю, что соревнования по стрельбе состоятся где-нибудь за пределами гостиницы,

на природе, где не будет свидетелей. Так вот, если бы вы с Ником могли придумать что-нибудь, чтобы помешать их сегодняшнему мероприятию с выездом на природу, я бы был в полном порядке.

Лейтер задумался. Затем лицо его посветлело.

— Их планы на вторую половину дня мне известны. Поездка на этом миниатюрном поезде через плантации тростника, пикник, затем на катере из бухты Грин-Айленда, морская рыбалка и тому подобное. Я уже обследовал весь маршрут. — Он поднял большой палец левой руки и задумчиво постучал по своему стальному крюку. — Да-а-а. Времени терять нельзя, да еще нужно, чтобы очень повезло, мне придется сейчас же отправиться в Фроум, чтобы запастись всем необходимым у нашего друга Хьюджила. Надеюсь, он выдаст мне все, что полагается, под твое честное слово. Пойдем ко мне в кабинет, напишешь ему записку. Отсюда до него полчаса езды, а Ник побудет у стойки. Все, вперед.

Он открыл боковую дверь и прошел через нее в свой кабинет. Кивком пригласил Бонда следовать за ним и закрыл за собой дверь. Под диктовку Лейтера Бонд написал записку управляющему сахарных плантаций компании «УИСКО», а потом отправился к себе в номер. Он выпил неразбавленный бурбон, сел на край кровати и стал смотреть, ничего не видя, в окно через лужайку, за горизонт, уходящий в море. Правая рука у Бонда время от времени непроизвольно дергалась, он был похож на дремлющую охотничью собаку, гонящуюся во сне за зайцем, или на зрителя, смотрящего легкоатлетические соревнования и невольно поднимающего ногу, чтобы помочь прыгуну преодолеть планку. Погрузившись в себя, Бонд мысленно из самых невероятных положений то и дело выхватывал свой пистолет.

Время шло, а Джеймс Бонд все еще сидел на кровати, иногда он закуривал, докурив сигарету до половины, рассеянно гасил ее в пепельнице, стоящей на столике у кровати. Невозможно было догадаться, о чем думал Бонд, настолько был сосредоточен. Хотя кое о чем можно было судить по тому, как учащенно бился пульс на левом виске, как сильно были сжаты губы, однако серо-голубые глаза, которые ничего не видели, были спокойными, взгляд задумчивый, почти сонный. Невозможно было догадаться, что Джеймс Бонд размышлял о возможности собственной смерти, которая, кто знает, может наступить сегодня, чуть позже; он даже ощущал, как пули разрывают своими мягкими наконечниками его тело, он видел, как его тело лежит, дергаясь в конвульсиях, на земле, слышал, как изо рта его рвется крик. Обо всем этом он, безусловно, размышлял, но не только же об этом: дергающаяся правая рука красноречиво свидетельствовала — действия противника не должны быть оставлены без ответа, более того, они должны быть предвосхищены; вот так кружился в голове тайного агента хоровод сумбурных мыслей.

Бонд глубоко вздохнул. Глаза его ожили. Он взглянул на часы — 9:50. Поднялся, провел обеими руками по своему осунувшемуся лицу, как бы смывая с него что-то, вышел из комнаты и пошел по коридору к залу заседаний.

12. С бокалом и в потемках

Обстановка была все той же. Литература по туризму, которую Бонд читал, лежала на буфетной стойке, там, где он оставил ее раньше. Он прошел прямо в зал заседаний. Зал только слегка прибрали. Наверное, Скараманга сказал, чтобы никто из обслуживающего персонала сюда не входил. Стулья были расставлены в надлежащем порядке, но пепельницы не вытряхивали. На ковре не было никаких пятен, но, кажется, его и не замывали. Возможно, был сделан один-единственный выстрел прямо в сердце. Пули с мягкими наконечниками, которыми стрелял Скараманга, буквально разрывали внутренности, но осколки пули оставались в теле, и кровотечения не было. Бонд прошел вокруг стола, нарочно расставляя стулья

более аккуратно. Он определил стул, на котором, должно быть, сидел Руби Роткопф — прямо напротив Скараманги, — у этого стула была сломана ножка. Выполняя свою работу, он тщательно проверил окна и заглянул за шторы. В комнату вошел Скараманга в сопровождении господина Хендрикса.

— О'кей, господин Хэзард, — резко произнес он. — Заприте обе двери, как вчера. Никто не должен входить. Понятно?

— Да.

Когда Бонд проходил мимо господина Хендрикса, он весело сказал:

— Доброе утро, господин Хендрикс. Как вам вчерашнее шоу?

Господин Хендрикс в обычной для него манере слегка поклонился. И ничего не ответил. Его глаза были холодны как мрамор.

Бонд вышел и запер дверь, потом занял свое место прихватив рекламные проспекты и бокал для шампанского. Первым заговорил Хендрикс, говорил быстро, ему не терпелось высказаться, некоторые слова он просто глотал.

— Господин С., у меня плохие вести. Сегодня утром выходил на связь с моим Центром в Гаване. Они получили сведения непосредственно из Москвы. Этот человек, — должно быть, он сделал жест в сторону двери, — этот человек — тот самый английский тайный агент, человек по имени Бонд. Сомнений быть не может. Я получил точное описание. Когда он купался сегодня утром, я имел возможность внимательно рассмотреть его тело с помощью бинокля. Отчетливо видны следы ран. Шрам на правой стороне лица также не оставляет никаких сомнений. А его стрельба вчера вечером? Этот идиот еще гордится своим умением стрелять. Попробовал бы кто-нибудь из моих подчиненных вести себя так глупо. Я пристрелил бы его на месте!

Возникла пауза. Теперь голос говорившего изменился, в нем появились угрожающие нотки. Было ясно, что он обращается к Скараманге.

— Но, господин С., как это могло случиться? Как вы могли допустить, чтобы он оказался здесь? Мой Центр ошеломлен такой ошибкой. Этот человек мог нанести огромный вред, если бы не бдительность моего руководства. Пожалуйста, объяснитесь, господин С. Я должен составить полный отчет. Как произошло, что вы встретили этого человека? Как получилось, что вы даже привезли его на место встречи Группы? Подробности, пожалуйста, господин С. Полный отчет. Мое руководство выразит свое крайнее недовольство, ведь речь идет о притуплении бдительности перед лицом противника.

Бонд услышал звук чиркающей о коробок спички. Он представил себе, как Скараманга, откинувшись в кресле продлевает всю эту церемонию, связанную с курением. Голос, который затем послышался, звучал решительно, в нем не было и тени озабоченности:

— Господин Хендрикс, я ценю заботу вашей организации, и я поздравляю ваше руководство с тем, что у них имеются такие надежные источники информации. Но сообщите своему Центру следующее: я встретился с этим человеком совершенно случайно, по крайней мере я так думал тогда, и не надо беспокоиться о том, как это случилось. Было очень трудно организовать это совещание, и мне понадобилась помощь. Мне пришлось срочно вызывать из Нью-Йорка двух администраторов, чтобы они руководили работой персонала гостиницы. Они хорошо справляются со своей работой, не так ли? Прислугу, коридорных и прочих персонал я нанял в Кингстоне. Но мне действительно очень нужен личный помощник, человек под рукой, на подхвате, чтобы все прошло без сучка, без задоринки. Сам я во все детали вникать не собирался. И когда этот парень свалился с неба, он показался мне подходящей кандидатурой. Вот я его и взял. Но я не дурак. Я знал, что, когда здесь все закончится, мне придется избавиться от него, просто на всякий случай, если он вдруг узнает то, что знать ему не полагается. А теперь вы говорите, что он из Секретной службы. Я же сказал вам в начале совещания, что мне все эти агенты на один зубок. Впрочем,

ваше сообщение вносит кое-какие коррективы, а именно: он умрет сегодня, а не завтра. И вот как это произойдет.

Скараманга стал говорить тише. Теперь Бонд мог слышать лишь отдельные слова. Пот катил градом из-за уха, которое он прижал ко дну бокала.

— Наша поездка на поезде... крысы в тростнике... несчастный случай... прежде чем я сделаю это... сильный испуг... детали мне самому... обещаю, что вы от души посмеетесь. — Должно быть, Скараманга опять сел, откинувшись в кресле. И теперь его хорошо было слышно. — Можете отдыхать спокойно. К вечеру от парня ничего не останется. Ну как? Я могу сделать это и сейчас, как только открою дверь. Но два перегоревших предохранителя за два дня — это, пожалуй, слишком, зачем нам лишние разговоры. А так мы весело проведем время, пикник выйдет на славу!

В голосе господина Хендрикса не было эмоций или личной заинтересованности. Он лишь выполнял приказы, меры должны быть приняты, и самые решительные. Приказы надлежит выполнять без промедления.

— Да, — сказал он, — принимаю ваше предложение. И с большим удовольствием наблюдаю за этим. А теперь о других делах. План «Орэндж». Мое руководство хочет знать, все ли готово.

— Да. Все готово — и на «Рейнольд метал» и на «Кайзер боксит», а также на «Алюмина оф Джамайка». Но ваш товар, это вещество, оно слишком летучее. Его надо менять в камере для подрывного заряда каждые пять лет. И еще, — послышался сухой смешок, — я не мог не рассмеяться, когда увидел, что инструкция по использованию, оттиснутая прямо на цилиндрах, переведена на несколько африканских языков, помимо английского. Вы что, готовите черномазых к крупному восстанию? Вам следовало бы предупредить меня о том, когда оно начнется. А то ведь на Уолл-стрит погореть ничего не стоит, рынок ценных бумаг не прощает ошибок.

— Тогда вы точно потеряете массу денег, — сказал господин Хендрикс безразлично. — Мне не сообщат дату. Мне все равно. У меня нет капиталов. Пора быть умнее и держать деньги в золоте, или бриллиантах, или, скажем, в редких почтовых марках. А теперь следующее дело. Мое начальство хотело бы приобрести большую партию наркотиков. У вас есть источник снабжения марихуаной. Сейчас все поставки осуществляются по весу — на фунтовой основе. Я спрашиваю, можете ли вы сделать так, чтобы наши источники поставляли травку центнерами. Вам предлагается доставлять груз в Педро Кейз. Мои друзья могут забирать его прямо оттуда.

Наступила тишина. Скараманга, должно быть, курил свою тонкую манильскую сигару.

— Да, — произнес он, — думаю, что проверить это можно. Но у этих законов по наркотикам стали очень большие и острые зубы. Длительные строки тюремного заключения впечатляют, вы меня понимаете? Поэтому цены лезут вверх, уже и так выше крыши. Сегодня за унцию дают шестнадцать фунтов. Центнер товара может стоить тысячи фунтов. Но при таком весе это очень большие объемы. Рыбачья лодка за один раз могла бы перевезти только один центнер. Но куда? В любом случае вам повезет, если получите такое количество на берегу. Доставка трудна, даже когда речь идет о фунте-другом.

— Мне не говорят о том, куда это идет. Думаю, что в Америку. У меня сложилось впечатление, что именно они самые большие потребители. Все организовано для получения этой и других партий первоначально в море у берегов Джорджии. Мне сказали, что в этом районе много маленьких островков и болот, и там вообще очень любят работать контрабандисты. Деньги не имеют значения. У меня есть инструкции закупить товар сначала на миллион долларов, но точно по рыночным ценам. Ваши комиссионные, как обычно, составят десять процентов. Вы в этом заинтересованы?

— Я всегда заинтересован в сотне тысяч долларов. Мне нужно связаться с поставщиками сырья. Их плантации находятся в районе Мэруна. Это в центре острова. Мне нужно время. Я смогу сообщить цены примерно через две недели. Центнер товара на условиях ф.о.б. остров Педро Кейз. Идет?

— А дата? Остров совсем плоский. А товар такой, что его нельзя оставлять на виду.

— Конечно, конечно. С этим все ясно. Какие у вас еще вопросы? Ну хорошо. Я хотел бы кое-что обсудить. Это веселое дельце — казино. Картина такая. Для правительства все очень соблазнительно. Они считают, что оно будет стимулировать туризм. А эти громилы, те, кого вышибли из Гаваны, ребята из Вегаса, парни из Майами, Чикаго, вся эта братия не предпринимала никаких действий по отношению к администрации до тех пор, пока последняя не занялась вопросом вплотную. А потом они перестарались со взятками. Распихали слишком много денег и не в те карманы. Думаю, что им нужно было сыграть на общественном мнении. Ямайка на карте выглядит очень маленькой, и я полагаю, что синдикаты решили, что смогут быстренько провести небольшую аккуратную операцию, как это было уже в Нассау. Но оппозиционные партии поумнели. А тут еще церковь, разные старухи и тому подобное. Все эти разговоры о том, что мафия захватывает власть на Ямайке, «Коза ностра» и вся эта чушь. Словом, мальчики проиграли. Помните, пару лет назад нам предлагали это? Ну тогда, когда стало ясно, что можно разориться, и они захотели списать потраченные на рекламу деньги — миллион-другой — за счет Группы. Вы, наверное, помните, что я советовал не лезть на рожон и объяснил почему. Словом, мы так и сделали, мы сказали «нет». Но все изменилось теперь. У власти другая партия. В прошлом году доходы от туризма пошли на убыль, и вот некий министр связался со мной. Говорит, климат изменился. Объявлена независимость. Они повылезали из-под юбки тетушки Англии. Хочет показать, что Ямайка тоже «за», хочет войти в долю — и все прочее. Попросту говоря, мой друг сказал, что может добиться разрешения на азартные игры. И он поведал мне, как собирается это сделать. Объяснил, что есть смысл заняться соответствующими операциями. Раньше я говорил: «Держитесь в стороне». Сейчас говорю: «Действуйте». Но нужны деньги. Каждый из нас должен будет отстегнуть по сто тысяч долларов, чтобы заинтересовать местные власти. Ребята из Майами займутся этим и получают все привилегии. Наша доля составит 5 процентов — это их предложение, — но с общей суммы. Понимаете? С такой суммой, да еще не облагаемой налогами, мы вернем то, что вложили, уже через полтора года. А дальше сплошная халява, деньги будем делать на пустом месте. Ясна картина? Но ваши, так сказать, друзья, кажется, не очень заинтересованы в этих, так сказать, капиталистических предприятиях. Так как же быть? Раскошелиться они собираются? Мне не хотелось бы идти за зелененькими на сторону. Кроме того, со вчерашнего дня у нас не хватает одного компаньона. Об этом нельзя забывать. Тут надо пораскинуть мозгами. Кого взять седьмым номером? Одного партнера явно не хватает.

Джеймс Бонд вытер платком ухо и дно бокала. Это уже выше его сил. Он услышал, как ему вынесли смертный приговор, он узнал о связях КГБ со Скарамангой и некоторыми странами карибского бассейна, даже о таких «незначительных» делах, как саботаж бокситовой промышленности, интенсивная контрабанда наркотиков в Штаты и разные там политические интриги. Для местного отделения разведки это просто королевский улов. Теперь он правил бал! Но есть ли шанс выжить, чтобы всем этим заняться? Боже! Как хочется выпить! Он снова приложил ухо к горячему дну бокала.

За стенкой было тихо. Когда заговорили, голос Хендрикса звучал напряженно, нерешительно. Было очевидно, что он хотел сказать: «Я пас, пока не поговорю с моим руководством».

— Господин С., — произнес он. — Дело трудное. Мое начальство положительно относится ко всем выгодным предложениям, но, как видите, руководству больше всего нравятся дела, которые преследуют политические цели. На этих условиях мне были даны инструкции вступить в союз с вашей Группой. Деньги — не проблема. Но как я смогу объяснить, что открытие казино на Ямайке преследует политические цели? На этот счет у меня есть сомнения.

— Да нет, это почти наверняка принесет им неприятности. Местное население хочет играть, они все жуткие картежники. Начнутся инциденты. Местным дадут от ворот поворот по той или иной причине. Затем оппозиционная партия займется этим делом и поднимет страшный шум о «цветном барьере» и тому подобное. Со всеми этими деньгами, порхающими в воздухе, профсоюзы потребуют увеличения заработной платы сверх всяких норм. Это подольет масла в огонь, начнется заварушка. Здешняя атмосфера слишком уж мирная. А это дает возможность очень легко организовать целый тарарам. Разве ваши люди не этого хотят? Разве их не устраивает, чтобы тихий остров стал огнедышащим вулканом?

Наступило краткое молчание. Очевидно, идея эта пришлась не по вкусу господину Хендриксу. Он так и сказал об этом, но в завуалированной форме.

— То, что вы говорите, господин С., очень интересно. Но эти неприятности, которые вы предвидите, не создадут ли они угрозу нашим вложениям? Во всяком случае, я сообщу о вашем запросе и немедленно проинформирую вас. Возможно, мое начальство отнесется к этому благосклонно. Чем черт не шутит. И еще, этот вопрос о новом, седьмом партнере. У вас есть кто-нибудь на примете?

— Я думаю, нам нужен хороший человек из Южной Америки. Нам нужен парень, который станет приглядывать за нашими делами в Британской Гвиане. Нам также нужно улучшить впечатление о себе в Венесуэле. Как случилось, что нам не удалось продвинуться с этим грандиозным планом блокады пролива Маракайбо? Это же все равно что обокрасть слепого. У нас был подходящий корабль для блокады. Одной угрозы было достаточно для того, чтобы нефтяные компании раскошелились. (Это, кстати, каламбур, сравните-ка это слово с названием известной компании «Шелл».) Словом, мы бы их — «шелл» — защищали, а они исправно выкладывали бы денежки. Далее, если эти дела с наркотиками пойдут, то мы не сможем обойтись без Мексики. Как насчет господина Аросио из Мехико?

— Я не знаю этого джентльмена.

— Да не может быть. О, это прекрасный парень. Он заправляет у нас системой беспрепятственной доставки товара: наркотики и девки — в Лос-Анджелес. Еще ни разу не поймали. Надежный оператор. Филиалов не имеет. Ваши люди его знают. Почему бы не поговорить с ними, а затем мы поставим этот вопрос перед другими? Они на это пойдут.

— Хорошо. А теперь, господин С., можете ли вы что-нибудь сказать нам о вашем начальстве? Во время своего недавнего визита в Москву, как я понял, он выразил удовлетворение вашими усилиями в данном регионе. Можно только приветствовать развитие нашего дальнейшего сотрудничества в области подрывной деятельности. Оба наших шефа в будущем ожидают многого от нашего союза с мафией. Я лично не разделяю их оптимизма. Несомненно, господин Дженджерелла является ценным звеном во всей цепочке, но, по моему мнению, активность этих людей можно повысить только при помощи денег. Что вы думаете об этом?

— Вы все уже сказали, господин Хендрикс. По мнению моего шефа, мафия уникальна и иметь дело можно только с мафией. Так было и так всегда будет. Мой шеф не ожидает больших успехов в Штатах. Даже мафия с ее деньгами не может организовать там антикубинские настроения. Но шеф полагает, что в Карибском регионе можно достичь многого, если мафию подключить как следует. Эти люди будут весьма полезны. Делу, безусловно, поможет подключение мафии к нашим

операциям в наркобизнесе. Они там превратят вложенный вами миллион в десять. Девять, конечно, стащат. Но это же не пустяк какой, это привяжет их к вам. Так как, беретесь? Господин Лерой Дж. смог бы сообщить по возвращении домой неплохие новости. Что касается господина К., то у него все в порядке. Ураган «Флора» его ошарашил, но, учитывая то, как американцы относятся к Кубе, ему удалось сохранить единство страны. Если американцы вдруг прекратят свою пропаганду и нападки и тому подобное или даже сделают один-два дружественных жеста, коротышка будет на седьмом небе. Я его не часто вижу. Он меня не беспокоит. Думаю, хочет остаться чистеньким. Но я получаю всю необходимую поддержку у его окружения. Понятно? А теперь пошли посмотрим, готов ли народ к отъезду. Сейчас 11:30, а «Красотка» из Блади-бей уйдет ровно в 12. Думаю, нас ожидает очень веселый день. Жаль, что наших шефов нет, посмотрели бы как мы рассчитаемся с англичанином.

— Ха! — сказал господин Хендрикс бесстрастным голосом.

Джеймс Бонд отодвинулся от двери. Он услышал, как Скараманга вставляет ключ в замок. Посмотрел вверх и зевнул.

Скараманга и господин Хендрикс взглянули на него. Выражение их лиц было слегка заинтересованным и задумчивым. Как будто Бонд был куском бифштекса и они раздумывали, как его съесть — сырым или слегка поджаренным.

13. Поезд уходит

В двенадцать часов все собрались в холле. Скараманга добавил к своему безупречному тропическому наряду белую широкополую шляпу «Стетсон». Он выглядел как богатый владелец плантаций с Юга. На господине Хендриксе был его обычный старомодный костюм. На голове серая шляпа. Бонд подумал, что ему не хватает, пожалуй, замшевых перчаток и зонтика. Четыре гангстера были одеты в рубашки типа «калипсо», навыпуск. Бонд обрадовался. Если оружие у них на поясе, то рубашки помешают его сразу выхватить. Машины во главе с автомобилем «Сандерберд», принадлежавшем Скараманге, выстроились снаружи. Скараманга подошел к столу, где стоял Ник Николсон, потирая руки, словно мыл их невидимым мылом.

— Все готово? На поезд все погрузили? На Грин-Айленд сообщили? Тогда порядок. Где это твой помощник, этот Травис? Я его сегодня не видел.

Ник Николсон посерьезнел.

— У него флюс, сэр. Дело плохо. Послал его в Саванна-Ла-Мар к врачу — вырвать зуб. К вечеру все будет в порядке.

— Жаль. Недоплати ему за полдня. Соням у нас не место. И так не хватает людей. Должен был залечить все свои клыки до поступления на работу. Понял?

— Понял, господин Скараманга. Я ему передам.

Скараманга вернулся к ожидавшей группе.

— Так вот, парни. Картина такая. Мы едем на машинах одну милю до станции. Садимся на паровозик, симпатичный такой. Парень по имени Люциус Бииб передал его компании «Сандерберд». Достал из подвижного состава старой доброй Денверской железнодорожной линии Саус-Парк — Тихий океан. Так вот. Мы, значит, поедем вдоль старой плантации сахарного тростника, это около двадцати миль в сторону бухты Грин-Айленда. Масса птиц, кустарниковые крысы. В протоках крокодилы. Может быть, немного поохотимся. Постреляем. Оружие у всех имеется? Прекрасно, прекрасно. Завтрак с шампанским на Грин-Адленде. Девушки и музыка будут тоже, чтобы мы не скучали. После завтрака грузимся на большой катер под названием «Сандерберд» и плывем до Лусса. Это небольшой городок на побережье. Там мы попробуем организовать обед. Те, кто не хочет ловить рыбу, могут забавляться с девочками. Хорошо? Затем вернемся сюда — на коктейль. Понятно?

Все довольны? Какие вопросы? Тогда поехали.

Бонду велели сесть на заднее сиденье машины. Кортёж тронулся. Снова ему подставили затылок! Нужно быть сумасшедшим, чтобы не прикончить Скарамангу сейчас! Но местность была открытой, спрятаться негде, а тут еще сзади целых пять пистолетов. Обстоятельства просто складываются не совсем удачно. Каков же план его устранения? Вероятно, это должно случиться во время охоты. Джеймс Бонд мрачно улыбнулся сам себе. Он был вполне счастлив. Хотя объяснить это чувство не мог. Он был взвинчен и внутренне напряжен. Это тот самый момент, когда после двадцати пасов у тебя на руках появляется, наконец, стоящая карта, с которой можно играть. Не обязательно выиграть, но играть. За этим человеком он охотился больше полутора месяцев. Сегодня, вероятно этим утром, он должен сделать то, что ему приказано. Ситуация ясна — кто кого. Шансы? Его предварительная осведомленность давала некоторое преимущество. Он лучше подготовился к бою, чем предполагал противник. Но у противника было большое войско. Их было много. И войско это, даже если говорить только о Скараманге, — наиболее боеспособные. Оружие? И снова, не принимая в расчет остальных, у Скараманги преимущество. Длинноствольный «Кольт» 45-го калибра он вытащит на мгновение позже Бонда. Но длина ствола обеспечивала большую точность стрельбы по сравнению с «Вальтером» Бонда. Скорострельность? У «Вальтера» должно быть небольшое преимущество — отсутствие патрона в стволе пистолета Скараманги. Если он этого не заметил, то у Бонда появится дополнительный шанс. Твердая рука? Холодная голова? Желание убить? Как можно все это оценить? Что касается оружия и его скорострельности, то выбора не было. Бонд, просто от безысходности, он мог быть более удачлив в стрельбе. Здесь, однако, надо быть начеку. Он должен, погасить пламя, бушевавшее в нем. Стать абсолютно спокойным. Жажда смерти, чужой, конечно, сейчас, вероятно, у него преобладала. Еще бы. Он борется за свою жизнь. А они просто развлекаются. Скараманга организовал для своих друзей аттракцион. Показывает, что все может. Выпендривается. Это хорошо! Это может быть решающим фактором! Бонд приказал себе попробовать еще больше усыпить бдительность Скараманги, усилить его уверенность в себе, заставить потерять чувство осторожности. Он должен стать карикатурным англичанином, англичанином из мультяшек. Он должен изобразить, что взять его легче легкого. Джеймс Бонд почувствовал сильное возбуждение, ему словно адреналин в кровь ввели. Пульс участился. Он знал это. И стал дышать глубоко и медленно, чтобы справиться с волнением. Он заметил, что сидит, сильно наклонившись вперед, очень напряженно. Он откинулся на спинку сиденья и попытался расслабиться. В общем, ему это удалось, однако правая рука все еще была тяжелой. Такое впечатление, что ее контролировал кто-то другой. Лежа на правом бедре, она время от времени сжималась, как лапа собаки, продолжавшая во сне ловить кроликов.

Он засунул руку в карман пиджака и стал наблюдать за грифом, кружащим в небе. Он представил себя этой птицей, представил, что выискивает сейчас раздавленную жабу или дохлую кустарниковую крысу. Круживший в выси гриф нашел свою падаль и стал спускаться все ниже и ниже. Бонд пожелал птице приятного аппетита. Хищник внутри него пожелал стервятнику хорошего обеда. Он улыбнулся от этого сравнения. Они оба шли на запах падали. Основной разницей между ними было лишь то, что гриф охранялся законом. Никто не стал бы стрелять в него при последнем броске на добычу. Удивившись его мыслям, правая рука Бонда появилась из его кармана и зажгла ему сигарету, она проделала эту операцию спокойно и послушно. Она прекратила самостоятельную охоту за кроликами.

Железнодорожная станция была великолепным макетом времен узкоколеек Колорадо — приземистое здание из выцветшей дранки с карнизом, украшенным пышным орнаментом. Ее название — станция «Сандерберд» — было написано почти

готическим шрифтом в виде орнамента с глубокими насечками. Висели объявления: «Жуйте „Роузлиф файн“ — прекрасный виргинский табак», «Поезда идут со всеми остановками» и «Чеки не принимаются». Паровоз, переливаясь черным и желтым лаком и начищенной медью, был похож на драгоценный камень. Стоял, тихо отдуваясь, залитый солнечным светом. Завиток черного дыма поднимался вверх из высокой трубы за большим медным прожектором, установленным в передней части паровоза. У него было собственное имя — «Красотка», которое светилось на вычурной медной пластинке, расположенной на блестящем черном корпусе паровоза. Его номер — № 1 — был нанесен на такую же пластину, помещенную под носовым прожектором. К паровозу был прицеплен только один вагон. Открытого типа с поролоновыми сиденьями и легкой крышей, накрытой для защиты от солнца бледно-желтым полотнищем, обрамленным бахромой. Сзади вагона находилась тормозная площадка, тоже в черных и желтых тонах, с роскошным креслом, украшенным позолоченными ручками, кресло стояло позади обычного колеса привода тормоза. Это была изумительная игрушка, был даже старинный гудок, который издал резкий предупреждающий сигнал.

Скараманга кипел энергией.

— Народ, вы слышите, поезд дал гудок! Все по местам!

Напряжение спало. К ужасу Бонда Скараманга вытащил свой золотой пистолет, направил его в небо и нажал курок. Прошло мгновение, и он выстрелил снова. Сильный звук выстрела эхом отразился от стены станции. Начальник станции в сверкающей старинной униформе занервничал. Он положил в карман часы — большую серебряную луковицу, которые держал в руке, и предусмотрительно отступил назад. На боку у него висел зеленый флажок. Скараманга проверил пистолет. Задумчиво взглянул на Бонда.

— Ну что ж, мой друг, — сказал он. — Ты, в таком случае, встанешь впереди, рядом с машинистом.

Бонд счастливо улыбнулся.

— Спасибо. Я с детства мечтал прокатиться именно так. Это правда здорово!

— Ну, раз ты и сам хочешь, — сказал Скараманга и повернулся к остальным. — А вы, господин Хендрикс, на первое сиденье за угольным тендером, пожалуйста. Затем Сэм и Лерой. Потом Хал и Луи. Я буду на тормозной площадке. Хорошее место для наблюдения за дичью. Ну что ж, в путь?

Все заняли свои места. Начальник станции успокоился, стал поглядывать на часы, вынул флажок. Паровоз издал торжествующий гудок и, пытаясь, отправился в путь. Они катили по узкоколейке, которая, прямая как стрела, исчезала в мерцающем блеске серебра.

Бонд посмотрел на указатель скорости. Стрелка застыла на цифре двадцать. Он впервые обратил внимание на машиниста. Тот был похож на злодейского вида «растафари», на нем был грязный комбинезон цвета хаки. На лбу повязана мокрая от пота тряпка. Между тонкими усиками и взлохмаченной бородой изо рта свисала сигарета. От него исходил ужасный запах.

— Меня зовут Марк Хэзард, — сказал Бонд, — а тебя?

— Рэсс, парень! И с «букра» я не разговариваю.

Слово «Рэсс» на Ямайке означало «не бренчи». «Букра» — грубое разговорное выражение, означавшее «белый человек».

Бонд ничуть не обиделся.

— А я думал, что ваша религия учит любить ближних.

«Растафари» дал сильный протяжный гудок. Когда звук затих, он выразился еще короче:

— Дерьмо! — открыл дверцу топки и лопатой стал подбрасывать уголь.

Бонд незаметно оглядел кабину. Точно. Вот она! Длинная ямайская сабля с

лезвием, заточенным на целый дюйм, и острейшим концом. Она висела на крюке рядом с рукой машиниста. Быть может, именно таким образом с ним и собирались расправиться? Вряд ли. Сначала совершат свой подвиг, выдержанный в подходящем случае драматическом стиле, но ему обязательно нужно алиби. Вторым палачом будет Хендрикс. Бонд посмотрел назад через низкий угольный тендер. Его глаза встретились с ничего не выражающим взглядом Хендрикса. Бонд постарался перекричать железный грохот паровоза:

— Очень здорово! Что?

Хендрикс отвел глаза, затем снова посмотрел на Бонда. Бонд согнулся, чтобы заглянуть под крышу вагона. Остальные четверо сидели неподвижно и тоже смотрели на Бонда. Бонд игриво помахал рукой. Ответа не последовало. Значит, им все сказали! Для них Бонд всего лишь шпион, и это его последняя поездка. По их понятиям, он уже «поплыл», с ним все ясно. Было очень неуютно стоять под огнем десяти неприятельских глаз, которые уставились на него, как десять пистолетных стволов. Бонд выпрямился, теперь верхняя часть его тела, как мишень на стрельбище, находилась выше крыши вагона, и он смотрел прямо на желтую поверхность полотнища, на то место, где сидел Скараманга на своем уединенном троне. До него было, вероятно, футов двадцать, вся его фигура на виду. Он также смотрел вниз на Бонда. Последний скорбящий в похоронной процессии, а хоронили, конечно, Джеймса Бонда. Бонд весело помахал рукой и отвернулся. Он расстегнул пиджак, и на мгновение прохладная рукоятка пистолета вернула ему уверенность. Он прикоснулся к карману брюк. Три запасных обоймы. Ага. Хорошо! С собой он заберет их столько, сколько сможет. Он откинул прикрепленное к стенке сиденье и присел. Никакого смысла делать из себя мишень раньше времени. «Растафари» щелчком выбросил свою сигарету из окошка и закурил другую. Паровоз ехал сам по себе. Он прислонился к стенке кабины и уставился в пустоту.

Домашнее задание Бонд делал по геодезической карте с масштабом 1:50000, выполненной иностранным отделом, которую Мэри предоставила в его распоряжение. Он абсолютно точно знал весь маршрут, по которому пролегалла эта узкоколейка. Сначала на протяжении пяти миль будет плантация сахарного тростника, мимо высоких зеленых стен которого они сейчас проезжали. Затем должна быть Мидл-ривер, потом начнутся обширные болота, которые сейчас потихоньку осушали. Но на карте они все еще значились как «Топь». Затем пойдет Орэндж-ривер, которая впадает в Орэндж-бей. Потом опять сахарный тростник смешанный лес и небольшие сельскохозяйственные наделы, и так до небольшой деревушки на Грин-Айленде, расположенной прямо у отличной якорной стоянки в бухте Грин-Айленда.

В сотне ярдов впереди с рельсов взлетел гриф и после нескольких мощных взмахов, поймав восходящий поток воздуха, стал, поднимаясь, удаляться. Прогредел выстрел из пистолета Скараманги. Из огромного правого крыла гигантской птицы выпало и упало, кружась, перо. Гриф отвернулся в сторону и взмыл выше. Прозвучал второй выстрел. Птица дернулась и стала беспорядочно падать вниз. После того как в нее попала третья пуля, птица дернулась еще раз, прежде чем рухнуть в заросли сахарного тростника. Из-под желтой крыши слышались аплодисменты. Бонд высунулся из окошка.

— Это будет стоить вам пять фунтов, — прокричал он Скараманге, — если заранее не договорились с «растафари». Штраф за убийство грифа.

Рядом с головой Бонда просвистела пуля. Скараманга рассмеялся.

— Извини. Мне показалось, что я увидел крысу. Ну-ка, господин Хэзард, — продолжал он, — давай посмотрим, как ты стреляешь. Впереди, почти на путях, пасется скот. Посмотрим, сможешь ли попасть в корову с расстояния в десять шагов.

Громили заготовали. Бонд снова высунул голову. Скараманга держал пистолет у

бедра. Краешком глаза он увидел, что господин Хендрикс, приблизительно футах в десяти сзади от него, сунул правую руку в карман пиджака.

— Я никогда не стреляю дичь, которую не ем, — прокричал Бонд. — Если вы съедите всю корову, тогда пристрелю специально для вас.

Бонд нырнул под прикрытие угольного тендера, но вспышку успел заметить, услышал и звук выстрела. Скараманга хрипло рассмеялся.

— Говори, да не заговаривайся, англичашка, а то как бы без языка не остался.

Громилы снова заготали.

Рядом с Бондом выругался «растафари». И дал пронзительный гудок. Бонд посмотрел на пути. Далеко впереди поперек пути лежало нечто розовое. Не переставая остервенело гудеть, машинист потянул за рычаг. Из выпускного клапана паровоза с шипением вырвался пар, поезд начал снижать ход. Прозвучало два выстрела. По железной крыше над головой Бонда лязгнули пули.

— Держи пар, черт бы тебя побрал! — прокричал Скараманга сердитым голосом.

«Растафари» мгновенно вернул рычаг в прежнее положение, и скорость поезда возросла до прежних двадцати миль в час. Он взглянул на Бонда и облизал губы.

— Там какая-то белая дрянь на рельсах. Думаю, что кто-то из друзей босса.

Бонд напряг глаза. Да! Это было голое розовое тело с золотисто-русыми волосами! Тело девушки!

Ветер принес громогласный голос Скараманги.

— Эй, ребята. Небольшой сюрприз для всех вас. Нечто из хороших старых ковбойских фильмов. Впереди на рельсах девушка. Она привязана поперек пути. Посмотрите. И знаете что? Это подружка одного типа, о котором мы слышали, кажется, его зовут Джеймс Бонд. Нет, каково! А ее зовут Гуднайт, Мэри Гуднайт. Ну что ж, спокойной ночи, детка, усни навечно. Вот коли этот парень Бонд находился бы в поезде, мы, я думаю, услышали бы, как он завыл о пощаде.

14. Топь

Джеймс Бонд прыгнул к рычагу регулятора скорости и рванул его вниз. Паровоз лишился большей части пара, но до цели оставалось не больше сотни ярдов. Теперь девушку могли спасти только тормоза, которые на тормозной площадке контролировал Скараманга. «Растафари» схватился за саблю. Огоньки топки играли на ее лезвии. Он отступал назад, как загнанный в угол зверь. Глаза у него были красные от гашиша и от страха перед пистолетом в руках Бонда. Ничего не сможет теперь спасти девушку! Бонд, зная, что Скараманга ожидает его появления с правой стороны тендера, прыгнул влево. Хендрикс доставал оружие. Прежде чем он смог прицелиться. Бонд влепил ему пулю прямо между холодных глаз. Голова Хендрикса откинулась назад. На мгновение в широко открытом рту показались стальные коронки. Серая шляпа свалилась, и тело рухнуло на пол. Золотой пистолет выстрелил дважды. Пуля срикошетила в кабине. «Растафари» взвизгнул и упал, хватаясь за горло. На его руку все еще был намотан шнур от гудка, и паровозик, не переставая, печально гудел и гудел. Еще пятьдесят ярдов! Золотистые волосы свисали, закрывая лицо. Были четко видны веревки на запястьях и лодыжках. Обнаженные груди были обращены в сторону пыхтящего паровоза. Бонд скрипнул зубами и отключил свой разум, чтобы не слышать ужасного хруста, конец должен был наступить в любую секунду. Он снова прыгнул влево и произвел три выстрела. Ему показалось, что по крайней мере два из них должны были попасть в цель. В этот момент что-то со страшной силой ударило его в левое плечо. Удар сшиб с ног, он рухнул на железный пол кабины. Лицо уткнулось в край подножки. И оттуда на расстоянии всего лишь нескольких дюймов от себя он увидел, как передние колеса

переехали тело, находившееся на рельсах. Он увидел, как белокурая голова откатилась, отделившись. Увидел последний пустой взгляд васильковых глаз. Он увидел, как манекен из демонстрационного зала рассыпался на мелкие кусочки с резким треском раздавливаемой пластмассы и розовые осколки усыпали насыпь.

Джеймс Бонд подавил тошноту, которая поднималась из желудка к горлу. Он с трудом поднялся на ноги, стараясь не вставать во весь рост. Протянул руку к регулятору скорости и вернул рычаг в верхнее положение. Решающее сражение вокруг стоящего поезда чревато непредвиденными случайностями, которые могут свести на нет его усилия. Боли в плече он почти не ощущал. Бонд выглянул с правой стороны тендера. Раздалось четыре выстрела. Он нырнул обратно в укрытие. Теперь в бой вступили и остальные громилы, но огонь их был неприцельным, им мешал навес крыши. Но то, что Бонд успел заметить, буквально потрясло его, он увидел великолепное зрелище. На тормозной площадке Скараманга сполз со своего трона и стоял на коленях. Его голова раскачивалась из стороны в сторону, как у раненого зверя. Куда же, черт возьми, Бонд попал? И что теперь будет? Как справиться с четырьмя бандюгами, которые надежно от него укрыты, как, впрочем, и он от них?

И вдруг откуда-то с хвостовой части поезда раздался голос. А раздаваться он мог только с тормозной площадки — голос Феликса Лейтера, перекрикивающий вой паровозного гудка:

— О'кей. Ну-ка, вы, четверо, бросай оружие. Ну! Быстро! — Раздался выстрел. — Я сказал — быстро. Вот видите, господин Дженджерелла уже отправился на встречу со своим создателем. Порядок. А теперь руки на затылок. Так-то лучше. Хорошо. Порядок, Джеймс. Сражение окончено. Как ты там? Если все хорошо — покажись. Нам еще предстоит опустить занавес, и поэтому надо пошевеливаться.

Бонд осторожно поднялся. Он едва верил своим ушам! Должно быть, Лейтер ехал с ними на буфере тормозной площадки. У него не было возможности проявить себя раньше, он опасался стрельбы, открытой Бондом. Да! Вот он! Стоит над распростертым теперь телом Скараманги у тормозного колеса. Ветер шевелит его русые волосы. Протез руки в виде крюка он использовал в качестве опоры для длинноствольного пистолета. Бонд почувствовал адскую боль в плече, и он заорал, со зла и от чувства необыкновенного облегчения:

— Лейтер, зараза! Какого черта ты не вылез раньше? Меня же могли прихлопнуть.

Лейтер рассмеялся.

— Ну и денек! А теперь слушай, детектив. Приготовься прыгать. Чем больше будешь ждать, тем дольше тебе придется брести домой. Я останусь с этими парнями еще немного и сдам их в полицию в Грин-Айленде. — Он покачал головой, чтобы Бонд понял, что он нагло врет. — Давай двигай! Здесь трясина. Приземлишься мягко. Немного воняет, конечно, но, когда придешь домой, мы тебя сбрызнем одеколоном. Договорились?

Поезд проходил над дренажной трубой, и звук издаваемый колесами, стал глухим. Бонд посмотрел вперед. В отдалении виднелась паутина металлических конструкций моста через Орэндж-ривер. Все еще гудящий паровоз терял пар. Стрелка показывала девятнадцать миль в час. Бонд посмотрел на мертвого «растафари». Даже в смерти его лицо было таким же ужасным, как и при жизни. Гнилые зубы, источенные употреблением сахарного тростника с раннего детства, обнажились в замороженном оскале. Бонд быстро осмотрел пространство под полотнищем навеса. Лежащее тело Хендрикса раскачивалось в такт движению поезда. Капли пота все еще блестели на его одутловатых щеках. Даже в виде трупа он не вызывал симпатий. На сиденье сзади него находился Дженджерелла, которому пуля Лейтера вошла в затылок и изуродовала почти все лицо. Три гангстера глазели на Бонда с видом побитых собак. Они не ожидали всего этого. Ведь сегодня им

обещали праздник. И оделись они соответственно — в яркие рубашки «калипсо». Они не могли не поверить ни разу не побежденному, да просто непобедимому, Скараманге. Еще несколько минут назад его золотой пистолет вселял в них уверенность в том, что слово он сдержит. Теперь вдруг все изменилось. Как говорят арабы, когда умирает великий шейх или когда он лишает их своей защиты: «Тень ушла, кто защитит нас теперь!» Оружие было нацелено на них со всех сторон. Поезд продолжал медленно крутить колесами, двигаясь в то никуда, о котором раньше они ничего не слышали. Гудок стонал. Солнце нещадно палило. Ужасная вонь топи, великой трясины, ударила в нос. Они были не у себя дома. Все было очень плохо, действительно плохо. Организатор поездки бросил их на произвол судьбы. Двоих из них убили. Даже оружие у них отобрали. Грубые лица, бледные, как луна, с мольбой смотрели на Бонда. Луи Пэрадайз губами, пересохшими от ужаса, надтреснутым голосом произнес:

— Миллион долларов, господин, миллион, если вы нас отпустите. Клянусь матерью. Миллион!

Лица Сэма Биньона и Хала Гарфинкела просветлели. Появилась надежда!

— И еще миллион.

— И еще! Клянусь головкой моего малыша.

Феликс Лейтер сердито заорал, в голосе слышалась паника:

— Прыгай! Черт тебя побери, Джеймс! Прыгай!

Джеймс Бонд встал в кабине, не слушая умоляющих голосов, раздававшихся из-под навеса крыши. Эти люди хотели посмотреть, как его будут убивать. Они сами были готовы убить его. Сколько же покойников числилось за каждым из них? Бонд встал на ступеньку кабины, выбрал момент и перелетел через насыпь в мягкое объятие вонючей мангровой лужи.

Его падение в грязь вызвало еще более сильное зловоние. Огромные пузыри болотного газа стали подниматься на поверхность и лопаться с вязким звуком. Закричала птица, забила крыльями в листве. Джеймс Бонд, по колени в грязи, выбрался на край болота. У него сильно разболелось плечо. Он присел на корточки и почувствовал приступ рвоты.

Когда он поднял голову, то увидел, как Лейтер выбросился с тормозной площадки на расстоянии добрых двухсот футов от него. Кажется, он неудачно приземлился, он не вставал. А затем в нескольких ярдах от длинного железного моста через лениво текущую реку с поезда, в объятия мангровых прыгнула еще одна фигура, высокая, в шоколадном костюме. Сомнений не было! Скараманга! Бонд тихо ругнулся. Какого черта Лейтер не выстрелил еще раз ему в голову? Теперь задание не выполнено. Только перетасованы карты. Конец игры все еще впереди!

Визг неуправляемого поезда сменился на рев, когда он въехал на пролеты длинного моста. Бонд рассеянно смотрел на поезд, думая, когда же выйдет весь пар. Что же теперь будут делать гангстеры? Убегут в горы? Восстановят контроль над поездом и доедут до Грин-Харбор, или попытаются уплыть на «Сандерберде» на Кубу? Ответ не заставил себя долго ждать. На середине моста паровоз встал на дыбы, как разъяренный жеребец. Одновременно послышался раскат грома и появилось огромное огненное облако. Центральная часть моста провалилась вниз и выглядела как согнутая нога. Куски разорванного железа разлетелись по сторонам и вверх. Послышался треск подламывающихся опор, которые стали медленно клониться к воде. Разбитая игрушка — какая «Красотка»! — сложилась пополам и в гигантском облаке железных и деревянных обломков, подняв вулкан брызг и пара, рухнула в геенну огненную.

Наступила оглушающая тишина. Где-то сзади Бонда лениво заквакала разбуженная древесная лягушка. Четыре белых цапли, вытянув от любопытства шеи, подлетели к обломкам. Вдалеке, высоко в небе, появились черные точки, они стали

приближаться, делая ленивые круги. Шестым чувством грифы поняли, что взрыв означал катастрофу, то есть нечто, в результате чего может появиться пища. Солнце било лучами по серебряным рельсам. В нескольких ярдах от места, где лежал Бонд, яркими переливами порхали стайки желтых бабочек. Бонд медленно и целенаправленно двинулся вдоль пути по направлению к мосту. Сначала найти Феликса Лейтера, а затем начать преследование самого Скараманги.

Лейтер лежал в вонючей грязи. Его левая нога была странно согнута. Бонд подошел к нему, приложив палец к губам. Он встал на колени рядом с ним.

— Почти ничего не смогу сейчас сделать для тебя, приятель, — тихо сказал он. — Держись, я оттащу тебя в тень. Скоро здесь появятся люди. А я должен преследовать этого ублюдка. Он где-то здесь, недалеко от моста. Почему ты решил, что он готов?

Лейтер застонал больше от злости на себя, чем от боли.

— Все было залито кровью. Его рубашка была вся пропитана ею. — Он говорил прерывающимся шепотом, сквозь сжатые губы. — Глаза закрыты. Думал, что, если он еще не готов, взлетит на воздух с остальными на мосту. — Лейтер слабо улыбнулся. — А как тебе понравилась эта штука, этот трюк из фильма «Мост через реку Квай»? Все прошло нормально?

Бонд поднял большой палец.

— Настоящий праздничный фейерверк, как 4 июля в День независимости. Крокодилы сейчас рассаживаются за столом. А этот чертов манекен! Чуть было не угробил меня. Ты, что ли подложил его?

— Конечно. Извини, если что. Господин С. велел мне это сделать. Ну а заодно я все организовал для взрыва моста. Понятия не имел, что твоя девушка блондинка и что ты можешь клюнуть на это.

— Чертовски глупо с моей стороны, я понимаю. Хотя он и поймал ее вчера вечером. Ну а теперь двигайся. Вот тебе патрон. Кусай пулю. Говорят помогает. Будет очень больно, но я должен перетащить тебя в укрытие, в тень.

Бонд взял Лейтера под мышки и осторожно, насколько мог, поволок его на сухое место под большим мангровым кустом, стоявшим над водой. У Лейтера от боли на лбу выступили капли пота. Бонд прислонил его к корневищам. Лейтер застонал, и его голова откинулась назад. Бонд участливо посмотрел на него. Обморок, вероятно, для него сейчас лучшее успокаивающее средство. Он вытащил пистолет Лейтера из кобуры на поясе и положил его рядом с его левой единственной рукой. Бонд понимал, что бой еще не кончен, что ему еще придется несладко. И если случится худшее, то Скараманга явится и за Феликсом.

Бонд заковылял вдоль мангровых деревьев к мосту. Какое-то время ему придется идти по более или менее открытой местности. Он молил бога, чтобы ближе к реке болото сменилось более сухим участком и он смог пробраться к морю, а затем срезать дорогу к реке и постараться найти следы Скараманги.

Был час дня, и солнце стояло уже высоко. Джеймс Бонд очень устал, и ему сильно хотелось пить. Рана отзывалась болью в плече при каждом ударе пульса. Из-за нее у него появились признаки лихорадки. День и ночь он мечтал об одном — настичь противника, а теперь, когда шел по следам добычи, как ни странно, он думал совершенно о другом: мысленно он представлял себе почему-то буфет с шампанским, который ждал их всех живых и мертвых на Грин-Айленде. На мгновение он дал волю воображению. Буфет устроили под деревьями: так это ему виделось. Рядом с вокзалом. Там стоят длинные столы на козлах. Скатерти без единого пятнышка, ряды стаканов, тарелок, ножей и вилок. Большие блюда с холодными закусками — салат из омаров, разные мясные закуски. И горы фруктов — ананасы и тому подобное: это для экзотики, чтобы все было в ямайском стиле. Может быть, даже подадут горячее, подумал он. Что-нибудь вроде жареного поросенка,

фаршированного рисом и горошком. Горячее, наверное, не по погоде, решил Бонд, но для большей части Грин-Айленда настоящее пиршество начнется, когда «туристы» уедут. И будет выпивка! Шампанское в замороженных серебряных ведерках, ромовый пунш, виски разных сортов и, конечно, высокие стаканы с ледяной водой, которую разольют только тогда, когда паровоз даст гудок, предупреждая о своем прибытии на миниатюрную веселую станцию. Бонд живо представил себе все это. Каждую мелкую деталь того, что устроили в тени больших фикусовых деревьев. Цветные официанты в белых перчатках и униформе, соблазняющие его новыми угощениями — вот еще, пожалуйста, и так без конца, под мягкий плеск воды в бухте. А чуть дальше — оркестр, гипнотизирующие ритмичные звуки калипсо и нежные призывные глаза девушек. И над всем этим возвышается точеная фигура, здесь царит, правит пиршеством любезный хозяин с тонкой сигарой в зубах. Широкополая белая шляпа надвинута на самые брови, и он предлагает Бонду еще один бокал ледяного шампанского.

Джеймс Бонд споткнулся о корень мангра, протянул правую руку, чтобы удержаться за ветку куста, но промахнулся, снова споткнулся и тяжело упал. Он лежал некоторое время, пытаясь определить, сколько же шуму наделал. Вроде бы не так много. Ветер, дующий с моря, гнал рябь по топи. От реки, протекавшей в сотне ярдов отсюда, также слышался тихий звук — медленное течение. К нему добавлялись звуки, издаваемые сверчками и птицами. Бонд встал на колени, потом поднялся на ноги. О чем, черт побери, он думает? Совсем с ума сошел, идиот! Нужно заниматься работой! Он тряхнул головой, прогоняя дурацкие мысли. Любезный хозяин! Черт его побери! Он как раз собирался убить этого любезного хозяина! Бокалы ледяного шампанского? Ну и денек! Он сердито потряс головой. Сделал несколько глубоких медленных вдохов. Он знал симптомы. Это было не что иное, как нервное истощение, да плюс — он готов был допустить и такое — еще небольшая температура. Теперь главное сконцентрироваться и смотреть в оба. И сохрани, господь, и помилуй — никакой бредятины! С новыми силами, весело, решительно он выкинул из головы все миражи и огляделся, чтобы определить свое местонахождение.

Наверное, до моста оставалось еще сотня ярдов. Слева от Бонда мангровых деревьев было меньше. Грязь засохла и растрескалась. Но все еще можно было видеть влажные участки. Бонд поднял воротник пиджака, чтобы прикрыть белую рубашку. Он прошел еще двадцать ярдов вдоль полотна дороги, затем повернул налево в заросли мангра. Он обнаружил, что если ступать ближе к корням деревьев, то идти становится не так затруднительно. По крайней мере, там не было сухих веток или листьев, которые при ходьбе трещали и шуршали. Он старался идти, насколько это возможно, параллельно реке, но участки с густым кустарником заставляли его делать небольшие отклонения, приходилось вычислять направление, ориентируясь на сухие места и небольшие подьемы почвы, начинавшиеся ближе к реке. Его уши, настроенные, как у зверя, ловили малейший звук. Глаза прочесывали заросли, находившиеся впереди.

Берег реки, покрытый илом, был испещрен норками земляных крабов, то тут, то там валялись обломки их панцирей, все, что остается от крабов после того, как они становятся жертвами больших птиц или мангустов. Впервые почувствовал Бонд укусы moskitov и других мошек. Он боялся как-нибудь нашуметь и поэтому лишь изредка осмеливался мягко шлепать по ним носовым платком, который очень скоро стал мокрым от крови.

По предположениям Бонда, он прошел уже ярдов двести в глубь топи, когда услышал сдержанное покашливание.

15. Крабам на закуску

Кашлянули где-то на расстоянии ярдов двадцати со стороны реки. Бонд опустился на одно колено, его чувства были обострены до предела и подобны усикам насекомых, при помощи которых они получают всю необходимую информацию. Он подождал пять минут. Кашля больше не последовало, и он пополз вперед на руках и коленях, держа пистолет в зубах.

На небольшой поляне, где грязь подсохла и растрескалась, он наконец увидел его. Бонд остановился на месте, стараясь дышать ровно.

Скараманга лежал, вытянувшись во весь рост, опершись на переплетенные, раскинувшиеся во все стороны корни мангового дерева. На нем не было ни шляпы, ни широкого шарфа, и вся правая сторона костюма была темной от крови, по ней ползали насекомые, устроив себе пир. Но глаза на безучастном к этому лице все еще горели живым огнем. Через определенные промежутки времени он окидывал поляну пристальным взглядом. Руки Скараманги лежали вдоль тела на корнях. Пистолета не было видно.

Вдруг лицо Скараманги вытянулось, как у охотничьей собаки, и блуждающий до этого, а теперь внимательный взгляд замер на одном месте. Бонд сначала не видел, что привлекло его внимание, но затем на краю поляны возникла пятнистая тень, и большая змея, красиво раскрашенная ромбами темного и светло-коричневого цвета, стала двигаться зигзагами, направляясь по засохшей грязи прямо к Скараманге.

Бонд смотрел, зачарованный. Кажется, это был удав из какого-то их семейства, его привлек запах крови. Удав был футов пяти длиной и совершенно не опасен для человека. Бонд гадал, знал ли об этом Скараманга. Сомнения его тут же рассеялись. Выражение лица Скараманги не изменилось, но правая рука осторожно заскользила вниз по штанине брюк, он поднял отворот на брючине и вытащил из-за короткого техасского сапога тонкий, похожий на стилет, нож. Он выжидал, держа нож наготове на животе, он не зажимал оружие в кулак, вероятно, это был нож с выстреливающим лезвием. Змея остановилась на мгновение в нескольких ярдах от Скараманги, высоко подняла голову, чтобы хорошо разглядеть лежащего человека. Раздвоенный язык то и дело, словно проявляя любопытство, высовывался наружу; подняв голову от земли, удав медленно двигался вперед.

На лице Скараманги не дрогнул ни один мускул. Только глаза, маленькие щелки, не моргая, внимательно следили за змеей. Удав вполз в тень от брючины и медленно стал двигаться к окровавленной рубашке. Внезапно стальное лезвие, лежавшее на животе Скараманги, ожило и стремительно полетело в сторону змеи. Оно пронзило голову удава точно в центре, вонзилось в мозг и припилило голову к земле, в то время как могучее тело рептилии не переставало биться в конвульсиях, пытаясь зацепиться за мангровые корни или за руку Скараманги. Но как только это удавалось, кольца тут же теряли свою упругость и раскручивались в другую сторону.

Борьба за жизнь, которую вел удав, стала стихать и наконец совсем прекратилась. Змея лежала неподвижно. Скараманга проявил осторожность. Он провел рукой вдоль всего тела удава. Только кончик хвоста слегка дернулся. Скараманга вытащил нож из головы рептилии, одним сильным ударом отсек голову и, помедлив секунду, бросил ее очень прицельно по норке краба. Он подождал, наблюдая, не вылезет ли какой-нибудь краб и не утащит ли ее. Краб не появился. Звук от упавшей змеиной головы заставит любого краба замереть под землей на несколько минут, хотя запах того, что произвело этот звук, был очень соблазнительным.

Джеймс Бонд наблюдал за всем очень внимательно, он продолжал стоять в кустах на коленях и не упускал ни единой подробности. Все действия Скараманги, каждое мимолетное выражение лица свидетельствовали о том, что он в сознании, что способен воспринимать окружающий мир, что он жив. Эпизод со змеей был так

же красноречив, как температурный градусник или детектор лжи. По мнению Бонда, Скараманга, несмотря на потерю крови и внутренние повреждения, еще стоил многого. Он все еще оставался человеком очень опасным и страшным.

Покончив с удавом, Скараманга слегка изменил свое положение и снова внимательным взглядом прошупал поляну и кусты вокруг нее.

Так как глаза Скараманги не задержались на том месте, где находился Бонд, тот возблагодарил судьбу, что на нем был темный костюм — черное пятно среди многих других темных пятен тени. Бонд словно надел маскировочный халат, все предметы под лучами полуденного солнца отбрасывали резкие тени, делавшие его невидимым.

Удовлетворенный осмотром, Скараманга подобрал безжизненное тело змеи, положил его себе на живот и аккуратно разрезал вдоль нижней части до самого анального отверстия. Затем он тщательно содрал с удава кожу, делая точные надрезы, как опытный хирург. Обнажилось красное мясо, Скараманга принялся резать его на кусочки, те, что ему не нравились, он бросал в сторону крабьих норок; после каждого броска на неподвижном лице возникало выражение раздражения, потому что ни один краб пока так и не вылез, чтобы подобрать «крошки со стола богача». Пригласив крабов к обеду, он еще раз внимательно обвел глазами кусты и после этого очень осторожно кашлянул и сплюнул в руку. Потом внимательно посмотрел на свою ладонь, затем отвел руку в сторону. На черной земле слюна растеклась ярким розовым пятном. Казалось, кашель не вызвал у него боли. Бонд догадался, что пуля попала в правую сторону груди Скараманги и прошла мимо легкого. У Скараманги было внутреннее кровотечение, его надо бы доставить в больницу; промокшая от крови рубашка, впрочем, могла скрывать и другую рану.

Довольный результатом осмотра местности, Скараманга принялся за трапезу, он был похож на собаку, занятую костью, голодный и мучимый жаждой, он был поглощен едой, наслаждаясь кровью и соком змеиного мяса.

У Бонда было такое впечатление, что стоит ему сейчас выйти из своего укрытия, и Скараманга, как зверь, оскалит зубы и злобно зарычит. Он тихонько поднялся с колен, взял в руки пистолет и, не спуская глаз со Скараманги, спокойно вышел на середину маленькой поляны.

Бонд ошибся. Скараманга не зарычал. Он просто поднял глаза от куска змеиного мяса, которое держал в руке, и промычал полным ртом:

— Долго же ты шел. Хочешь закусить?

— Нет, спасибо. Я предпочитаю змею, зажаренную в горячем масляном соусе. Ешь, ешь. Мне нравится, когда у тебя руки заняты.

Скараманга ухмыльнулся. Он жестом указал на свою окровавленную рубашку.

— Боишься умирающего человека? Все вы, англичашки, чересчур осторожны.

— Этот умирающий весьма ловко справился со змеей. Есть при себе какое-нибудь оружие? — Скараманга сделал движение, чтобы расстегнуть пиджак. — Спокойно! Никаких резких движений. Просто покажи пояс, подмышки, похлопай по бедрам спереди и сзади. Я бы сделал это и сам, но не хочу оказаться на месте удава. И прежде чем делать то, что я сказал, выбрось нож в заросли. Выбрось. И не вздумай метнуть, а то сам понимаешь. Палец на курке после сегодняшней передряги у меня так и дергается; такое впечатление, что он сам по себе. Все может быть. Мне бы не хотелось, но поделаться ничего не могу.

Скараманга кистевым взмахом подбросил нож вверх, сталь серебристого цвета заиграла, переливаясь, под лучами солнца. Бонду пришлось сделать шаг в сторону. Нож вонзился в грязь на том месте, где он только что стоял. Вонзился в землю вертикально. Скараманга резко рассмеялся. Смех перешел в кашель. Изможденное лицо исказилось от боли. Скараманга сплюнул красным, но не одной кровью. Наверное, внутреннее кровотечение не было сильным. Должно быть, сломал одно-два ребра, может выйти из больницы через пару недель. Скараманга отложил

недоеденный кусок змеиного мяса и исполнил точно все то, что Бонд велел ему сделать; он не спускал глаз с Бонда, взгляд его был прежним — холодным и надменным. Закончив с этой процедурой, Скараманга вновь принялся есть. Он поднял глаза.

— Доволен?

— Вполне. — Бонд присел на корточки. Он держал свой пистолет свободно, направив дуло куда-то посередине между собой и Скарамангой. — Ну а теперь давай поговорим. Боюсь, у тебя осталось не слишком много времени. Скараманга, это конец дороги. Ты убил слишком многих моих друзей. У меня есть официальное разрешение убить тебя, и я намерен выполнить приказ. Тянуть не стану. Не поступлю с тобой, как ты с Маргессоном. Помнишь такого? Ты прострелил ему оба колена и обе руки. А потом заставил его ползти и целовать твои сапоги. Ты по глупости рассказал об этом своим друзьям на Кубе. О твоём хвастовстве потом стало известно. Кстати, любопытно, а скольких людей ты убил за свою жизнь?

— С тобой будет ровно пятьдесят. — Скараманга до конца обглодал последний позвонок и бросил его в сторону Бонда. — Подавись этим, скотина, и давай кончать. Ты не услышишь от меня ничего, если хочешь что-то узнать, тратишь время напрасно. Но помни. В меня не раз стреляли профессионалы, а я все еще живой. Может, не совсем в форме, но я никогда не слышал, чтобы какой-нибудь англичашка стрелял в незащитного человека, который притом еще и серьезно ранен. У вас всех кишка тонка. Я думаю, мы просто посидим здесь, поболтаем немного, пока не явится команда спасателей. И тогда я с удовольствием предстану перед судом. А в чем меня могут обвинить?

— Ну, для начала, этот милый господин Роткопф с твоей знаменитой серебряной пулей, он, наверное, еще там, в протоке за гостиницей.

— Это то же самое, что и милый господин Хендрикс с твоей пулей в башке. Может, нам придется сидеть в тюрьме вместе. Было б здорово, правда? Говорят, тюрьма в Спэниш Тауне имеет все удобства. Ну так как насчет этого, а, англичашка? Вот ты и попался, нож в спину — и в мешок. А кстати, мне тоже любопытно, как ты узнал о Роткопфе?

— В твое подслушивающее устройство было вставлено еще одно. С тобой последние дни все время происходят такие вещи, ну просто не везет, а, Скараманга? Ты нанимаешь не тех людей для обеспечения безопасности. Оба твои администратора — ребята из ЦРУ. Магнитофонная пленка сейчас уже на пути в Вашингтон. Там есть и об убийстве Росса. Понимаешь, что я имею в виду? Неприятности сыплются на тебя со всех сторон.

— Магнитофонная запись в американском суде не считается уликой. Но я понимаю, что ты имеешь в виду, сыщик. Кажется, были, были ошибки. Ну что ж, — Скараманга сделал правой рукой широкий жест, возьми миллион долларов и будем квиты.

— Мне предлагали три миллиона в поезде.

— Я удваиваю эту сумму.

— Нет. Извини.

Бонд поднялся. Левая рука, которую он держал за спиной, была крепко сжата в кулак, он испытывал ужас перед тем, что ему предстояло сделать. Он заставил себя вспомнить, как, должно быть, выглядело изуродованное тело Маргессона или тела других людей, которых убил этот человек; он подумал о тех, кого снова стал бы убивать Скараманга, если он, Бонд, проявит слабость. Возможно, перед ним самый отъявленный убийца-одиночка в мире. Сейчас он в руках Джеймса Бонда. Ему приказали покончить с ним. И он должен уничтожить его — лежачего, раненого, какого угодно. Бонд старался говорить безразличным тоном, старался не уступать своему противнику в хладнокровии.

— Хочешь что-нибудь передать кому-то, а, Скараманга? Какие-нибудь пожелания? Есть у тебя кто-нибудь, за кем надо присмотреть? Я это сделаю, если это что-то личное. Я сделаю это сам.

Скараманга засмеялся своим резким неприятным смехом, но смеялся он очень осторожно. На этот раз смех не перешел в кашель с кровью.

— Ну прямо настоящий англичашка, джентльмен. Я был прав. Но вряд ли ты бы захотел отдать мне свой пистолет и оставить одного минут на пять, как об этом пишут в книгах? Ну что ж, ты прав, приятель, я пополз бы за тобой и разможил бы тебе голову.

Глаза Скараманги все еще впивались в глаза Бонда с тем же самоуверенным превосходством, с холодностью, типичной чертой супермена. Именно эти качества сделали его самым искусным профессиональным убийцей в мире — никакого пьянства, никаких наркотиков — бесчувственный человек, нажимающий на курок, убивающий ради денег и, что тоже довольно часто случалось, ради удовольствия.

Бонд внимательно посмотрел на Скарамангу. Как ему удастся держаться, ведь через несколько минут все будет кончено. Может, у него в запасе есть все-таки последний трюк, который собирается показать? Какое-то спрятанное оружие? Но он просто лежал, совершенно явно расслабившись, голову подпирали мангровые корни, грудь тяжело вздымалась, каменное выражение лица ничуть не изменилось, как будто он не потерпел сокрушительное поражение. Даже на лбу его от напряжения не выступило столько испарины, сколько у Бонда. Скараманга лежал в пятнистой тени. А Джеймс Бонд в течение десяти минут стоял посредине поляны под ослепительно ярким солнцем. И вдруг он почувствовал, как жизненные силы медленно стали покидать его, словно утекали через ноги в черную грязь. И с ними исчезала его решимость. Он заговорил и услышал, как резко звенел его голос.

— Ну все, Скараманга, это все. — Он поднял пистолет, держа его обеими руками, навел дуло на Скарамангу. — Все произойдет очень быстро.

Скараманга поднял руку. Впервые на его лице отразились какие-то эмоции.

— О'кей, приятель. — Голос стал просительным. — Я католик, понимаешь? Дай мне произнести свою последнюю молитву. Хорошо? Это недолго, потом можешь стрелять. Каждому предстоит когда-то умереть. Между нами, ты отличный парень. Ну что ж, значит, судьба. Если бы моя пуля пролетела на дюйм или два правее, тогда бы ты, а не я, был мертв. Правильно? Так можно ли помолиться, а?

Бонд опустил пистолет. Он даст ему несколько минут. Он знал, что больше дать не может. Боль и жара, изнеможение и жажда. Очень скоро он сам свалится прямо здесь, на твердую потрескавшуюся грязь, чтобы отдохнуть. Если кому-то захочется убить его, это можно будет сделать. Слова он словно цедил из себя, произнося их медленно, устало.

— Хорошо, Скараманга. Я даю тебе одну минуту.

— Спасибо, друг. — Скараманга поднял руку к лицу и закрыл ею глаза. Послышалось бормотание, фразы на латыни сменяли одна другую бесконечно. Бонд стоял под солнцем, опустив пистолет, наблюдая за Скарамангой, но он уже не видел его, все плыло у него перед глазами из-за боли, жары и гипнотической литании, которая исходила от прикрытого рукой лица, и от ужаса перед тем, что предстояло сделать через минуту, может быть, через две.

Пальцы правой руки Скараманги едва заметно, дюйм за дюймом, двигались по лицу к уху. Коснувшись уха, они остановились. Скараманга продолжал так же монотонно произносить молитву на латыни, не меняя медленного, убаюкивающего ритма.

И вдруг рука взметнулась за голову и тут же гроыхнул крошечный золоченый «Дерринджер», короткоствольный пистолетик. Джеймс Бонд повернулся вокруг своей оси, как будто ему нанесли удар справа по челюсти, и рухнул на землю.

Скараманга мгновенно вскочил на ноги и стал продвигаться вперед гибкой кошкой. Он поднял выброшенный нож и держал его лезвием вперед; лезвие было похоже на язык серебряного пламени.

Но Джеймс Бонд, извивавшийся на земле, как умирающее животное, яростно нажимал на курок не выпавшего из его рук и пистолета: один выстрел, еще и еще, он выстрелил пять раз, потом пистолет выпал из руки на черную землю; свободной теперь рукой Бонд зажал свой правый бок и замер, его пронзила страшная боль.

Огромное тело Скараманги какое-то мгновение возвышалось над Бондом, глаза уставились в высокое голубое небо. Пальцы, дернувшись, разжались, и нож выпал. Его простреленное сердце сделало еще один удар, дрогнуло и остановилось. Он упал навзничь и лежал, широко раскинув руки, будто кто-то отшвырнул его в сторону.

Через некоторое время земляные крабы вылезли из своих норок и начали обнюхивать остатки змеи. Более крупная падаля может подождать до ночи.

16. Конец

Полицейский из железнодорожной аварийной команды, как обычно, совершал обход, направляясь в сторону реки. Он шел не торопясь, с чувством собственного достоинства, как настоящий ямайский констебль. На Ямайке ни один полицейский никогда не станет суетиться, никогда не побежит. Его учили, что иначе можно потерять весь авторитет. Феликс Лейтер, который в этот момент находился в беспамятстве после укола врача, введшего ему морфий, до того сообщил, что один хороший человек преследует плохого человека там, в топи, он сообщил, что там может вспыхнуть перестрелка. О деталях Феликс Лейтер умолчал, но когда он сказал, что сам из ФБР — есть такая организация в Вашингтоне, — полицейский попытался убедить кого-нибудь из своих коллег пойти вместе с ним, но это ему не удалось, а потому не спеша отправился в указанном направлении — один. Он шел, и его полицейская дубинка раскачивалась из стороны в сторону с напускной беспечностью.

Услышанные им пистолетные выстрелы и крики потревоженных болотных птиц позволили ему приблизительно определить место происшествия. Полицейский родился неподалеку отсюда, в Негриле, и еще мальчиком часто охотился в этих болотах с силками и рогаткой. Топи он не боялся. Когда добрался до нужного места на берегу реки, свернул влево, в мангровые заросли, и, сознавая, что черно-синяя униформа делает его прекрасной мишенью, осторожно стал переходить от одной группы деревьев к другой, с кочки на кочку, все дальше и дальше. У него не было никакого оружия, кроме дубинки полицейского, но он понимал, как много значит его официальный статус; за убийство полицейского при исполнении служебных обязанностей — смертный приговор. И ему оставалось только надеяться, что те двое — и хороший и плохой — тоже об этом знают.

Все птицы разлетелись, стояла мертвая тишина. Констебль заметил, что кустарниковые крысы и другие мелкие животные, все направлялись мимо него в том направлении, в каком двигался и он. Потом он услышал перестук быстро двигавшихся крабов, и через мгновение сквозь густые мангровые заросли увидел рубашку Скараманги. Он внимательно осмотрелся, прислушался. Никто не двигался, не было слышно ни звука. С достоинством он вышел на середину поляны, посмотрел на два лежащих тела, на пистолеты, вытащил свой никелевый полицейский свисток и свистнул в него три раза. После этого он сел в тень, достал свой служебный блокнот, посплюнвил карандаш и начал писать, старательно выводя слова.

Через неделю Джеймс Бонд пришел в себя. Он находился в комнате, освещенной лампой под зеленым абажуром. Он был под водой. Медленно вращающийся на потолке вентилятор представлялся ему винтом корабля, который вот-вот должен был настичь его. Он плыл изо всех сил, стараясь спастись, но все

было бесполезно. Словно посаженный на якорь, он не мог оторваться от дна моря. Бонд закричал во всю силу своих легких. Медсестра, сидевшая в ногах у кровати, услышала тихий стон. Она склонилась к нему. Положила свою прохладную руку ему на лоб. Пока она считала его пульс, Джеймс Бонд поднял на нее свои незрячие глаза. Так вот как выглядит русалка! «А ты хорошенькая», — про шептал он и благодушно вплыл в ее объятия.

Сиделка отметила на его температурном листе: "95° " и позвонила палатной сестре. Она посмотрела в тусклое зеркало и поправила волосы, готовясь к приходу врача, который отвечал за этого явно очень важного пациента.

Военный врач, молодой уроженец Ямайки, выпускник Эдинбургского университета, пришел вместе со старшей сестрой, доброй душеньей времен короля Эдуарда VII. Он молча выслушал сообщение сиделки. Подошел к кровати и мягко приподнял веки Бонда, потом сунул ему под мышку термометр и стал нащупывать пульс, в другой руке он держал карманный хронометр. В небольшой комнате воцарилась тишина. Снаружи по одной из кингстонских дорог с ревом проносились автомобили. Врач опустил руку Бонда и положил хронометр, в карман брюк под белым халатом. Он записал какие-то цифры на графике. Сестра открыла дверь, и все трое вышли в коридор. Врач разговаривал со старшей сестрой. Сиделке было дозволено слушать их разговор.

— Скоро он поправится. Температура значительно снизилась. Пульс немного частит, но это, вероятно, оттого, что он пришел в себя. Сократите антибиотики. Дежурной сестре я скажу об этом позже. Продолжайте внутривенные вливания. Доктор Макдональд обязательно зайдет проследить за перевязкой. Когда пациент опять очнется и если попросит пить, дайте ему фруктового сока. Скоро начнем кормить его протертой пищей. Настоящее чудо. Ни один внутренний орган в брюшной полости не задет. Даже почку не зацепило. Только мышцы. С пулей в организм попал яд, доза достаточная, чтобы убить лошадь. Слава богу, этот человек в Саванна-Ла-Мар распознал симптомы змеиного яда и сделал ему инъекции, блокада была массивной. Напомните мне написать ему, сестра, ведь он спас нашему пациенту жизнь. А пока, конечно, никаких посещений, по крайней мере еще неделю. Можете сообщить полиции и в канцелярию Верховного комиссара, что дело пошло на поправку. Я не знаю, кто он, но Лондон все время запрашивает нас о нем. Все это как-то связано с министерством обороны. С сегодняшнего дня направляйте всех, кто им интересуется, в канцелярию Верховного комиссара. Кажется, именно они занимаются им. — Он сделал паузу. — Между прочим, а как дела у его приятеля из двенадцатой палаты? Это тот, которым интересовались и американский посол, и Вашингтон. Я не его лечащий врач, но знаю, что он настойчиво просит разрешения увидеть этого господина Бонда.

— Сложный перелом большой берцовой кости, — сказала старшая сестра. — Без осложнений. — Она улыбнулась. — Если не считать, что он немного дерзок с сестрами. Дней через десять начнет ходить с палочкой. К нему уже приходили из полиции. Думаю, что все связано с той историей, о которой сообщалось в «Глинере», ну о тех американских туристах, которые погибли, когда рухнул мост через Орэндж-ривер. Но комиссар занимается всем этим лично. В истории, описанной в «Глинере», очень много неясного.

Врач улыбнулся.

— Я ничего этого не слышал. Уйма работы. Даже читать некогда. Ну что ж, спасибо, старшая сестра. Уже пора идти. Большая авария на Хайвей-3. Машины «скорой помощи» будут здесь с минуты на минуту.

Он быстро ушел. Старшая сестра занялась своими делами. Сиделка, взволнованная всем услышанным, посвященная теперь в тайны своего начальства, тихонько вернулась в комнату с зеленым абажуром, поправила простыню на

обнаженном правом плече больного, ее отвернул врач при осмотре, села опять на свой стул у ног Бонда и принялась за чтение журнала «Эбони».

Десять дней спустя небольшая комната была полна народа. Джеймс Бонд, сидя в постели, обложенный подушками, не переставал удивляться тому, сколько высокого начальства собралось у него. Слева стоял комиссар полиции в черном мундире с серебряными нашивками, выглядел он очень представительно. Справа находился судья Верховного суда, тоже при всех регалиях, его сопровождал весьма солидный клерк. Кроме того. Бонду представили человека огромного роста, которого называли полковником Бэннистером из Вашингтона. Феликс Лейтер, несмотря на свои костыли, проявлял к нему уважение. Глава поста «Си», скромный, тихий государственный служащий по имени Алек Хилл, прилетевший из Лондона, стоял у двери и не спускал с Бонда восхищенных глаз. Мэри Гуднайт сидела у кровати, держа блокнот для ведения стенографических записей на коленях. Она должна была записывать все, что происходило, и, помимо этого, следуя строгому указанию старшей сестры, должна была следить за тем, чтобы все происходящее не утомило Бонда; при первых признаках слабости необходимо прекратить встречу, и никаких возражений, пусть считают, что это приказ. Но Джеймс Бонд не чувствовал никакой усталости. Он был рад видеть всех этих людей и сознавать, что он наконец пришел в себя, вернулся в этот большой мир. Его беспокоило лишь то, что они не смогли заранее увидеться с Феликсом Лейтером, не смогли договориться о том, что станут рассказывать и о чем умолчат, хотя Верховный комиссар ясно дал понять, что все их заявления не будут носить характера свидетельских показаний.

Комиссар полиции откашлялся.

— Коммандер Бонд, наша сегодняшняя встреча здесь не больше чем простая формальность, хотя она состоялась по указанию премьер-министра и с разрешения вашего врача. Здесь на острове и за границей ходит много разных слухов, и сэр Александер Бастаманте хотел бы их развеять, дабы восторжествовала справедливость и было сохранено доброе имя острова. Поэтому наша встреча — это нечто вроде судебного расследования, проходящего под эгидой премьер-министра. Мы очень надеемся, что, если собравшиеся придут к выводам, которые сочтут удовлетворительными, отпадет необходимость в судебном процессе. Вы меня понимаете?

— Да, — ответил Бонд, ничего не понимая.

— Итак, — произнес важно комиссар, — установлены следующие факты. Недавно в гостинице «Сандерберд» в округе Вестморленд состоялась встреча, в которой принимали участие известные преступные элементы иностранного происхождения, включая представителей советской секретной службы, американской мафии и кубинской тайной полиции. На этой встрече, среди прочего, обсуждался вопрос об организации диверсий на ямайских предприятиях, занятых переработкой сахарного тростника, говорилось о выращивании на острове культур, из которых получают наркотические вещества с целью незаконной торговли ими, речь шла о подкупе высоких должностных лиц в ямайской администрации, которые способствовали появлению на острове казино, распространению азартных игр, процветанию игорного бизнеса, находящегося в руках преступников, а также о других неправомерных действиях, нарушающих законность и порядок на Ямайке, подрывающих ее международную репутацию. Так ли все это, коммандер?

— Да, — сказал Бонд, на этот раз все прекрасно понимая.

— Так вот, — произнес комиссар еще более торжественно, — намерения этой подрывной группы стали известны Департаменту по уголовным делам полиции Ямайки, информация о вышеупомянутой встрече лично мной представлена самому премьер-министру. Конечно, были приняты все меры строжайшей секретности. Пришлось вынести соответствующее решение и взять эту встречу под наблюдение,

необходимо было выяснить цели и намерения ее организаторов. Так как в это дело были вовлечены дружественные страны, включая Англию и США, состоялись тайные переговоры с представителями министерства обороны Великобритании и Центрального разведывательного управления США. В результате, совершенно безвозмездно, правительству Ямайки была оказана надлежащая помощь: господин Бонд, господа Николсон и Лейтер, специалисты своего дела, провели операцию, целью которой было воспрепятствовать тайным махинациям против Ямайки, которые преступники пытались осуществить на ее территории.

Комиссар замолчал и оглядел всех, находящихся в комнате, чтобы убедиться, что он изложил все правильно. Бонд заметил, что Феликс Лейтер вместе с другими энергично кивал головой, кивал он и в сторону Бонда.

Бонд улыбнулся. Наконец-то до него дошло, что все это значило. Он тоже кивнул в знак согласия.

— Соответственно, — продолжал комиссар, — работая в тесном контакте и под руководством Департамента по уголовным делам Ямайки, господа Бонд, Николсон и Лейтер; блестяще справились с заданием. Были раскрыты истинные намерения гангстеров, но, увы, преступникам удалось установить, что по крайней мере один из работающих на нас агентов внедрился в их окружение; пришлось принимать бой. В ходе настоящего сражения, благодаря отличной стрельбе командера Бонда, следующие преступники, они же вражеские агенты — здесь будет приложен список, — были убиты. Одновременно, благодаря искусному мастерству господина Лейтера, специалиста-подрывника, на мосту через Орэндж-ривер погибли следующие лица — следует еще один список. К сожалению, двое наших агентов получили серьезные ранения и находятся сейчас в госпитале на излечении. Хотелось бы здесь отметить также констебля Персиваля Сэмпсона, полицейский участок в Негриле, который первым прибыл на место последнего сражения, и доктора Листера Смита из Саванна-Ла-Мар, оказавшего так необходимую первую помощь командеру Бонду и господину Лейтеру. В соответствии с указаниями премьер-министра, сэра Александера Бастаманте, сегодня у постели командера Бонда и в присутствии господина Лейтера было проведено судебное расследование с целью подтверждения вышеизложенных фактов. Совершено в присутствии судьи Верховного суда Морриса Каргилла.

Было очевидно, что комиссар был доволен тем, как он представил весь этот вздор. Он широко улыбнулся Бонду:

— И последнее, имею честь, — он вручил Бонду запечатанный конверт, точно такой же передал Феликсу Лейтеру и еще один полковнику Бэннистеру, — вручить командеру Бонду, Великобритания; господину Феликсу Лейтеру, США и, к сожалению, отсутствующему здесь, господину Николосу Николсону, США, награды — медали полицейских сил Ямайки за проявленную доблесть и выдающиеся заслуги перед независимым государством Ямайка.

Раздались приглушенные аплодисменты. Мэри Гуднайт хлопала и тогда, когда все уже перестали. Поняв это, сильно покраснела и хлопать в ладоши тут же перестала.

Джеймс Бонд и Феликс Лейтер пробормотали что-то в знак благодарности. Судья Каргилл встал и торжественно спросил Бонда и Лейтера по очереди, все ли правильно изложил комиссар, все ли так и было.

— Да, конечно, — ответил Бонд.

— И я могу подтвердить это, ваша честь, — пылко признался Феликс Лейтер.

Судья поклонился. Все, за исключением Бонда, встали и поклонились. Бонд только кивнул.

— В таком случае, я объявляю расследование законченным. — Судья, на котором был парик, повернулся к Мэри Гуднайт: — Будьте любезны, соберите,

пожалуйста, подписи у всех присутствующих, заверьте их надлежащим образом и отправьте ко мне в контору. Большое спасибо. — Он замолчал и улыбнулся. — И копирку тоже не забудьте, так уж полагается.

— Конечно, ваша честь, — Мэри Гуднайт бросила взгляд в сторону Бонда. — А теперь прошу извинить, но, мне кажется, больному нужен отдых. Старшая сестра очень настаивала...

Все попрощались. Бонд попросил Лейтера задержаться, Мэри Гуднайт сообразила, что их нужно оставить наедине.

— Но не больше минуты, — предупредила она и вышла, закрыв за собой дверь.

Лейтер склонился над кроватью. Он улыбался и был настроен очень добродушно.

— Ну, Джеймс, по мне, так лучше не бывает, будь я проклят, но конец все-таки очень счастливый, хоть и пришлось наврать с три короба. И дело обделали ловко, и перепало даже кое-что.

Рана Бонда начала давать знать о себе, вероятно, из-за того, что когда отвечал на вопросы, приходилось напрягать мышцы. Но виду он не показывал. Лейтер должен был уехать сегодня вечером (во второй половине дня). Бонду не хотелось с ним расставаться. Он всегда дорожил своими друзьями, а с Феликсом Лейтером у него было связано много ярких воспоминаний.

— Скараманга был, конечно, уникальный тип, — сказал он. — Его надо было брать живым. Может быть, Тиффи действительно заколдовала его, сглазила при помощи матушки Эдны. Да, таких людей встретишь не часто. Лейтеру это не понравилось. — Вот вы, англичане, всегда так. Вдруг начинаете восхвалять немцев — всех этих роммелей, деницев, гудерианов. А Наполеона так и вовсе превозносите. Стоит вам победить их, сразу изображаете из них героев. Не могу этого понять. По моим понятиям, противник есть противник. Ты что, хочешь воскресить Скарамангу? Хочешь, чтобы он появился здесь, в этой комнате, со своим знаменитым золотым оружием, нацеленным на тебя? Ты соскучился по его длинноствольным и короткоствольным пистолетикам? Хочешь, чтобы он возник сейчас перед тобой? Ставлю один против тысячи, пари держу, что это не так. Не дури, Джеймс. Ты великолепно справился с работой. С вредителем покончено, урожай спасен. Кто-то должен был это сделать. Ну, мы еще об этом поговорим, когда начнешь пить еще что-нибудь, помимо апельсинового сока. — Феликс Лейтер решил подразнить его. — Разве ты бросишь свою работу, ненормальный? Да ты же рожден для нее. Рожден, чтобы бороться с врагами, я правильно сказал. А они всегда будут, надо только решить, как с ними получше управляться. Вот бог создал собак. Но ведь он создал и блох, которые кусают собак. Ты не забивай себе голову черт знает чем. Хорошо? — Лейтер заметил выступившую на лбу Бонда испарину. Он захромал к двери и открыл ее. Слегка приподнял руку. Эти двое никогда в жизни нежимали друг другу руки. Лейтер выглянул в коридор. — О'кей, мисс Гуднайт, скажите старшей сестре, чтобы она вычеркнула его из списка тяжелобольных. И скажите ему, чтоб не попадался мне на глаза недельку-другую. Каждый раз, как мы встречаемся, от меня что-нибудь отламывается. Не могу же я, в самом деле, исчезать постепенно, как в фокусе или сказке, как в кино или книжке. — И он опять махнул Бонду рукой на прощание, захромал и исчез за дверью.

— Да постой ты, зараза, — закричал Бонд. Но когда Лейтер опять прихромал в комнату, у Бонда не осталось сил ответить ему тем залпом ругательств, что он собирался дать по нему, других слов в свое оправдание у него не было.

Мэри Гуднайт зашикала на Лейтера, выпроваживая его из комнаты, и бросилась по коридору к дежурной сестре.

17. Делу венец

Через неделю Джеймс Бонд с полотенцем вокруг пояса сидел на стуле, читал работу Аллена Даллеса «Искусству разведки» и проклинал свою судьбу. Лечение пошло ему на пользу, медсестры были к нему очень внимательными, особенно одна, которую он называл Русалкой, но ему не терпелось поскорее отсюда удрать. Он взглянул на часы — четыре. Время визитов. Скоро придет Мэри Гуднайт, и он сможет выместить на ней свое раздражение. Конечно, это несправедливо, но в больнице от него досталось уже всем, а коль скоро и она теперь будет в пределах досягаемости, так и поделом.

Вошла Мэри Гуднайт. Несмотря на ямайскую жару, она выглядела как свежая роза. Черт ее побери! В руках у нее было что-то похожее на пишущую машинку. Бонд узнал шифровальное устройство — «три Х». Что там еще стряслось?

Бонд неприветливо ответил на ее вопросы о здоровье.

— А это здесь за каким чертом? — спросил он.

— Это тебе лично. Лично от М., — сказала она взволнованно. — Около тридцати групп.

— Тридцать групп! Разве этот старый негодяй не знает, что у меня действует только одна рука? Ну ладно, ладно, Мэри, вижу, что ты очень переживаешь. Если что-нибудь серьезное, падать духом не стану.

Мэри Гуднайт была не просто взволнована, она была шокирована. Когда на сообщении стоял гриф «лично», это означало суперважную информацию, святее подобного послания ничего не было. Но Бонд решил посвятить ее в тайну, возражений он не терпел, челюсть угрожающе выставил вперед. Сегодня спорить с ним было бесполезно. Мэри села на край кровати, открыла машинку и вытащила из сумки листочек с цифрами. Положила блокнот для стенографии рядом с машинкой, почесала затылок карандашом, настраивая себя на работу: цифр было много, включая дату и час отправки сообщения. Она начала крутить ручку дешифратора. После того как законченное слово появлялось в продолговатом окошке у основания машинки, она записывала его в свой блокнот.

Джеймс Бонд наблюдал за выражением ее лица. Выглядела она довольной и через несколько минут прочитала ему сообщение:

«М. ЛИЧНО 007 ТЧК ВАШУ ИНФОРМАЦИЮ И ЗАПИСКУ СВЕРХУ (так они называли между собой ЦРУ) ПОЛУЧИЛ ТЧК ЗАДАНИЕМ ВЫ СПРАВИЛИСЬ ОТЛИЧНО ЗПТ ПРОВЕЛИ ТРУДНУЮ И ОПАСНУЮ ОПЕРАЦИЮ К МОЕМУ ПОЛНОМУ ЗПТ ПОВТОРЯЮ ПОЛНОМУ УДОВЛЕТВОРЕНИЮ ТЧК НАДЕЮСЬ ЧУВСТВУЕТЕ СЕБЯ ХОРОШО (в этом месте Бонд сердито фыркнул) ТЧК КОГДА ВНОВЬ СМОЖЕТЕ ПРИСТУПИТЬ К РАБОТЕ».

Мэри Гуднайт довольно улыбнулась.

— Я и не знала, что он может вот так — наговорить кучу комплиментов. А ты слышал, чтобы он так лестно отзывался о ком-нибудь? Нет, каков этот повтор слова «полному»! Потрясающе! — Она надеялась, что Бонд перестанет хмуриться.

На самом деле, не показывая этого, Бонд был доволен. Он знал то, чего не могла знать Мэри: М. сообщил ему, что Бонд вернул себе доброе имя. Но Мэри Гуднайт знать об этом не обязательно. К тому же сегодня она была одной из надзирательниц, державших его в заточении связанным по рукам и ногам.

— Неплохо для старика, — произнес он ворчливо, — но он явно хочет опять засадить меня за проклятую бумажную работу. Пока, во всяком случае, обольщаться не следует. Ну, а что дальше? — Пока машинка вращалась и шелкала, Бонд листал страницы своей книжки, делая вид, что происходящее его несколько не интересует.

— О, Джеймс! — взволнованно воскликнула Мэри Гуднайт. — Еще секунду, я почти закончила. Это великолепно!

— Знаю, знаю, — мрачно прокомментировал Бонд, — бесплатные талоны на

завтрак каждую вторую пятницу. Ключ от личного сортира М. Новый костюм взамен того, в котором теперь дырки, интересно, откуда они взялись?

Говоря это, он однако, не спускал глаз с мелькающих пальцев Мэри Гуднайт, ему передавалось ее возбужденное состояние. Что это она так раскудахталась? И все по его поводу. Он окинул женщину, сидящую на его кровати, оценивающим взглядом. Безукоризненная фигура, белая шелковая блузка и узкая бежевая юбка, сидит нога на ногу, но вся такая сосредоточенная, загорелое лицо под короткой стрижкой зарделось от удовольствия, вот женщина, подумал Бонд, которую стоит всегда иметь рядом. Как секретаршу? В качестве кого? Мэри Гуднайт повернулась, глаза ее сияли, и вопрос, который он задавал себе уже не одну неделю, остался без ответа.

— Ты только послушай, Джеймс, — она помахала перед ним блокнотом, — и, ради бога, перестань, наконец, кукситься.

Бонд улыбнулся, услышав это смешное слово.

— Ну, давай дальше. Высыпай все игрушки, что там еще в сапоге под рождественской елкой? Надеюсь, рук хватит.

Он опустил книгу на колени.

Лицо Мэри Гуднайт приняло важное выражение. Она посерьезнела.

— Ты только послушай! — произнесла она опять и начала медленно читать:

«В СВЕТЕ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ХАРАКТЕРА ЗАСЛУГ ЗПТ УПОМЯНУТЫХ ВЫШЕ ЗПТ ТАКЖЕ УЧИТЫВАЯ БОЛЬШОЙ ЛИЧНЫЙ ВКЛАД ОБЩЕЕ ДЕЛО ЗПТ О ЧЕМ ВЫ САМИ ЗПТ ВОЗМОЖНО ЗПТ ДАЖЕ НЕ ПОДОЗРЕВАЕТЕ ЗПТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ПРЕДЛАГАЕТ РЕКОМЕНДОВАТЬ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВУ КОРОЛЕВЕ ЕЛИЗАВЕТЕ НЕМЕДЛЕННО ПОЖАЛОВАТЬ ВАМ РЫЦАРСКОЕ ЗВАНИЕ ТЧК ТЕПЕРЬ К ВАШЕМУ КА КАК КЭТТИ ПРИБАВЯТСЯ ЕЩЕ ОЛИВИЯ МЕЙБЛ И ГЕЙЛ»

Джеймс Бонд засмеялся, стараясь скрыть свое смущение.

— Неплохо зашифровано. Никому и в голову не придет, что он имеет в виду на самом деле: КОМГ — кавалер ордена св. Михаила и св. Георгия 2-й степени. Ну и выдумщик! Продолжай, Мэри. Давай в таком же духе!

«ПО ТРАДИЦИИ ЗПТ ПРИНЯТО СПРАШИВАТЬ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО ПОЛУЧАТЕЛЯ ТИТУЛА ЗПТ ПРИНИМАЕТ ЛИ ОН ЭТУ ВЫСОКУЮ ЧЕСТЬ ЗПТ ТОЛЬКО ПОСЛЕ ПОЛУЧЕНИЯ ЛИЧНОГО СОГЛАСИЯ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО СКРЕПИТ ПОСТАНОВЛЕНИЕ СВОЕЙ ПЕЧАТЬЮ ТЧК ВАМ НЕОБХОДИМО НАПРАВИТЬ СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ УВЕДОМЛЕНИЕ В ПИСЬМЕННОМ ВИДЕ ТЧК ЭТО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННО ОДОБРЕНО И УТВЕРЖДЕНО МНОЮ ТЧК ПРИМИТЕ МОИ ИСКРЕННИЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ ТЧК КОНЕЦ — ДЕЛУ ВЕНЕЦ ТЧК МОЩНЫЙ УДАР».

Джеймс Бонд опять попытался спрятать свою истинную реакцию:

— Какого черта он всегда должен подписываться «мощный удар», а не просто "М"? Есть, кстати, очень хорошее английское слово. Эм. Это единица монотипной системы измерения, используемая печатниками. Но, конечно, слово это недостаточно эффективно звучит для шефа. В сердце он романтик, как и все глупцы, которые связались с Секретной службой.

Мэри Гуднайт опустила глаза. Она знала, что таким образом Бонд пытается скрыть свое волнение, он ни за что в жизни не показал бы, что чем-то взволнован. А почему нет — кто бы не был доволен, кто бы не гордился такой наградой? Ее лицо опять приняло деловое выражение.

— Ну хорошо. Ты хочешь, чтоб я что-нибудь набросала для тебя в качестве ответа? Или мне прийти с этим в шесть, меня пустят. Текст этого уведомления, ну что обычно пишут в таких случаях, я могу попросить у сотрудников канцелярии Верховного комиссара. Насколько знаю, начинать надо примерно так: «Свидетельствую свое почтение Ее Величеству». Мне приходилось помогать при

составлении телеграмм: поздравления с Новым годом, поздравления ко дню рождения королевы. Всегда лучше обратиться по всей форме.

Джеймс Бонд стер платком пот со лба. Конечно, он был доволен! Но более всего он был доволен похвалой М. Все остальное — ерунда. Он никогда не был общественным деятелем и не хотел им становиться. У него не было никаких предрассудков, он возражал против титулов, неважно, ставят их до или после фамилии. Но была лишь одна вещь, которую он ценил превыше всего. Его личный покой. Его незаметность. Стать лицом известным, каким-то деятелем, которого в подверженной снобизму Англии или в любой другой стране будут приглашать на разные торжественные церемонии, закладку памятников, заставлять произносить речи и тосты, боже мой, одна мысль об этом бросала его в дрожь. «Джеймс Бонд!» Вот так. И никаких закорючек. Обычное, скромное, незаметное имя. Конечно, у него есть звание — командер специальной службы военно-морских сил, но он редко пользуется званием. Он даже не носит знак отличия кавалера ордена св. Михаила и св. Георгия 3-й степени. Надевает его, наверное, лишь раз в году вместе с двумя рядами других наград, это когда они устраивают обед в честь «стариков» — бывших сотрудников Секретной службы. Мероприятие это величают заседанием мифического «Клуба змей-близнецов». Встреча седовласых друзей проходит в банкетном зале клуба «Блейдз», она доставляет огромное удовольствие большому количеству людей, которые были некогда отважны и находчивы, а теперь болеют старческими болезнями и лишь болтают о своих прежних победах и трагедиях. Истории, которые никогда не будут зафиксированы ни в каких исторических книгах, наверняка пересказываются на подобных встречах вновь и вновь, сначала за бокалом вина, потом уже когда пропустят рюмочку-другую; и собеседником, как правило оказывается сосед по столу, человек вроде Джеймса Бонда, которого интересует не прошлое, а только то, что может случиться завтра. Вот когда он надевает свои награды и орден св. Михаила и св. Георгия 3-й степени, орден — чуть ниже узла галстука, чтобы доставить удовольствие и утешение этим взрослым детям, пусть порадуется и старый и малый их ежегодной встрече. Все остальное время, пока Мэй не доставала их, чтобы начистить до блеска по этому случаю, награды лежали и собирали пыль в каком-нибудь укромном местечке, где она их хранила.

И теперь Джеймс Бонд решился, он произнес, стараясь не смотреть в глаза Мэри Гуднайт.

— Мэри, это приказ. Запиши, что я сейчас скажу и отправь сегодня вечером. Хорошо? Начинай: «ЛИЧНО ТЧК МОЩНЫЙ УДАР ТЧК (Бонд заметил про себя, что он с таким же успехом мог бы сказать: копию — мисс Манипенни, когда это М. в последний раз сам прикасался к шифровальной машине?) ТЧК (вставь мой номер, Мэри) СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ВАМ СВОЕ ПОЧТЕНИЕ И ВЫРАЖАЕТ ИСКРЕННИЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ ТЧК БОЛЬНИЧНОЕ РУКОВОДСТВО СООБЩИЛО МНЕ ЗПТ ЧТО В ЛОНДОН Я БУДУ ОТПРАВЛЕН СВОЕ ВРЕМЯ ЧЕРЕЗ МЕСЯЦ ТЧК ОТНОСИТЕЛЬНО СООБЩЕНИЯ О ВЫСОКОЙ ЧЕСТИ ЗПТ ОКАЗАННОЙ МНЕ ЗПТ ПРОШУ ВАС ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ МОЕ ПОЧТЕНИЕ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВУ И ПРОСИТЬ ЕЕ ЗПТ НИЖАЙШЕ ЗПТ РАЗРЕШИТЬ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ НАГРАДЫ ЗПТ КОТОРУЮ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО МИЛОСТИВО ПРЕДЛАГАЕТ ПОЖАЛОВАТЬ СВОЕМУ ПОКОРНОМУ И ПРЕДАННОМУ СЛУГЕ АБЗАЦ МОЩНЫЙ УДАР ЗПТ ПОЖАЛУЙСТА ЗПТ ИЗЛОЖИТЕ ЭТО ПОДХОДЯЩИМ ОБРАЗОМ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ ТЧК ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА В ТОМ ЗПТ ЧТО Я НЕ ХОЧУ ПЛАТИТЬ ДОРОЖЕ В ГОСТИНИЦАХ И РЕСТОРАНАХ ТЧК».

— Джеймс, — в ужасе прервала его Мэри Гуднайт, — все остальное — твое личное дело, но последнюю фразу передавать нельзя.

Бонд кивнул.

— Я просто проверил ее на тебе, Мэри. Хорошо, давай начнем от предыдущей

точки. Пиши:

«Я ШОТЛАНДСКИЙ КРЕСТЬЯНИН И БУДУ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ СВОЕЙ ТАРЕЛКЕ ЗПТ ОСТАВАЯСЬ ШОТЛАНДСКИМ КРЕСТЬЯНИНОМ ТЧК Я ЗНАЮ ЗПТ СЭР ЗПТ ЧТО ВЫ ПОЙМЕТЕ МЕНЯ ЗПТ ПОЙМЕТЕ ЗПТ ПОЧЕМУ Я ПРИНЯЛ ТАКОЕ РЕШЕНИЕ ТЧК ПОЛАГАЮ ЗПТ ЧТО МОГУ РАССЧИТЫВАТЬ НА ВАШЕ СНИСХОЖДЕНИЕ СКОБКА ПИСЬМЕННОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ ВЫСЫЛАЮ НЕМЕДЛЕННО СКОБКА КОНЕЦ 007».

Мэри Гуднайт резко захлопнула свой блокнот. Она покачала головой. Ее золотистые волосы сердито затанцевали.

— Ну знаешь ли, Джеймс! Ты уверен, что не передумаешь, может быть, подождать с ответом? Я ведь знаю, ты сегодня не в духе. Может, подождем до завтра? Разве тебе не хочется отправиться в Букингемский дворец, быть принятым королевой и герцогом Эдинбургским, преклонить колени, как королева произнесет: «Поднимитесь, сэр рыцарь» и все остальное, что прилично случая?

Бонд улыбнулся:

— Мне бы понравились все эти штучки. В них есть некоторая романтичность, свойственная Секретной разведывательной службе, к тому же это вполне в шотландском духе. Но я просто не хочу, чтобы меня называли сэром Джеймсом Бондом. Я бы смеялся над собой каждый раз, когда смотрел в зеркало во время бритья. Это не по мне, Мэри. Я от одной только мысли об этом содрогаюсь. Я знаю, что М. поймет. Он к таким вещам относится так же, как и я. Беда в том, что ему пришлось как бы унаследовать свое рыцарское звание, он получил его вместе с должностью. Как бы там ни было, я не изменю своего решения, так что можешь отправлять это, а я сегодня вечером напишу М. личное письмо. Есть еще что-нибудь?

— Да, есть кое-что, — Мэри Гуднайт опустила свои хорошенькие глазки. — Старшая сестра говорит, что ты можешь выписаться в конце недели, но потребуется еще недели три для окончательного выздоровления. Ты уже думал, куда собираешься отправиться после госпиталя? Далеко уезжать от лечебницы тебе не разрешат.

— Нет, я еще не думал об этом. Что ты предлагаешь?

— Ну, э-э, у меня есть небольшая вилла, Джеймс, это здесь неподалеку, в Мона Дэм, — остальное она выпалила скороговоркой. — Там найдется очень хорошая небольшая свободная комната окнами на Кингстонскую бухту. И там прохладно. Правда, только одна ванная, но если ты не возражаешь... — Она покраснела. — Вообще-то я живу там одна, но ты знаешь, на Ямайке на эти вещи не обращают никакого внимания.

— На какие эти вещи? — спросил Бонд, поддразнивая ее.

— Не валяй дурака, Джеймс. Ты же знаешь, ну когда не состоящие в браке люди живут в одном доме и все такое прочее.

— А, ты об этом! Предложение заманчивое. Между прочим, твоя спальня, кажется, вся в розовых тонах и с белыми жалюзи, а спишь ты под москитной сеткой, ведь так?

Она очень удивилась.

— Да. Откуда ты знаешь? — Когда он не ответил, она торопливо добавила: — И еще, Джеймс. Это недалеко от «Лиганси-клуб», ты можешь туда ходить и играть в бридж и в гольф, когда тебе станет лучше. Там много интересных людей, есть с кем поговорить. И конечно, я умею готовить и пришивать пуговицы и так далее.

Из всех линий судеб и головоломных гороскопов эта картина, нарисованная Мэри, женщиной с воображением, одна из самых роковых и коварных.

Джеймс Бонд, находясь в полном рассудке, с открытыми глазами, твердо стал на линолеумном полу и беспечно сунул свою головушку между покрытыми мягким норковым мехом челюстями ловушки.

— Гуднайт, ты просто ангел, — сказал он, сам нисколько не сомневаясь в точности этого выражения.

И в то же время в глубине души он понимал, что любви Мэри Гуднайт или любой другой одной женщины ему недостаточно. Он никогда не был против того, чтобы «снять комнату с хорошим видом из окна». Но для Джеймса Бонда один и тот же вид из одного и того же окна — это, пожалуй, чересчур.